

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВ

ТЕНИ ТЕРТОНОВ

ВОСТОЧНАЯ ПРУССИЯ
ЗАМКИ Тевтонского ордена

Балтийское море

Пролив ЗеетиФ

Коса Фрише Нерунг
 залив Фриш-ГаФ

Данциг

р. Висла

Диршау

р. Нотат

Цантин

Мариенбург

Эббинг

Фрауенбург

Пройш Холланд

Морунген

Коса Курише Нерунг

залив Куришес-ГаФ

Лохштедт

Кёнигсберг

Лабиау

Бранденбург

р. Прегель

Веллау

р. Фришинг

Бальга

Кройцбург

Браберг

Бартенштайн

Хайльсберг

Бэслак

Рёссель

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВ

РИПОЛ
КЛАССИК

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И20

 storytel original

Storytel — жизнь в историях.

Иванов, Алексей

И20 Тени тевтонов / А. Иванов. — М. : РИПОЛ классик, 2021. — 384 с.

ISBN 978-5-386-13977-3

1457 год. Враги штурмуют замок Мариенбург — столицу Тевтонского ордена. Тевтонский магистр бежит в Пруссию.

1945 год. Советская армия штурмует прусский город Пиллау. И теперь от врага бежит нацистский гауляйтер. Что общего между этими событиями? Их объединяет древняя тайна крестоносцев — тайна Лигузета, меча Сатаны.

«Да, пьесы оказались на разных языках, и драматурги не ведали друг о друге, но символ, порождающий действие, всегда выстраивал свой неизменный родовой сюжет: если роза — то любовь, если меч — то война».

И повторение истории — всегда путь к Сатане.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-386-13977-3

© Алексей Иванов, 2021
© Storyside, 2021
© Издание, оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2021

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Пиллау строили три столетия, а разрушили за неделю. Артиллерия, авиация и уличные бои превратили город в свалку дырявых и пустых коробок, полузасыпанных щебнем, битым кирпичом и черепицей. Балтийский ветер сдул дым пожаров и тучи пыли, и мёртвый город лежал на полуострове, вывернув внутренности, во всём очевидном ужасе недавнего штурма. Над руинами торчала красно-белая башня маяка — маяк не тронули, потому что он служил ориентиром для русских бомбардировщиков. Воды утихших гаваней отражениями удваивали перекошенные надстройки и мачты затопленных судов. На площади у памятника курфюрсту беззвучно разевали рты старинные гвинейские пушки — они словно выли, взывая к небу: «Пиллау-у! Пиллау-у!..»

Винцент Клиховский не сочувствовал этому городу. К чёрту Пиллау. К чёрту Берлин. К чёрту Дрезден, Гамбург, Франкфурт, Кёнигсберг и Кёльн. Пусть немцы на своей шкуре испытают то, что испытали поляки. Пусть города Германии станут такими же, какой стала Варшава осенью сорок четвёртого.

Он, Клиховский, должен был погибнуть в Пиллау. Должен был сгореть в каземате форта «Штиле», когда заговорщики взорвали подземный завод, или упасть убитым в расстрельный ров, когда немцы зачищали концлагерь перед отступлением. Но он уцелел. А Пиллау — нет. Однако из-за этого Клиховскому сейчас приходилось носить имя Пауля Бадштубера — несчастного беженца, которого он убил и у которого забрал документы. Клиховский не хотел, чтобы русские загнали его в фильтрационную зону для интернированных. У него в Пиллау ещё были недоделанные дела. Ему требовалась свобода.

— Господин Бадштубер, не спешите, пожалуйста! — попросила фрау Берта.

На пару со старенькой фрау Бертой Клиховский таскал тяжёлые носилки с мусором. Мусор вываливали в автомобильный прицеп. Над городком сияло майское солнце — ясное, как победа. Мир воцарился в Пиллау две недели назад, когда немцы сдали Шведскую цитадель и откатились за пролив Зеетиф; сейчас уже невозможно было поверить, что совсем недавно вокруг пылал крошечный ад. Как в нём выжила фрау Берта, беспомощная вне отлаженного порядка?

Немногочисленным немцам, оставшимся в Пиллау, русская комендатура приказала расчищать улицы, чтобы тягачи уволокли разбитую технику. За это немцев кормили. В обед и в ужин приезжала русская полевая кухня; солдат в грязном фартуке шлёпал в тарелки и кастрюли горячую кашу. Почтмейстер господин Норберт Рот был избран жителями улицы Проповедников старостой; он вёл журнал учёта, хотя русские не сверяли количество работников и едоков.

Русских заботили проезды через разрушенные кварталы Хакена — так назывался район Пиллау

между аванпортом, каналом Иннехафен, Крепостной гаванью и Шведской цитаделью. Улицу Проповедников перегораживал танк «Панцер-3», грузный, но с маленькой башней и коротким орудием. В борту у танка чернели две рваные дыры, тупой затылок башни и корма обгорели. По узким плоскостям брони ползли бело-серые разводы зимнего камуфляжа. В вермахте рассчитали, что война до лета не протянется, а потому из экономии не перекрасили боевую технику в летние цвета. Это было очень по-немецки.

Женщины, дети и старики, жители улицы, разгребали груды мусора на мостовой. Доски и балки распиливали на дрова, цельные куски стен разбивали кайлами, пригодные кирпичи аккуратно складывали на тротуаре в штабель. Поодаль выстроились спасённые вещи: пыльные стулья, решётка от камина, поцарапанная швейная машинка, комод без ящика. На расстеленную скатерть сносили разрозненную посуду: тарелки, чашки, серебряные ложки, фаянсовый чайник. Щепетильный господин Рот переписывал находки в журнал.

Улица Проповедников была плотно застроена домами в два-три этажа. В перспективе открывалась площадь — разумеется, Адольф-Гитлер-плац. Один угол площади исчез под обломками рухнувшей ратуши. На другом углу располагался ресторанчик «Немецкий дом», русские приспособили его под офицерскую столовую. Возле ресторанчика урчал двигателем толстоносый грузовик «бюссинг», мощная трёхосная машина; в кузове грузовика сидели десяток солдат. У кабины стояла молодая женщина, офицер, а рядом — человек гражданского вида: весеннее пальто, шляпа, круглые очки. В офицерской форме советской армии Клиховский ещё не разбирался, а гражданского он узнал: док-

тор Пакарклис из Вильно, историк и юрист. До войны Клиховский не раз встречался с ним на конференциях, посвящённых Тевтонскому ордену. Что здесь делает Пакарклис?.. Не важно. В любом случае это шанс.

Клиховский прислонил носилки к прицепу.

— Фрау Берта, отдохните, — предложил он. — Я заметил давнего знакомого.

Пока он шагал к площади, женщина-офицер забралась в кабину. Литовец закурил, поглядывая на двери ресторана. Он явно кого-то ждал.

— Господин Пакарклис?.. — Клиховский приподнял шляпу в приветствии.

Пакарклис узнал его не сразу. Клиховский сильно изменился с довоенных времён: исхудал, постарел, а глаза стали словно какими-то древними.

— Винцент, неужели это вы?! Боже мой, вы живы!..

Пакарклис в изумлении всплеснул руками и застыл в молитвенной позе. Для литовца это было высшим выражением радости.

— Трудно согласиться, но я жив, — усмехнулся Клиховский.

— Что вы делаете в Пиллау? — полюбопытствовал Пакарклис.

— Прозябаю, — просто сказал Клиховский. — Как видите, разгребаю мусор. Кстати, здесь я — Пауль Бадштубер, эвакуированный младший инспектор дорожной службы Инстербурга. Так что, Повилас, называйте меня Паулем.

Пакарклис помрачнел. Вторая мировая многих превратила в подлецов.

— Я слышал, что в сорок втором в Данциге вас забрало гестапо. Или СС. Но я ответственно заявляю вам, что русские не преследуют за сотрудничество с немцами, Ви... Пауль, если вы не были карателем или их пособником.

Клиховский спокойно покачал головой:

— Меня забрало СД, но это не важно. Я не был карателем и пособником. Я был узником концентрационного лагеря Штутгоф, точнее, его отделения в форте «Штиле». Я бежал. И оказался в этом городе с чужими документами.

Пакарклис выдохнул с облегчением.

— Я помогу вам восстановиться в правах, — сразу предложил он. — У меня появились определённые связи в комендатуре.

Значит, Пакарклис по-прежнему сотрудничает с советской властью... Клиховскому это и раньше не нравилось, но сейчас годился любой шанс.

— Пока не надо, Повилас. Если русские узнают, что я поляк, меня сразу экстрадируют в Данциг. А у меня к немцам здесь ещё есть неоплаченный счёт. Лучше расскажите, чем вы занимаетесь в Пиллау?

Теперь глаза Пакарклиса блеснули удовольствием.

— Возглавляю археографическую экспедицию Литовской академии наук.

— Археографическую? — не поверил Клиховский. — В мае сорок пятого?

— Всё согласовано со штабом фронта. Мы разыскиваем литовские книги, увезённые нацистами. В замке Лохштедт немцы бросили целую библиотеку. Там есть даже манускрипты из Альбертины и письма Канта.

Лохштедт?.. Клиховский словно коснулся оголённого провода.

— Послушайте, Повилас, — хмуро сказал он, глядя в сторону, — мне весьма неловко просить, но не возьмёте ли вы меня в помощники?

Пакарклис дружелюбно рассмеялся:

— Я понимаю. Мы же коллеги. Я поговорю со своим куратором от штаба.

Из ресторана «Немецкий дом» торопливо вышли двое, один в военной форме, другой в гражданском. Военный вытирал губы платком.

— Мои товарищи по экспедиции, — пояснил Паркарклис. — Нам пора ехать, Ви... Пауль. Я навещу вас вечером. Где вас искать?

— Вон та улица, дом семь, в подвале. Там только подвал и остался.

От окраины Пиллау до тевтонского замка Лохштедт пешком можно было дойти за час-полтора. По изуродованной дороге, огибая воронки, грузовик ехал примерно столько же. Дорога называлась имперским шоссе № 131; то и дело застревая в заторах, по этому шоссе в обе стороны ползли автофургоны, тягачи и бронетехника. «Бюссинг» свернул в направлении залива Фриш-Гаф.

Замок стоял над морем на пригорке. По сути, это были два двухэтажных корпуса, соединённых под прямым углом. Выщербленный красный кирпич. Готические окна. Черепичная крыша — вся в дырах. Взрытый воронками двор. И везде вздутые трупы в серо-зелёной солдатской форме вермахта и грязной гражданской одежде фольксштурма. Когда грузовик остановился, на него тихо наплыла густая волна смрада. Бойцы охранения откинули задний борт и друг за другом спрыгнули на землю. Из кабины выбралась капитан Луданная.

— Товарищи историки, — сказала она по-русски, — напоминаю про мины. Проверено только здание, так что я запрещаю выходить из него даже по нужде.

Женя Луданная была убеждена, что учёные не приспособлены к жизни, как дети. Беспомощные и бесполезные люди. Блаженные. А может, и ловкачи.

Клиховский уже понял: экспедицией командовала эта молодая дама из Управления контрразведки Третьего Белорусского фронта. Ей подчинялось отделение охраны. А Пакарклис руководил только историками. Их было всего двое: Юозас Юргинис, директор библиотеки Академии наук, и полковник Бронислав Гертус из университета Вильно. Во время войны Гертус возглавлял инженерную службу литовской дивизии и до сих пор носил военную форму.

— Переведите запрет своему коллеге, — приказала Луданная Пакарклису.

Беженца Бадштубера в группу привлёк Пакарклис. До войны у немцев имелось множество разных обществ по изучению истории, и Бадштубер, по словам Пакарклиса, состоял в таком кружке. Луданная не возражала против участия немца в работе литовцев. Книги — чушь: пусть их собирает кто хочет.

Неподалёку от замка тянулась железная дорога. Рядом с низкой насыпью валялись опрокинутые товарные вагоны, сгоревшие до железных скелетов. Буковый лес вокруг замка, ободранный перестрелкой, превратился в голый кривой частокол. За стволами чёрно горбатились сгоревшие танки-«панцеры» и самоходки-«штуги». Над тихим заливом кричали и метались чайки.

Солдаты боевого охранения направились на позиции, уже обустроенные ими вчера, а историки и Луданная пошли к большому пролому в стене.

— Можно мне осмотреть замок? — спросил Клиховский.

— Зачем? — с подозрением прищурилась Луданная.

— Замок — исторический памятник. А я никогда здесь не бывал.

— Глупости, Бадштубер.

— И всё же я прошу вас.

— Ну, если вам угодно... — Луданная презрительно дёрнула плечом. — Однако в подвал соваться запрещаю. Там везде обрушения.

Стены в высоких сводчатых залах зияли язвами от пуль и осколков. Клиховский знал, что замку больше шестисот лет, но выбоины были такими свежими, что в древность замка не верилось. Казалось, что это не тевтонский орденбург, а какая-то кирпичная конюшня или амбар в заурядном фольварке — немецком сельском имении. Тишина и зловоние. На каменных полах — мусор и трупы. После штурма русские похоронные команды собирали в Лохштедте только своих, а немцев не трогали. Мертвецы растянулись среди истоптанных книг, обломков кирпича и штукатурки, касок, россыпей гильз и размотанных бурых бинтов, патронных цинков, пустых автоматных магазинов и катушек от полевых радиостанций. По телам и по книгам шустро бегали крысы.

Доктор Хаберлянд говорил о зелёных снаряженных ящиках. В помещениях первого и второго этажей Клиховский не увидел ничего похожего. Возможно, ящики сложили в подвале, однако спускаться туда значит нарушать запрет Луданной. Клиховский решил подождать более удобного момента и вернулся к Пакарклизу. Литовец посмотрел на него с каким-то затаённым восторгом.

— Вот здесь, — он обвёл часовню руками, — брошены сокровища из библиотек Вильно, Кёнигсберга, Дерпта, Риги и Мемеля. Это ужасное зрелище — свидетельство нацистского варварства. Наша задача — вывезти все книги на литовском языке. Госпожа капитан, я попрошу вас не курить здесь.

Луданная с недовольным видом сунула папиросу в коробку.

— «Товарищ капитан», господин учёный, — раздражённо поправила она.

Пакарклис поручил Клиховскому проходной зал с окнами на залив Фриш-Гаф. Защитники замка, видимо, использовали зал как лазарет: под окнами в ряд лежало шесть покойников. Стопки книг служили им изголовьями. После концлагеря мертвецы не вызывали у Клиховского никаких чувств: просто бывшие люди, и всё. Клиховский вытащил книги и раскрыл ту, что показалась самой старой. И лишь теперь его сердце затрепетало — отозвалось на любимое дело. В руках у Клиховского были напечатанные на латыни исторические хроники Яна Длугоша. Судьбы Польши — вечная боль и вечная нежность...

Клиховский раскладывал книги и папки в стопы; получились три большие — немецкие, и одна малая — литовские. От вида старинных томов, бесценных для культуры, но не имевших никакой цены для солдат, Клиховского охватила бессильная злость. За стеной замка на железной дороге неторопливо простучал колёсами эшелон. А потом из глубины здания донёсся отчаянный крик.

Повилас Пакарклис отвёл себе самый перспективный участок — комнату с целой горой из книг. Пакарклис так увлёкся работой, что перестал смотреть под ноги — и наступил на противопехотную мину, засунутую в кипу жёлтых листов, покрытых строками готического шрифта. Мина подалась и хрустнула.

Ещё в коридоре Клиховский услышал голос полковника Гертуса:

— Не сходите с места, Повилас! Не двигайтесь!..

Когда Клиховский появился в комнате Пакарклиса, здесь были уже все. Пакарклис стоял в странной позе и протягивал Юргинису большую папку:

— Юозас, возьмите, возьмите! Это «Времена года»! Перо Донелайтиса!

Поэт Донелайтис для литовцев был как Мицкевич для поляков или Гёте для немцев. Рукопись великой поэмы Донелайтиса тоже оказалась у нацистов.

Юргинис с опаской принял папку и инстинктивно попятился.

— Спокойно, Пакарклис, я вызову сапёров! — быстро сориентировалась капитан Луданная. — Отсюда три километра до нашей части в Нойхойзере!

Бронислав Гертус, опустившись на колени, расшвыривал и обрывал бумаги, чтобы рассмотреть мину под подошвой ботинка Пакарклиса.

— Выйдите все из помещения! — через плечо сердито бросил он.

— Вы ведь тоже сапёр, Бронислав? — с надеждой спросил Пакарклис.

Он был бледен и боялся пошевелиться. Гертус в волнении снял фуражку.

— Я не справлюсь, — негромко произнёс он, глядя на мину. — Это шутцен-фугас, разработка для «Вервольфа». На фронте мы с такими не сталкивались.

Клиховский подошёл к Гертусу и присел. Мина, круглая банка, имела на боку маркировку «SDm-45 FS». Буквы «FS» означали «Форт Штиле».

— Контактная крышка на пружине, — сказал Клиховский. — Выдёргивает чеку при возвратном движении. Детонатор сконструирован для растяжек, но мина приспособлена для нажимного действия.

— Откуда вы знаете? — тотчас насторожилась капитан Луданная.

— С такими минами я работал на заводе в форте «Штиле».

— Вы разрядите её? — задыхаясь, спросил Пакарклис.

— Постараюсь. Главное — не дать крышке подняться. Нельзя снимать вес.

Клиховский выпрямился во весь рост и тесно прижался к Пакарклису, а затем осторожно приставил свои ноги к ноге Пакарклиса так, чтобы наступить на края контактной крышки.

— Убирайте ногу, Повилас, и отходите в сторону.

Пакарклис медленно отклонился и снял ногу с мины. Затем сразу же отступил на несколько шагов. На mine теперь стоял Клиховский.

— Найдите кирпичи, штук восемь целых, — спокойно распорядился он. — Я придавлю крышку. Нужна тяжесть не меньше шестнадцати килограммов.

Юргинис и Гертус кинулись на поиски пригодных кирпичей. Клиховский стоял на mine и смотрел на Луданную. Если он взорвётся, в последний миг приятнее видеть красивую женщину. Короткие сапожки. Тесная юбка. Узкая талия под ремнём. На высокой груди — орденская планка. Узел тяжёлых волос и пилотка чуть набок. Лицо — княжеское, а в серых глазах — подозрительность волчицы: «Откуда ему известно про диверсионные мины? Он диверсант?..» Пакарклис же сейчас вовсе не узнавал Клиховского. Что случилось с рядовым историком из Данцига, малоизвестным специалистом по Тевтонскому ордену?

В комнату вернулись Гертус и Юргинис. Они тащили кирпичи. Гертус аккуратно поместил первый кирпич на мину между ботинок Клиховского.

— Я понимаю вас, Повилас, — тускло сказал Клиховский. — Стоять на мне и вправду очень страшно. Как на эшафоте с петлёй на шее.

Покидая Пиллау, доктор Хаберлянд оставил Клиховскому и квартиру, и подвал-бомбоубежище. Теперь Клиховский жил в подвале. Половину каморки занимал дощатый стеллаж с имуществом Хаберлянда. Вечерами Клиховский лежал на топчане при свете коптилки и размышлял обо всём подряд. Иногда с тоской вспоминал сыновей. Какие они сейчас, Берчек, Людвичек и Чарусь? Помнят ли отца? А он их помнил и любил. Потому и находился в Пиллау. Он не хотел, чтобы двое его мальчиков погибли, как погибли оба его брата.

Сейчас Клиховский думал о Лохштедте. Прежде он не бывал в этом замке, хотя общество «Сила через радость» включило Лохштедт в туристический маршрут. Потом Эрих Кох, гауляйтер Восточной Пруссии, прибрал замок себе под резиденцию, и экскурсии прекратились. Нынешний Лохштедт выглядел как загородное имение, но Клиховский легко определил планировку древней твердыни. Два рва в виде подковы. Предместье — форбург. Линия стен и форт-барбакан. Часовня — это рыцарская капелла, и понятно, где был конвентхаус. Если учесть, что в водах залива в древности возвышалась башня-данцер, тевтонский извод идеи донжона, то ясно, где располагался бургфрид — главная башня. В лёгком и мощном воображении Клиховского замок Лохштедт стоял над водами Фриш-Гафа целый и невредимый — только призрачный.

Его воздвигли в конце тринадцатого века на устье пролива из Балтики во Фриш-Гаф. В Тевтонском ор-

дене Лохштедт отвечал за охрану корабельного пути и добычу янтаря. На побережье торчали виселицы для нарушителей закона — тайных сборщиков «замландского золота». Однако четыре века назад пролив занесло песками, а Орден угас. Лохштедт был заброшен и тихо ветшал. Строители Шведской цитадели, новой крепости в Пиллау, начали разбирать его на кирпичи. От замка сохранились только два здания и подземелья.

За дверью каморки послышались неуверенные шаги, потом раздался стук. Наверное, это пришёл кто-то из соседей по подвалу, потому что в городе царил комендантский час. Клиховский поднялся с топчана и открыл. В темноте прохода стоял Пакарклис. Он держал в руке бутылку с сургучом на горлышке. Круглые стёкла его очков горели, отражая огонёк коптилки.

— Сегодня вы спасли мне жизнь, Винцент, — сказал литовец. — Я должен поблагодарить вас. Я постараюсь отплатить, мой друг. А это — спирт.

Клиховский уже почти забыл о том, что приключилось днём. Да, он мог погибнуть. Но не погиб. И больше беспокоиться тут не о чем. Клиховский давно привык выбрасывать все мысли о смерти, если угроза миновала.

— Располагайтесь, — пригласил он.

Спирт разлили в чашки Хаберлянда из дорогого мейсенского фарфора.

— Как вы пережили войну, Повилас? — осторожно спросил Клиховский.

Это был самый главный вопрос, и от ответа зависело всё.

До войны Литва прокладывала свой путь, лавируя между большевистской Россией, нацистской Германией и санационной Польшей. Пакарклис

считал, что для самосохранения Литва должна примеряться к наиболее сильному соседу. Но в 1940 году Россия бесцеремонно поглотила Литву. В независимом государстве Пакарклис был окружным прокурором, под коммунистами стал комиссаром юстиции. Когда началась война, он отступил с русскими, потому что не верил в победу Гитлера. Преподавал. С русскими и вернулся домой.

— Я написал письмо в Академию наук, — рассказал Пакарклис. — Составил перечень учреждений Германии, где могут содержаться культурные ценности Литвы. Меня отправили в штаб фронта, затем в штаб армии. Генерал Галицкий проявил щедрость и сообщил мне, что фашистские книги Советам ни к чему.

Клиховский с горечью кивнул. История никому не была нужна — ни фашистам, ни коммунистам, ни пилсудчикам. Им была нужна только власть.

— В Кёнигсберге смершевцы показали мне распоряжения гауляйтера Эриха Коха об эвакуации архивов и библиотек. Я пошёл по следу и очутился здесь, в Пиллау. Представляете, Винцент, я отыскал «Постиль» Бреткунаса, рукописи Людвикаса Резы и «Прусский вопрос» Матфея Претория. Это клад!..

— Ваш интерес — по-прежнему Жемайтия?

Шесть столетий назад Великое княжество Литовское и Тевтонский орден вели жестокую войну за Жемайтию, языческую Жмудь.

— В эвакуации я научно обосновал утверждение, что жмудины являлись пруссами, — с гордостью сообщил Пакарклис.

Клиховский невесело усмехнулся. Пакарклис подвёрстывал историю под нужды современности. Если жмудины — пруссы, то литовцы — исконные враги тевтонцев и соратники славян в борьбе с не-

мецким нашествием. Так сейчас нужно выглядеть литовцам, чтобы уцелеть под большевиками. Клиховский понимал стратегию Пакарклиса, но для него такая стратегия всё равно была малодушием и предательством профессиональной чести.

— Я сдал в печать книгу «Борьба литовцев с крестоносцами», — признался Пакарклис и принялся смущённо протирать очки полой пиджака.

Клиховский промолчал и разлил спирт. Увы, никакая Лига Наций уже не вырвет Литву из лап России, и Пакарклис смиренно готовил своей родине положение поудобнее. Возможно, и Польше тоже придётся придумывать себе новую историю. Но он, Винцент Клиховский, участвовать в этом не будет.

— Вы вхожи в высшие сферы, Повилас... Вам известно, что Советы собираются сделать с Восточной Пруссией?

— На такие темы со мной не откровенничают.

— Но у вас есть понимание общей логики событий.

Пакарклис вздохнул:

— Думаю, Восточной Пруссии не станет. Россия её присвоит. Мемель вернут Литве, а районы плебисцита всё-таки присоединят к Польше.

В 1920 году, после Версальского мира, Лига Наций, перекраивая Европу, хотела отдать Польше юго-западные районы Восточной Пруссии. На спорных землях провели плебисцит, однако население проголосовало за Пруссию. Германия, униженная Версалем, тихо торжествовала. Вскоре в Алленштайне воздвигли мрачный и величественный мемориал сражению под Танненбергом. В Мариенбурге довершали восстановление гигантского замка тевтонцев. И повсюду появились огненосные «башни Бисмарка» и монументы плебисциту — кам-

ни с девизом: «Немцами были, немцами будем!». Что ж, больше не будут.

— Пиллау тоже окажется русским?

— Советам нужен контроль над Балтикой. В Пиллау переводят военно-морскую базу. Армейская комендатура уже сдаёт дела командованию флота.

— Пиллау закроют для иностранцев?

— Скорее всего, да. Немцы ведь поступили точно так же.

Пакарклис был прав. С 1921 года Пиллау был базой германского флота, и иностранцев сюда не пускали.

Клиховский понял, что назваться Бадштубером было верным решением. Если его, поляка, выдворят из Пиллау, он навсегда потеряет шанс избавиться от родового проклятия. И два его сына погибнут, как погибли два его брата.

— Почему вы не хотите уехать отсюда, Винцент? — проницательно спросил Пакарклис. — Не похоже, чтобы в этом городе вы были счастливы.

— У меня здесь незавершённое дело, — неохотно признался Клиховский.

— Я могу узнать, какое?

— Вы сочтёте меня сумасшедшим.

— Я видел котлованы в Панеряе, заполненные останками расстрелянных жителей гетто. Это не мы сошли с ума, Винцент.

Клиховский тоже видел, как дымили печи крематория в Штутгофе.

— Я ищу Лигуэт, — сказал он.

Пакарклис поджал губы и покачал головой:

— Вы верите в эту тевтонскую версию Святого Грааля?

Клиховский угрюмо смотрел в чашку со спиртом:

— Я уже ни во что не верю. Я просто хочу закончить свою войну.

Двигатель взвыл, рубчатые колёса завертелись, в прокруте выбрасывая песок, и грузовик двинулся вперёд и вверх по склону берега, вытягивая трос, уходящий в воду. Вода вдруг яростно заискрила на солнце и с плеском раздалась, скатываясь с широкой плоскости самолётного крыла. Потом вынырнул капот, потом — фюзеляж и хвост, потом — нижнее крыло биплана.

Грузовик вытащил утопленника на узкий пляжик под замком Лохштедт. Это был перечно-красный гидросамолёт на поплавках. На бортах и округлых крыльях чернели кресты и надписи «Ostpreußen». Из корпуса хлестали струи.

— «Хейнкель-60», — определил майор Перебатов. — Двухместный.

Неподалёку, высунув на отмель форштевень, лежал длинный бронекатер с танковой башней. Рубка и борта у него были покрыты бугристыми синяками — заваренными пробоинами: катер высаживал десанты на косу Фрише Нерунг. Матросы лежали в короткой травке на берегу, курили трофейные сигареты и лениво наблюдали за вознёй с растопыренным двухэтажным самолётиком.

— Дывьись, братишки, яки у Хитлера попухай, — сказал кто-то из них.

Клиховский внимательно наблюдал за происходящим.

— Ясное дело, Женька, ты его прозевала, — усмехнулся Перебатов.

Луданная сдержала гнев. Со старшим по званию не спорят. Но не следует майору при посторонних

панибратски называть её Женькой. И упрёк майора несправедлив. Перебатов тоже не сумел бы увидеть под водой гидроплан.

— Мы не принимали водных процедур, — сухо ответила Луданная.

Перебатов был её сослуживцем по Управлению контрразведки фронта. В Пиллау порой пропадали солдаты и офицеры — скорее всего, проваливались в катакомбы или подрывались на минах. Перебатов с группой расследовал эти исчезновения: вдруг нацисты оставили подполье, пресловутый «Вервольф»? Сегодня днём воздушный наблюдатель сообщил в СМЕРШ, что обнаружил неопознанный самолёт, лежащий на дне залива возле замка Лохштедт. Перебатов взял в гавани бронекатер и примчался осмотреть находку.

— Его сбили? — наивно спросил Пакарклис.

Перебатов чуть поморщился от необходимости объяснять гражданскому:

— Ночью зацепили зенитчики с эсминца. Но он не упал, а приводнился гладенько. Экипаж гранатами взорвал поплавки и утопил аппарат. А сам ушёл. — Перебатов вздохнул и осуждающе посмотрел на Луданную: — Эх, Женька, если бы ты утром не считала ворон, мы уже прочесали бы всё отсюда до Камстигаля и нашли бы гостей! А сейчас им полная волюшка!

Луданная больше не хотела подчиняться обвинениям майора:

— Чушь, Николай! Те, кто прилетели, или наскочат на мину, или попадутся патрулям! Случайные одиночки ни на что серьёзное не способны!

Теперь рассердился Перебатов:

— Эти черти не простые! Они прилетели, куда запланировали, не то сели бы на Пайзе и шмыгнули

в леса! А какого хрена им тут надо? Думай головой, Женька, а не чем ещё!

Глаза Луданной сузились.

Перебатов повертелся на месте, озираясь:

— На полуострове действует группа «Вервольфа», я точно говорю! Может, гости к ней и пробирались? Диверсия будет на твоей совести, Женька!

Клиховский молча разглядывал красный самолётик. Где он видел его? «Ostpreußen»... «Восточная Пруссия»... Клиховский вспомнил. Так назывался ледокол гауляйтера. Говорили, что он расчищал морской канал от Пиллау до Кёнигсберга, но Клиховский застал «Восточную Пруссию» уже намертво пришвартованной к причалу гавани. Эрих Кох берёт своё судно от бомбёжек и не выпускал даже для эвакуации беженцев. Красный самолётик, зимой «обутый» в лыжи, всё время сидел на корме ледокола под стрелой крана. Он предназначался для ледовой разведки, потому, собственно, и был красным. В начале апреля, помнится, беженцы негодовали, что на ледокол грузят ещё и автомобиль гауляйтера. 23 апреля ледокол и гауляйтер исчезли из Пиллау.

Майор Перебатов тем временем немного успокоился.

— Прилетевшие должны оставить следы, — сказал он уже миролюбиво.

— Я ничего не заметила, — непроницаемо ответила Луданная.

— Не сомневаюсь. Давай проверим твою халабуду.

Перебатов пошёл к замку, Луданная — за ним, а историки — за офицерами.

В залах и комнатах замка Перебатов не обнаружил ничего интересного.

— В подвале своды осыпаются, — предупредила Женья.

— Авось не угробимся... — буркнул майор.

В обширном полуразрушенном подземелье трупов было не меньше, чем на этажах, и застойное зловоние загустело здесь, как мазут. Офицеры зажгли ручные фонарики. Клиховский жадно оглядывался, надеясь увидеть зелёные снарядные ящики из музея доктора Хаберлянда. В лучах мелькали упавшие стеллажи, выщербленные пулями кирпичные углы, пустые каски, солдатские ранцы, пулемётные ленты, жуткие лица мертвецов, их руки со скрюченными пальцами, а ещё какие-то мешки и доски, гнутые ветви бронзовых люстр, канделябры, поломанная мебель в позолоте, резные рамы картин. Искрами вспыхивали гильзы и осколки фарфора. Клиховского продрал озноб. Значит, экспонаты Хаберлянда действительно были переправлены в Лохштедт!

— Что тут за филармония была? — мрачно удивился Перебатов.

— Хранились фонды местного музея, — пояснил Пакарклис.

Пакарклис знал это от Клиховского.

Спотыкаясь и матерясь, Перебатов добрался до конца подземелья, точнее, до той его части, где своды и опорные колонны обвалились. Груды кирпичей и обломков лежали поверх трупов. Можно было карабкаться и дальше, но майор остановился, размышляя. Общая картина ему стала понятна.

— Ты туда заползала? — уточнил майор у Жени, указывая лучом.

— Разумеется.

— Есть вероятность, что там был схрон с оружием или взрывчаткой?

— Я осматривала помещение на предмет книг.

— Ну, считаешь их, когда вышибут из армии, — проворчал майор.

Клиховский торопился запомнить то, что сейчас видел. Не исключено, что зелёные ящики погребены под осыпями, однако этих ящиков, по словам Хаберлянда, было много, с десятков, и какой-нибудь непременно торчал бы наружу. А Клиховский не заметил ничего. Значит, зелёные ящики, все вместе, стоят в другом хранилище. Учитывая их ценность, в более надёжном бункере.

Сердито сопя, майор повернул к выходу.

С пригорка, от замка, бронекатер и гидроплан выглядели как крокодил и огромная бабочка. Отдышавшись на свежем ветре с залива, Перебатов снова подошёл к Луданной. Клиховский услышал их негромкий разговор.

— Скажи-ка, эти профессора у тебя сомнений не вызывают?

— Тот, который в очках, был наркомом юстиции в советской Литве.

— Они все западники, Женька. Порождение национальной буржуазии. Им доверять нельзя. Среди них могут оказаться те, кто связан с диверсантами.

— Хорошо, я приняла к сведению. Покопаю их биографии поглубже.

Клиховский понял, что глубокое дознание непременно выведет русскую дефензиву на фальшивую личность Бадштубера. Тем более он уже проявил своё знакомство с диверсионными минами... Надо что-то предпринять.

— Женька, я ничего не имею против тебя, но ты не тянешь оперативную работу, — совсем тихо сказал майор. — И в штабе не я один так считаю.

Луданная прекрасно понимала, почему Перебатов внушает ей, и не только ей, что армейская контрразведка не её дело. Майор взял Женю за локоть, словно пытался утешить, но Женя твёрдо высвободила руку. Майор вздохнул с наигранным сожалением: ох уж эти бабские обиды без причин!..

— Ладно, увидимся вечером.

Перебатов пошагал к берегу, придерживая на боку потрёпанный планшет. Женя смотрела в сторону, сжимая губы; глаза у неё непримиримо почернели.

Клиховский догадался: судя по всему, авторитет у Луданной невысок.

Над заливом носились чайки. Искалеченный голый лесок вокруг замка окутался зеленоватой дымкой. Матросы бронекатера дремали на солнцепёке.

— Полундра! — рявкнул им Перебатов.

Клиховский помедлил за спиной у капитана Луданной.

— Господин капитан, — обратился он по-немецки. — У меня есть разговор.

— Не сейчас! — Луданная даже не оглянулась.

Клиховский и не рассчитывал на благосклонность собеседницы.

— Замок был одной из резиденций гауляйтера Эриха Коха, — сообщил он. — Наверняка под замком имеется бункер гауляйтера. И этот бункер наверняка соединён с подземной железной дорогой, идущей от Пиллау до Фишхаузена.

Теперь Луданная развернулась к Клиховскому лицом.

— Подземная железная дорога?.. — ошеломлённо переспросила она.

— Прилетевшие на гидроплане, скорее всего, по этой дороге и ушли.

Клиховский знал, что его слова произведут на контрразведчицу нужное впечатление. Дела по службе у неё невесёлые, а тут такие открытия!

— Кто вы, господин Баштубер? — напряжённо спросила Женя.

— Я ещё не всё сказал, — остановил её Клиховский. — Не берусь утверждать, но с большой степенью вероятности могу предположить, что на гидроплане сюда прилетел сам гауляйтер Эрих Кох.

В честь доктора Хаберлянда в Пиллау называли улицу. Клиховский мог бы гордиться, что историю города открывал ему такой уважаемый человек.

Пиллау родился на закате Тевтонского ордена. В 1510 году неистовый ураган разорвал узкую песчаную косу Фрише Нерунг, что отделяла Фриш-Гаф, закрытую лагуну, от Балтийского моря. Возле Зеети-фа, новоявленного пролива, стояла деревенька Вограм. С неё и начался город Пиллау.

Старый пролив у замка Лохштедт потихоньку высох и был поглощён беспокойными дюнами. Лоцманы, проводившие торговые суда через мелкий Фриш-Гаф в Кёнигсберг, перебрались из Лохштедта в Вограм. Тевтонский орден превратился в герцогство Пруссия, Польша держала Пруссию за горло. В 1627 году шведский король Густав Адольф объявил Польше войну и двинул свой флот на Данциг. Пруссия, польская невольница, не возражала, чтобы король сделал деревню Вограм базой для своего флота. Король поселился в Лохштедте и заложил близ Вограма крепость, которая должна была оберегать пролив Зеети-ф. Шведы отбили Пруссию у Польши, но король погиб. Его незавершённая крепость досталась Пруссии, и пруссаки достроили её,

хотя по-прежнему называли Шведской цитаделью. Пруссакам не хватало камня, и они почти до основания разобрали замок Лохштедт, а заодно до половины и другой тевтонский замок — Бальгу, что стояла на материковом берегу Фриш-Гафа.

Чтобы заполнить водой ров вокруг цитадели, строители выкопали Грабен — крепостной канал. Грабен стал первой гаванью Пиллау. Он брал начало от узкого, длинного и ветвистого пролива Иннехафен, отделяющего Пиллау от обширной отмели. Со временем другие ветви этого пролива превратились в другие стоянки для судов — Внутреннюю, Военную, Лесную и Рыбную. С помощью дамб соорудили Аванпорт, Судостроительную и Нефтяную гавани, а вместе с ними и пронумерованные затоны-бассейны — «бэкены». Пиллау стал морским городом-крепостью, который обслуживал порт и охранял путь через Фриш-Гаф в Кёнигсберг, столицу Восточной Пруссии.

Последним повелителем Восточной Пруссии был гауляйтер Эрих Кох.

— Главари вроде Коха убегают от нас во всю прыть, — сказала Луданная. — Предпочитают сдаваться союзникам. Так что вряд ли в Пиллау вернулся сам гауляйтер. Скорее он прислал сюда своего эмиссара.

— Эмиссар — тоже хороший трофей, — согласился Клиховский. — Но то, ради чего он сюда прибыл, добыча получше.

— Какая добыча? Золото, ценности, предметы искусства?

— Не думаю. У Коха было время всё нужное погрузить на ледокол. Могу предположить, что ему потребовались некие документы. Скажем, союзники согласны укрыть его, если он предоставит им что-то

важное. То, что поначалу не хотел брать с собой, дабы не дискредитировать себя.

Сам Клиховский в такое не верил. Он слишком долго искал Лигуэт, и для него святыня была важнее любых документов рейха; Клиховский поневоле переносил своё отношение к Лигуэту на гауляйлера. Хотя доктор Хаберлянд в суматохе эвакуации и бомбёжек мог и не успеть сообщить Коху, что в руках у того тайна Тевтонского ордена. В общем, Клиховскому казалось, что Коху нужен именно Лигуэт и Кох вернулся за ним собственной персоной.

Клиховский и Луданная прогуливались по набережной Грабена. Капитан Луданная не хотела, чтобы этот разговор состоялся в комендатуре: слишком много чужих ушей. Руины на другой стороне Грабена, обглоданные пожаром и продырявленные артобстрелом, окрасились в багровый цвет заката, словно там ещё продолжался штурм Пиллау. Из воды торчали надстройки, трубы и мачты затопленных судов; над ними задрал решетчатую стрелу плавучий кран, вчера прибуksированный из Кронштадта. Рядом гудело лебёдками водолазное судно: эпроновцы поднимали со дна немецкий торпедный катер.

— Вы сами-то были на той железной дороге под землёй? — закуривая, спросила у Клиховского Луданная.

— На небольшом участке. Я очутился там, когда бежал из форта Штиле.

— Можете вывести на неё?

— Вход, через который я попал, разрушен взрывом форта, а выход я не найду. Я тогда не осматривался, дело было зимой, да и война всё перепахала.

Клиховский отвечал очень осторожно. Он помнил: капитан Луданная ему не друг. Она — часть той силы, что уничтожила его брата, и того государства,

что порабощает его родину. Но на время у него с Луданной общий интерес.

— В Пиллау много катакомб?

— Под Пиллау — другой город. Рыцарские подземелья. Подвалы Шведской цитадели. В конце прошлого века соорудили форты Восточный и Штиле. И сколько всего понастроили нацисты... Система береговых батарей, дренаж, резервуары для горючего, бомбоубежища, хранилища, цеха завода «Шихау», бункеры штабов и тайники гауляйтера... По слухам, немцы даже проложили тоннель под проливом Зеетиф от цитадели до форта Западный в Нойтифе.

— Кто может знать обо всём этом?

— Понятия не имею. О подземельях мне рассказывал доктор Хаберлянд, основатель местного музея, но он эвакуировался в Дуйсбург

Луданная решила оставить Клиховского при себе, хотя по правилам его следовало поместить на гауптвахту или сдать в лагерь для интернированных. Не похоже, что этот поляк — агент абвера или «Вервольфа». Его история слишком уж неубедительна для легенды, сочинённой профессионалами.

— Кто вы по профессии?

— Археолог. Специалист по готике Тевтонского ордена. Проще говоря, по рыцарским замкам. Я преподавал на факультете архитектуры Высшей-политехнической школы Данцига, пока меня не выгнали как унтерменша.

— Вы как-то были связаны с подпольем? Армия Крайова? Армия Людова?..

— Нет, я всегда был сам по себе.

— Что вас держит в Пиллау?

Клиховский молчал и смотрел, как на канале под стрелой плавучего крана из воды в шуме и плеске поднимается заострённый нос катера с выемками

для торпед и номером «S-108». Моряки начали подводить к катеру понтон.

— Гауляйтер Кох занимался вывозом культурных ценностей...

— Вроде Янтарной комнаты? — подсказала Луданная.

— Да, — спокойно кивнул Клиховский. — В одно из собраний Коха попала вещь, которую я ищу. Церковная реликвия. Она здесь, в Пиллау.

Женя прежде уже сталкивалась с поляками и знала их общее свойство — пылкую ревность к национальному достоинству. Полгода назад в «Красной звезде» была опубликована статья о том, как в Люблине в какой-то конюшне поляки три года прятали под землёй намотанную на вал картину Яна Матейко «Грюнвальдская битва». Геббельс желал уничтожить это полотно и тому, кто выдаст его, обещал премию — в десять миллионов рейхсмарок. Поляки не соблазнились. «Битву» приняло командование Первого Белорусского фронта.

— Кто поручил вам поиск вашей реликвии? — цепко допытывалась Женя. — Церковь? Делегатура эмигрантского правительства?

— Никто, — хмуро ответил Клиховский. — Это мой личный долг.

Женя усмехнулась. Фанатичность поляков ей тоже была знакома. Женя объясняла её тем, что поляки — католики и почитают мучеников. Для Жени в религиозных святынях не было никакого иного смысла, кроме закабаления верующих. Но если Клиховский спятил на вере — его дело. Он будет рваться к своей святыне — и приведёт капитана Луданную к гауляйтеру Коху.

— Если не секрет, — снисходительно сказала Женя, — поясните мне, что там у вас за сокровище?

ГЛАВА ВТОРАЯ

Э тот матёрый зубр, свирепый и беспощадный, как стенобитное орудие, был дьяволом Вармийской пуши. Он истреблял соперников, чтобы крыть своих коров в угрюмом торжестве одиночества. Он топтал волков. Он валил дымящийся навоз на медвежьи берлоги. За свою долгую жизнь старый бык никогда и никому не покорялся, а сейчас его гнали сквозь лес, будто зайца.

Ожидая зверя, Каетан прятался за толстым стволом ясеня. Руки сжимали ратовище копья. Широкое перо наконечника было длиной почти в локоть. Когда бык поравняется с ясенем, Каетан выскочит из засады и вонзит ему лезвие в левый бок — туда, где сердце. Если рука не дрогнет, зубр свалится за-мертво. Каетан предвкушал победу. С острия копья тихо капала вода: сверху сыпался мелкий дождик. Не напрасно Вармию, бесприютную страну пруссов, называли Гнилым углом. Здесь, запутавшись в лесах как в рыбацких сетях, вечно кисли сырые ветра Балтики, и лето не отличалось от осени.

Каетан уже два месяца скучал в замке Бальга. Да и не только он скучал: все молодые шляхтичи, что соблазнились деньгами тевтонцев, давно уже пере-

дрались от безделья, выпили всё вино в корчмах и на постоянных дворах вокруг форбурга перепробовали всех потаскушек — тупых и крепкозадых прусских девок. То ли дело польские Орава и Лужица, где игривые тирувки на многолюдных трактах умеют славно угождать проезжим рыцарям.

Тевтонцы нанимали любых вояк, чтобы чужими руками защитить свои замки и фольварки от ополчений мятежных городов Поморья. Орден, как паук, оплёл железной паутиной Ливонию и Пруссию. Гнездо паука находилось в неприступной крепости Мальборк, по-немецки — Мариенбург. Полвека назад поляки и литвины разгромили орденскую армию в битве у деревни Грюнвальд, но не довели дело до конца: не разорили гнездо злодея. И теперь стало только хуже. Возмещая убытки, Орден обложил свои торговые города огромными налогами; день святого Мартина — срок уплаты — стал чёрным днём для всех купцов. У длинных причалов Гданьска, Эльблонга и Кралева загружались сотни кораблей, и орденские гроссшеферы давили соперников несправедливыми ценами, продавая товар стоимостью в марку всего за три фирдунга. Никто из торговцев не мог соперничать с Орденом, к тому же тот забрал себе самую выгодную торговлю — хлебом и янтарём, «замландским золотом». А вольная Ганза неудержимо богатела. Конечно, купеческие города подняли бунт. Возглавил его Гданьск. А король Казимир, конечно, поддержал этот мятеж.

Но король шляхте не указ. Шляхте тоже надо жить. Если Орден платит — что ж, нищая шляхта пойдёт на службу к немцам. Да, нехорошо это, но деваться некуда. И орденсбурги, замки тевтонцев, заполнялись наёмниками: отчаянными таборитами из Богемии, бродячими отрядами немецких кнехтов, алч-

ными фризскими шевалье, жестокими датскими риттерами. Ну и нищей шляхтой. Старый Лехослав Клиховский, ругаясь от стыда, нацарапал пером крест на верстаге тевтонцев, на лето продавая Ордену себя и сына Каетана за двенадцать гольдгульденов. Бедность довела до унижения.

А на Бальгу никто не нападал. Забытый войной замок высился на берегу залива Фриш-Гаф, и лишь балтийские волны гулко били в подпорную стену. Надо было чем-то занять себя. Не в кирхе же пропадать. Вот тогда молодые рыцари и задумали устроить охоту на знаменитого зубра Вармийской пуши.

Сначала Каетан услышал дальний лай собак, а потом вокруг стало странно и тревожно — это бесследно исчез покой, потому что земля неуловимо задрожала от топота страшного зверя. Ясень, за которым прятался Каетан, возвышался на краю длинной травянистой лощины. Убегая от загонщиков, зубр мчался по лощине, громадный, как боевая повозка гуситов, и неудержимый, как пушечное ядро. Каетан увидел широкую серую морду чудовища, всю в пене, бешеные глаза и крючья рогов, распахнутую на груди бороду и вздыбленный горб, утыканный стрелами. Зверь храпел, задыхаясь от бега и ярости. Перед ним над травами летел бесплотный мрак смерти.

И ещё Каетан увидел, что прямо на пути зубра из травы вдруг поднялся какой-то маленький старичок в колпаке и одеждах из шкур — то ли карлик, то ли просто недомерок. Дьявол его знает, откуда он тут взялся! Может, вырос под дождиком из земли, будто гриб!.. Вырос — и застыл от ужаса.

Надо было наплевать на лесного хрыча. Мало ли их бродит по чащобам. Сам виноват. Собак за лигу было слышно!.. И пускай копыта быка расшибут кар-

лика в прах, как трухлявый пенёк!.. Но Каетан, не успев ничем оправдать себя, метнулся вперёд, цапнул старичка за одежду, отшвырнул в сторону — и еле успел отпрыгнуть. Волосатая глыба вармийского исполина промелькнула мимо, обдав густым смрадом мокрой шерсти, навоза и болотной тины, и даже свет на мгновение померк: так в сече тяжёлая вражеская секира промахом свистит вдоль виска, оставляя за собой в воздухе тень непролитой крови.

Вслед за убегающим зубром по ложине с криками и лаем единой толпой промчались пёстрые собаки и конные загонщики в цветных кунтушах — все с копьями и арбалетами. Это уносила удача Каетана, его честь, его веселье и законное место предводителя на славной пирушке. Вокруг Каетана шлёпались комья земли из-под конских копыт.

Ошеломлённый, он сидел в сырой траве, позабыв, где копьё. Сердце колотилось, словно топот зубра в груди. Поодаль под кустом бирючины завозился старичок. Он снова неуклюже поднимался на ноги. Каетан поневоле поглядел на него. Дырявый колпак, морщинистое рыльце, в бороде и космах — плесень, на плечах не жупан, а драный покров из шкур, и кушака нет: значит, нечисти не боится. «Да он же сам — нечисть!» — понял Каетан. У старичка были жуткие глаза — позеленевшие от жертвенных языческих костров.

Не дело рыцарю бояться, с ним — крест, а в небе — Бог, но Каетану стало не по себе. Видит ли Господь его под этими обложными тучами? Промозглый ясеневый лес заволакивало мутным белёсым паром. Под дождиком беззвучно шевелилась листва. Не стучал дятел, не пела сойка, не шуршали мыши в древесном опаде. Каетан вспомнил, что тишина — первый признак прусских молебных рощ.

А в них чужакам вход заказан. За ночлег в молебной роще пруссы убили святого Адальберта, и случилось это совсем недалеко отсюда...

— Ты кто? — хрипло спросил Каетан у старичка.

Он уже и сам догадался. Он спас зиггона.

Два столетия тевтонцы и немецкие епископы изгоняли язычество из упрямой Пруссии, но цели своей не достигли. Сгорели идолы и капища, упали срубленные священные дубы, но крестonosцы так и не нашли в лесах заклятый город Ромув, где правил жрец Криве. И пруссы — их называли витинги — даже в крещении оставались язычниками. Ещё порой взвивались на тайных полянах запрещённые погребальные костры, ещё садились на пашни связанные из соломы «ржанные бабы», ещё жили в домах пруссов ручные ужи, и прусские князья, раздумывая над делами, посылали в Ромув гонцов, чтобы спросить совета у Криве. Этому колдуну служили ведьмаки-вайделоты, а в глухоманях укрывались зиггоны. Они поливали деревья водой из волшебных источников и кормили древнюю нежить — цмоков, смуток, животов, шугров и кадуков.

Зиггон распрямылся во весь росточек и вперился в Каетана немигающими змеиными глазами. Он что-то читал то ли в душе, то ли в судьбе шляхтича.

— Я тебя спас, — испуганно напомнил Каетан. — Не губи меня.

— Сауле дойдёт до моря, а Вакарине отворит окно, — сказал зиггон. — Тогда твоя кровь падёт на землю Бальги. Поспеш. Сумел меня увести — уведёшь и Лехослава. За жизнь я отблагодарю жизнью.

Рыцарей вроде Клиховских называли одноштитными: не было у них ни оруженосцев, ни запасных

коней — не по карману. Каетан сам оседлал кобылу Квятку. На стане, промокнув под дождём, холопы сушились у костра, ожидая своих рыцарей, и гадали об исходе охоты. А Каетану он был уже безразличен.

Сауле — это солнце пруссов. Вакарине — вечерняя звезда. Зиггон говорил о времени, когда солнце сядет за море и зажгутся звёзды. «Твоя кровь падёт на землю Бальги» — то есть в замке что-то случится с отцом: другой родни, «своей крови», у Каетана не было не только в Бальге, но вообще на белом свете. Надо мчаться в Бальгу. Зиггон сказал, что отца ещё можно успеть спасти.

Квятка неслась по дороге сквозь пушу, перепрыгивая через колдобины с дождевой водой. Мимо мелькали тёмные узловатые стволы буков и клёнов, густо зеленел орешник, в тени разрослись медуница и яснотка. Тевтонцы весной расчистили эту дорогу — готовились к войне. Гданьск и Эльблонг наверняка вышлют в залив Фриш-Гаф свои корабли, и тогда сообщение между орденскими замками можно будет поддерживать только по суше. А замок Бальга был ключом к Вармии, Натангии, Надровии, Самбии и Скаловии.

Орден завоёвывал Пруссию целых полвека, но всё-таки завоевал, и были в том виноваты сами пруссы. Лесные разбойники, они беспрестанно разоряли польское княжество Мазовию. Истерзанное княжество воззвало к небесам об избавлении, и князь Конрад поклонился Ордену: придите и защитите. Князь пообещал, что в оплату отдаст тевтонцам свою Хелминскую землю, тогда занятую грабителями. А Орден выторговал у папы Римского заодно и всю прочую языческую Пруссию, которая никому не была нужна.

Орден в ней тоже не нуждался. Тевтонцы вели войну за Гроб Господень, сражались с монголами в Киликии и маврами в Иберии, и дикая Пруссия на задворках Европы могла показаться лишним бременем. Но магистр Герман фон Зальца смотрел в будущее. Он прислал к князю Конраду двух рыцарей, и те основали первый орденский замок в Польше — Фогельзанг, Птичье Пенение. Отсюда тевтонцы начали наступление на Пруссию. Они перешли Вислу и воздвигли замки Торн и Кульм, подгребая под себя Хелминскую землю.

На захват страны у Ордена не было ни войск, ни денег. Однако Святой Престол по просьбе фон Зальцы объявил Крестовый поход против Пруссии и призвал бродячих рыцарей. А пруссы не понимали, что крестоносцев можно отразить только всем народом, и прусские племена не помогали друг другу. Тевтонцы малыми силами принялись отсекать от Пруссии кусок за куском. Каждый шаг в глубины языческой страны Орден закреплял строительством замка. Мариенвердером он пригвоздил Помезанию, Эльбингом — Погезанию, Бальгой — Натангию и Вармию, Кёнигсбергом — Самбию. Немцы шли как по ступеням, разбивая ополчения пруссов и подавляя мятежи.

Миновало много лет, крестоносцы потеряли все крепости в Палестине, и тогда Орден осознал замысел магистра фон Зальцы. Вместо Палестины у тевтонцев появилась другая страна — Пруссия, надёжно окованная сотней орденсбургов. И Орден перебрался с берегов Леванта на берега Балтики.

Замок Бальга тевтонцы основали ещё при фон Зальце. Два тевтонских корабля — «Пилигрим» и «Фриделанд» — вышли из Эльблонга в залив Фриш-Гаф. Ветер надувал паруса с чёрными кре-

стами, гребцы ворочали тяжёлые вёсла, грозно громоздились надстройки-«кастели», похожие на зубчатые крепостные башни. В заливе на мысу крестоносцы захватили прусскую крепость Хонеда. На её руинах и поднялась Бальга. Она стала резиденцией конвента — собрания рыцарей, а затем и комтура — командира всей области.

В кирпичную кладку могучих стен Бальги были вмурованы дикие валуны — фильдиги. С вершины бургфрида, главной башни, дозорные видели дальнюю косу Фрише Нерунг, отделяющую Фриш-Гаф от моря, и пролив Зеетиф — судовой ход. Волны плясали вокруг башни-данцкера, соединённой с замком галереей на арках, и пушки данцкера держали под прицелом гавань, чтобы вражеские корабли не осмелились приблизиться к причалу. С другой стороны замка выкопали глубокий ров и перекрыли его подъёмным мостом. За рвом расположился форбург — городок для полубратьев, тоже огороженный стеной, а дальше возле кирхи рассыпались избышки пруссов-витингов с амбарами и корчмами. Багровые башни и черепичные крыши замка, вечно мокрые от балтийской непогоды, вздымались над соломенными кровлями предместья, как дракон в медной чешуе. Но до Бальги Каетану было ещё скакать и скакать.

Дорога вывела на бревенчатый мост через тёмную болотистую речку. Мост, конечно, соорудили тевтонцы. Каетан натянул поводья, придерживая Квятку. Путь перегораживал орденский караул: четыре брата-сарианта в серых суконных плащах поверх кольчуг-хауберков, а с ними рыцарь в глухом шлеме-топфгельме, похожем на клёпаное ведро, и в белом льняном плаще-герренмантеле с латинским крестом — узким и чёрным, как прорезь.

— Оплату, — спокойно сказал один из сариантов.

У Каетана не было ничего — ни германского пфеннига, ни польского скойца. Он не взял кошель, потому что поехал на охоту, а не на ярмарку.

— Я на службе у комтура Бальги Зигфрида фон Шварцбурга! Я шляхтич Клиховский! Слово чести, что в Бальге я верну вам деньги!

Но у Каетана не было щита с родовым гербом. И ехал он по лесу один, а не в толпе других шляхтичей, которые могли бы подтвердить его слова.

— Оплату, — повторил сариант.

Каетан понял, что его не пропустят. Немцы не алчные, но упорные даже в малой корысти и от своих правил не отступают.

— Клянусь ранами Христа, у меня в Бальге отец попал в беду! — отчаянно взмолился Каетан. — Я топчусь! Господин рыцарь, прошу о милости!..

Железный топфггельм не выражал никаких чувств. Проще было звать к пивному котлу. Сарианты угрожающе наклонили копья.

...Истинный рыцарь двинул бы коня прямо на караул: пешим конного не остановить. Но Каетану не хватило духа. Мелкий дождик сеялся на плахи моста, на тёмную воду речки, на суконные плечи сариантов. Каетана душила ненависть к немцам, к их плащам и крестам, к их неумолимой властности и тяжёлому, узловатому языку. Но Каетан покорно попятил Квятку, повернул её и съехал с дороги. От унижения у него дрожали губы, как у ребёнка.

Он заметил брод совсем недалеко от моста. Топкий берег здесь зарос густой осокой. Квятка хлюпала копытами и недовольно мотала башкой, не доверяя воде. Каетан похлопал её по шее, успокаивая, и послал вперёд.

Но дьявол, желая погубить человека, становится упрямым, как немец. Почти на середине реки Квятка вдруг оборвалась на правую заднюю ногу и осела, а потом дико заржала и начала биться, взметая фонтаны брызг. Каетан не удержался в седле и боком рухнул в воду, нелепо цепляясь за поводья. На счастье, он не запутался в стремях, не то бы захлебнулся, повиснув вниз головой. Он извернулся и вскочил, оскальзываясь на зыбком дне, и вслепую наткнулся сапогом на илистую корягу — это на неё напоролась лошадь.

Квятка металась на месте, ржала и вскидывалась на дыбы, молотила передними ногами, как в галопе, и не подпускала к себе. Каетан понял, что она застряла задним правым копытом в коряге, а потом дёрнулась освободиться — и что-то повредила: вывихнула сустав или даже надломила плюсну. Каетан беспомощно смотрел на несчастную кобылу, не зная, что делать.

Он обернулся. Немцы молча глядели на шляхтича и его покалеченную лошадь. Речка журчала вокруг мостовых свай. Над осокой носились кулики. За мостом на западе тускло светилось облачное небо. Невидимое солнце таяло в лесных вершинах. Гнилой угол Балтики тихо прел в тёплой мороси дождя.

Каетан осознал, что теперь он уже точно опоздает спасти отца.

Лехослав Клиховский погиб не в сражении с врагами, а просто так — совершенно случайно. Он поднимался на стену форбурга в дозор по наружной деревянной лестнице, но подломилась ступенька. Лехослав упал с большой высоты и умер сразу, без мучений. В этот миг солнце скрылось за морем.

Каетан добрался до замка только ночью. Маршал не счёл необходимым прерывать свой сон ради выражения соболезнований сыну усопшего. На следующий день по старому шляхтичу отслужили положенную мессу и погребли тело на кладбище возле кирхи. Потом Каетана вызвал комтур.

У Зигфрида фон Шварцбурга были тяжёлое крестьянское лицо и короткая седая борода. Он положил на стол перед Каетаном лист вертага, подписанный паном Клиховским, и два маленьких гольдгульдена данцигской чеканки с грубым изображением святого Георгия — покровителя рыцарства.

— Ваш отец отслужил треть срока, и я выдаю вам третью долю цены.

— В случае гибели положено платить всю цену, — возразил Каетан.

— Гибели на войне, а не по глупости, — надменно ответил комтур.

Две монетки, оловянная посуда, конь Лотржик и заросшее бурьяном пепелище под Залесе-Погожелью — вот и всё, что осталось Каетану от отца.

Каетан пришёл на кладбище Бальги. Могила отца находилась на окраине. Каетан поцеловал свежую землю и не выдержал, заплакал. Во всём виноваты немцы! Если бы они пропустили его по мосту, он успел бы в Бальгу до заката и пошёл бы в дозор вместо батюшки! Но немцы — это дети Велиала, их сердца очерствели в гордыне, и они согласны чтить только свои законы, попирая чужие судьбы в ослеплении себялюбия! Будь они прокляты! Не жалко и душу дьяволу отдать, лишь бы низвергнулся Тевтонский орден!

Деньги у Каетана теперь имелись, и с кладбища он направился в корчму. Приземистая изба с высо-

кой крышей из дёрна призывно дымила деревянной трубой очага. У длинной коновязи стояли три лошади с торбами на мордах. В полутьме корчмы Каетан увидел местных рыбаков, саксонцев-наёмников, бродягу и каких-то проезжих купцов. Столы были затёрты маслом, как сёдла, — еду подавали на лепёшках, а не на тарелках. Каетан сел под маленьким оконцем. Корчмарь-витинг принёс ему глиняный кувшин с хмельным хелем и кружку.

Каетан пил и слушал, как рыбак рассказывает купцу о новом чуде:

— Я сам ходил к левиафану, клянусь ключами апостола Петра! Его весной выбросило на косу Фрише Нерунг! Размером был с эльбингское судно, никак не меньше! Это знамение крестоносцам — погибнет левиафан!

— Ты потише на Орден каркай, — опасно ответил купец.

На втором кувшине к Каетану пристроился какой-то человек, судя по всему, паломник: широкая шляпа, плащ с нашитыми ракушками, фляга из тыквы и чётки, намотанные на запястье. Многие рыцари ходили на поклонение в Кёнигсберг в часовню Святого Георгия на кладбище прокажённых.

— Узнаёшь меня? — спросил паломник.

— А должен? — неохотно ответил Каетан.

— Никто не узнаёт, — усмехнулся паломник. — Я Бафомет.

Каетан пожал плечами. Ему было плевать на сумасшествие чужака.

— Хочешь, расскажу о тебе? — предложил паломник. — Недавно ты спас зиггона. Он предупредил тебя о гибели отца. А ты не успел его уберечь, ибо испугался драки на мосту. Комтур обсчитал тебя в плате. И ты проклял Орден.

Каетан в ужасе отпрянул от стола. Глаза собеседника горели углями.

— А если я перекрещу тебя? — хрипло спросил Каетан, складывая пальцы.

— Не надо, не люблю этого, — сморщился Бафомет. — У меня к тебе дело.

— Я с лукавым дел не веду! — сразу отрёкся Каетан.

— А ты посмотри...

Рукой, закрытой рукавом, Бафомет наклонил стоящий на столе кувшин. Хель выплеснулся — и завис в воздухе. И всё вокруг застыло: языки огня в очаге, корчмарь, прячущий деньги в кошель, рыбак, жующий хлеб, саксонский наёмник, протянувший двузубую вилку к миске с мочёной репой, бродяга, тайком запускающий пятерню в мешок купца на лавке, и даже птица в окне.

— Мы нигде и никогда, — сказал Бафомет. — Поговорить — не грех. Тот, Чьё Имя я не назову, ничего не проведает. Но мне от тебя много и не нужно.

Каетан ошарашенно озирался по сторонам.

— Ты хотел, чтобы Орден погиб, — напомнил Бафомет. — Могу помочь.

— Тевтонцы — слуги твои!..

— Ты не прав. Тевтонцы мне не служат. И не служили от века своего. Их Орден — вор. Он украл у меня вещь, которая мне очень дорога. И я хочу её вернуть. Ради этого я согласен стереть Орден с лица земли.

— Сделай хель обратно, — обессиленно попросил Каетан.

Бафомет выпростал руку из рукава и цокнул по кружке чёрным когтем. Каетан схватил кружку и жадно глотнул. От хмельного полегло.

— Имя моей вещи — Лигуэт, — продолжил дьявол. — Крестonosцы увезли его со Святой земли, а Верховный магистр спрятал в столице Ордена — в Мариенбурге. Но я отправлю с тобой своего посланника, и он обрушит гордый замок. А ты просто войди в Мариенбург с победителями и отыщи Лигуэт. Как завладеешь им, я сразу явлюсь, чтобы принять его у тебя. Вот и всё.

Каеган торопливо размышлял: в чём подвох? Дьявол не благодетель!

— Что такое этот Лигуэт?

— Поймёшь, если согласишься.

— А почему твой посланник сам не возьмёт его в Мальборке?

— Я отдал Лигуэт воину. Воин знал, какую вещь он берёт. И вернуть мне Лигуэт тоже должен воин, который знает, какую вещь отдаёт.

— Я тебе не верю! — в бессилии сказал Каетан. — Ты меня соблазняешь! Твой Лигуэт будет людей губить!

Бафомет рассмеялся как над детскими страхами:

— Лигуэт — мой, а не ваш и не его. — Бафомет указал чёрным когтем на закопчённую кровлю корчмы. — Вы, люди, и без Лигуэта истребляете друг друга так, что я только завидую. Вы себя и ближних своих научились губить даже именем Того, Кого я не называю. Лигуэт вам ни к чему. Отдайте его.

Мысли Каетана метались в поисках ловушки.

— А чем я с тобой расплачусь?

— Да ничем. — Бафомет пожал плечами. — Лигуэта будет достаточно.

— Нет, ты душу мою заберёшь!

Бафомет посмотрел на него сквозь прищур.

— Ты трус, мой юный друг, — сказал он. — Ты ненавидишь Орден, но там, на мосту, устранился схватки с сариантами. И сейчас ты хочешь уничтожить

Орден, но не своими руками, а моими. Зачем мне красть твою душу? Трус мне её сам принесёт. Слабый духом мимо ада не проскочит.

В словах Бафомета Каетан услышал такое же презрение, как в словах комтура. Однако комтур презирал в нём поляка, а Бафомет — человека.

Но что ему, Каетану, презрение врагов рода людского? Благословляйте попирающих вас — они вас в Царство Небесное толкают! А Орден сгинет.

— Я согласен, — решившись, сказал Каетан.

— Ну, клятву крестом я с тебя не потребую... Полянишься кровью.

— Надо, чтобы я договор с тобой подписал?

— Я не комтур, а бумага — тлен, — сказал Бафомет. — Вечно только слово.

— Клянусь кровью своей! — произнёс Каетан шёпотом, будто его мог услышать кто-то ещё, кроме дьявола.

Кувшин упал на стол, и хель разлился по доскам. Затрещали угли в очаге, и загудела тяга в дымовой трубе. Звякнула монета в кошеле у корчмаря, наёмник ткнул вилкой в репу, и купец ухватил вора за руку.

Встреча в корчме снилась ему снова и снова, но разговоры с Бафометом не повторялись — всегда были другими. Так Бафомет сообщал то, что хотел сообщить. И однажды он сказал: «Время пришло. Найди обезглавленного».

На следующий день Каетан понял, о чём говорил ему дьявол.

Четырёх купцов, приговорённых к смерти, привезли на Фиалковую гору. Отсюда был виден весь Кралев, немецкий Кёнигсберг. Кирпичные стены с круглыми башнями окружали орденский замок с домом конвента и громадой бургфрида. Замок

стерёг три небольших городка: Альтштадт на берегу реки Прегель, Лёбенихт поодаль и Кнайпхоф на острове. Над красными кровлями торчали острые шпили ратуш и кирх. Вокруг городков на палевых осенних лугах в лёгкой дымке рассыпались деревни, блестели мельничные пруды.

Три города Кёнигсберга восстали против Ордена. Однако ремесленный люд не пожелал сражаться с рыцарями ради прибылей торговцев и восстал против купцов. Купцы и бургомистры заняли оборону за стенами островного Кнайпхофа. А Орден собрал по замкам наёмников и направил их в Кёнигсберг. Вот так Каетан и попал сюда из Бальги. При виде войск, белых знамён с чёрными лапчатыми крестами и колёсных перьер, способных метать камни поверх городских стен, дерзкий Кнайпхоф одумался. Бургомистры слёзно покаялись, а город согласился сдаться и выдать зачинщиков смуты.

На Фиалковой горе, где издавна казнили злодеев, сколотили эшафот. Комтур огласил приговор, смертники опустили на колени, и монах поднёс им распятие. Ветерок шевелил белые рубашки обречённых. Толпа замерла в ожидании, кто-то крестился, кто-то рыдал. На эшафоте орденский палач, присланный из Мариенбурга, надвинул зубчатый колпак с прорезями для глаз. Помощник вынес ножны, и палач вытащил из них длинный двуручный меч. Удары клинка были так точны и сильны, что отрубленные головы одна за другой полетели с эшафота прямо под ноги обомлевших от ужаса людей.

Каетан догадывался, что дьяволу нет дела до войны Ордена с торговыми городами. Здесь, в Кёнигсберге, дьявол указывал на другое — на мрачную суть Лигуэта. Потому что Лигуэт тоже был мечом палача.

Во сне Каетана Бафомет рассказал историю меча.

В стране Моав, где холмы иссушены солнцем, словно хлебные корки, не было места нечестивее, чем дворец тетрарха Ирода Антипы на горе Махерон. Здесь Антипа предавался возлияниям и порокам. Ложе его разделяли падшие моавитянки, галилейские блудницы и юные воины дворцовой стражи. Но Антипе того было мало, и он взял в жёны жестокую Иродиаду, жену своего брата. Иродиада не уступала Антипе в разврате, принимая у себя в покоях римских центурионов, поэтов Исфахана, чародеев из далёкой страны Синд, пафлагонских великанов и сказочно богатых торговцев жемчугом из Аравии.

Первым врагом растленных владык был Иоанн Предтеча. Он громогласно обличал царский вертеп на Махероне. Антипа повелел свергнуть пророка в узилище под дворцом, однако не умертвил, ибо народ Иудеи почитал Иоанна Крестителем. А мстительная Иродиада страстно возжелала смерти Иоанна.

Она отправила на пир к Антипе прекрасную Саломею — свою дочь от прежнего супруга. Саломея обнажила грудь и закружилась в танце. Танец воспламенил сердце тетрарха, однако Антипа всё равно не протянул Саломее руку, опасаясь гнева Иродиады. И Саломея по наущению матери сказала ему: заплати за меня головой Иоанна, и не будет тебе укора. Ирод тотчас призвал воина и послал его за головой узника. Воин ушёл. А в тёмных подземельях Махерона его охватил страх: не обрушатся ли на него кары небесные?

— Тогда к тому воину и явился я, — в одном из снов, посмеиваясь, поведал Каетану Бафомет. — Я дал трусу свой меч. И воин смело снёс голову Иоанну. Такова сила Лигуэта, его власть над бранными людьми и нетленными вещами.

— Твой меч превращает нас в твоих рабов? — хмуро спросил Каетан.

— На что мне это? — расхохотался дьявол. — Вы и так мне служите неплохо.

— Тогда в чём же тайна?

— У моего оружия сразу три тайны, — самодовольно ответил Бафомет. — О, как я ценю свой клинок!.. Он рассекает любую материю: и булат, и гранит. А тот, кто держит его, освобождается от расплаты за дела, сотворённые этим оружием. Вот поэтому трусливый воин Махерона исполнил приказ Ирода Антипы. И я не солгал убийце Предтечи. Там, — Бафомет указал на кровлю корчмы, — так не узнали его имя. И небесам некого было наказывать.

— Какова же третья тайна Лигуэта? — напомнил Каетан.

— Тебе её знать не надо, — свысока отмахнулся дьявол.

Пройдёт время, и Каетан узнает эту тайну. И знание не принесёт радости.

Обретённый меч воин Махерона отдал Ироду Антипе. Меч хранился в сокровищнице Тивериадского дворца. Медленно текли столетия. В Тивериаде римлян сменили греки-ромеи, ромеев — персы, персов — магометане, а тех изгнали крестоносцы. Лигуэт переходил от одних властелинов к другим. Когда султан Саладин подступил к Тивериаде, рыцари-госпитальеры увезли меч к себе в город Акру. Госпитальеры полагали, что святыня принадлежит им, потому что Иоанн Креститель был небесным покровителем их ордена. А после падения Акры дьявол потерял след меча, но через годы наконец обнаружил Лигуэт у тевтонцев в Мариенбурге.

— Без моей помощи этот замок никому не сокрушить, — во сне Каетана говорил Бафомет. — Но ты выпустишь того, кто одолеет твердыню Ордена.

Каетан должен был поднять его из могилы на Кладбище Обезглавленных.

Кладбище находилось за Фиалковой горой. Здесь хоронили казнённых, часто — безродных бродяг, и за могилами ухаживали рыцари из фирмария — орденового приюта для стариков и увечных. Каетан вышел из замка, когда колокол-сигнум на башне Хабертурм отбил час ночного караула.

Тропа бежала через пожухлые пастбища. Обглоданная луна освещала пустынные пространства, полого укатывающиеся к созвездию Водолея.

Покой Обезглавленных — если они обрели его, конечно, — охраняла старая часовня. Каетан издали увидел в её узком окне крохотный дрожащий огонёк. Наверное, это горела поминальная свеча. Но огонёк вдруг погас.

Надгробные плиты лежали как попало. Мох затягивал краткие надписи. Небрежно вытесанные каменные кресты клонились направо и налево, будто тянулись друг к другу. Каетану казалось, что он слышит шёпот, пролетающий меж могил бесплотными порывами: это разволновались души погребённых. Мертвецы, казнённые по заслугам, словно предвкушали месть, а погубленные безвинно торопились посмеяться над пришельцем, пока тот ещё жив.

Где-то далеко-далеко, наверное, в Кёнигсберге, завывала собака. Её вой доплыл до Фиалковой горы, превратившись в тонкую нитку боли.

Каетан выбрал мертвеца на отшибе. Он не хотел раскапывать недавних покойников — они пока слишком близки к жизни. Лопата взрезала плотный дёрн, словно упругую брюшину. Каетан копал, не глядя по сторонам.

Кто там бродит вокруг, что там струится в тёмном воздухе? Не важно! Хотя сердце Каетана сосала ледяная жуть — так вампир, запертый в гробу, сосёт

камень, который на похоронах ему вложили в рот. Говорят, что ночью на кладбищах с креста на крест мягко прыгает Чёрный Кот. Говорят, если на кладбище похоронена невинная невеста, то ночью она блуждает по могилам — ищет себе жениха, и не дай бог, если обнимет синими руками и поцелует в губы. Говорят, при входе на погост надо обронить монету, дабы Ночной Привратник выпустил обратно... Говорят, всегда найдётся могила, на которой в полночь зажигается лампада: кто увидит её — станет призраком. Говорят, нельзя кланяться, иначе рядом появится Швея Саванов и тесёмкой измерит тебе плечи. А ещё есть Длинная Вдова. И Лютня Мёртвых, чей звон лишает разума. И Облако-Сон: попадёшь в него — и проснёшься уже погребённым...

Лопата ударила в доски. Топчась в разрытой яме, Каетан еле расчистил гнилой гроб. Кто в нём лежит? Что сейчас случится? Полуистлевшая луна висела прямо над головой. Каетан выкинул лопату наверх и вылез сам.

Он встал на колени и тихо произнёс, как научил его Бафомет:

— *Venite ad me: et daemonium! Exercitum ad vitam vocat te!*

Что-то полыхнуло, и крышка гроба, подброшенная могучим ударом, вылетела из могилы, разваливаясь на части. Обломки застучали по крестам. Каетан сжался, ожидая, что наружу, хлеща хвостом, полезет чудовище с рогами и багровыми глазами. Но никто не лез. Каетан боялся заглянуть в разверстую яму, а оттуда не доносилось ни звука. Наконец Каетан преодолел свой страх, медленно поднялся на ноги и посмотрел в могилу как в бездну.

В гробу лежала прекрасная девушка в белом платье и венке из лилий.

Это был суккуб.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Гостиница «Золотой якорь» стояла на широкой набережной Иннехафена. По слухам, до войны в этой гостинице останавливался сам Гитлер. Сейчас здесь размещалась комендатура. Женя Луданная допоздна засиделась на узле связи, где теснились телефонисты и шифровальщики Одиннадцатой армии.

С группой Пакарклиса она скучала: это была работа для библиотекаря, а не для контрразведчика. Но появление гауляйтера, или кто там прилетел вместо него, Женю разволновало. Она решила пока не сообщать начальству о Кохе, чтобы дело не поручили кому-то другому, более авторитетному. Пусть её поиски гауляйтера выглядят как экспедиция литовских историков.

Хоть умри, Жене надо было пробраться в катакомбы — только так она могла взять след Эриха Коха или его эмиссаров. Перед отъездом из Лохштедта Женя обшарила подвал замка и нашла несколько полусасыпанных щелей. В какую из них пролезли гости с гидроплана?.. Конечно, самое простое — вызвать солдат и расчистить подвал, но тогда придёт-

ся объяснять цель этих работ, то есть сообщать о гауляйтере. Этот вариант Женю не устраивал.

Она попробовала поискать документы о подземельях полуострова, и всё напрасно. Городские архивы Пиллау лежали под руинами ратуши, да и вряд ли там имелись планы секретных объектов вроде резиденции гауляйтера или подземной железной дороги. Архивы городского гестапо исчезли. В рейхе возведением оборонных сооружений занималась организация Фрица Тодта; увы, её штаб находился в Висбадене и попал в зону оккупации союзников.

Попутно Женя поручила смершевцам в Инстербурге найти данные о Пауле Бадштубере, младшем инспекторе дорожной службы, и направила в комендатуру Данцига запрос на биографию и словесный портрет Винцента Клиховского. В политотделе штаба фронта Женя затребовала ориентировку на Эриха Коха: кем был, как выглядел, чем занимался в Пиллау и куда подевался?

Женя закурила, раздумывая, что делать, и ей в голову пришла ещё одна идея. Надо найти бойцов, которые штурмовали Лохштедт. Они могли видеть проход в подземелье — значит, смогут показать его. Хотя бы приблизительно. Авось удастся обойтись без солдат и расчистки огромного помещения. Женя связалась с армейским управлением СМЕР-Ша, попросила поднять журналы боевых действий и выяснить, какие подразделения брали старый замок. В час ночи она получила сводку из Кёнигсберга: чёрт возьми, все воинские части, что воевали в районе тевтонского замка, уже переведены в Кёнигсберг.

С узла связи в коридор Женю вызвал майор Перебатов. Он улыбался. Он и не помнил о тех неприятных вещах, которые говорил Жене днём.

— Женька, я освободился. — Перебатов заговорщицки подмигнул. — Двинем к тебе? Пора бай-бай. Юбочка-то жмёт?

— Сегодня любовь отменяется, Коля, — холодно ответила Женя. — Некогда.

Перебатов разозлился. Он не терпел женского своеволия.

— Хорош, забудь уже про службу! — Майор собою задвинул Женю в угол коридора. — Баба при мужике должна состоять, а не при знамени!

Когда-то Жене нравились хозяйские ухватки Перебатова и его сильное, большое тело, а теперь всё это раздражало.

— Не мешай, Перебатов! — Женя оттолкнула майора и поспешила прочь.

Её осенила новая идея. Да, подразделения переведены в Кёнигсберг, но в Пиллау наверняка оставались раненые из этих подразделений. Женя опять села возле коммутатора и принялась обзывать городские госпитали. И наконец-то ей повезло. На Зеештрассе-1 долечивался от контузии сержант из нужного Жене стрелкового полка. Звали сержанта Владимир Нечаев.

Женю не остановило, что на дворе — третий час. Она сама подписала себе путевой лист. У крыльца комендатуры ожидал разъездной «виллис».

— Дядя Гриша, в госпиталь на Зеештрассе, — сказала Женя водителю.

— Это у кирхи разрушенной? — Дядя Гриша зевнул. — Ясно. Пулей домчу.

— Не надо пулей. Езжай нормально.

Машина прыгала на выбоинах, Женя хваталась за борт и размышляла о своей жизни. Она никогда не предполагала, что окажется в СМЕРШе. После техникума её, москвичку, распределили на текстильный комбинат в Шую бухгалтером. Тоска зелёная. Женя осаждала военкомат до сорок третьего года и добилась повестки. Она думала, что её отправят на курсы санинструкторов или зенитчиц, но попала в финотдел контрразведки. И сумела вырваться.

«Виллис» проехал по мосту над поблёскивающим Крепостным каналом. Слева в темноте широко распростёрлась Шведская цитадель, расплющенная обстрелом и бомбёжками. Над цитаделью висела ярко-белая луна с отколотым краем, будто луну задели очередью из крупнокалиберного пулемёта.

В контрразведке Женю ценили как аналитика. Да, её редко брали на задержания или зачистки, но капитан Луданная умела организовать поиск диверсионных групп в оперативном тылу и выявлять агентуру, оставленную на оседание. Луданная знала язык, разбиралась в экономике Германии и по директивам эвакуационных подразделений рейха и вермахта определяла, куда немцы вывозили захваченные ценности или техническую документацию предприятий. Потому Жене и поручили группу Пакарклиса.

Даже в сорок пятом несведущие новички порой шутили, называя Женю счетоводом контрразведки, однако затыкались, увидев её боевые награды. Под Оршей, ещё лейтенантом, ей случилось принять командование разбитой стрелковой ротой. В хаосе наступления на Шяуляй, когда немцы прорывались через советские тылы, контрразведка заманила в западню большую войсковую группировку; смер-

шевцы сами расстреляли «панцеры» и «штуги» из противотанковых ружей и вынудили пехоту сдаться. А прошедшей зимой при прорыве на Замланд дивизия, в которой была Женя, попала в кольцо, и за оборону мельницы в посёлке Тиренберг Женя получила «Красное Знамя».

Долететь до госпиталя пулей у дяди Гриши всё равно бы не вышло: по пути «виллис» трижды тормозил возле комендантских патрулей. Вокруг был полуразрушенный город. Выщербленные стены домов с намалёванными призывами «Sieg oder Sibirien!», чёрные проёмы окон, торчащие балки, груды кирпича и черепицы, раздавленное немецкое орудие, нелепая вывеска кафе... Слева проплыла громада учебной базы подводного флота, потом справа — освещённые прожекторами руины вокзала и шеренги товарных вагонов. Станция жила бурной ночной жизнью: дымили паровозы, лязгали буфера, бригады из военнопленных таскали ящики. Пиллау был забит имуществом, брошенным немцами при эвакуации. Уступая город под базу Балтфлота, армейское командование торопилось вывезти как можно больше трофеев.

Фронт готовился к расформированию, и многих ожидала демобилизация, а Женя надеялась остаться в армии. Ей нравилось в контрразведке. Здесь, в армии, она может достичь таких высот, до каких на гражданке ей никогда не подняться. Здесь пригодится всё, что в ней есть, — и ум, и характер. Однако Женя совершила одну большую ошибку: легла в койку с Перебатовым. Ох, напрасно она поддавалась обаятельной самоуверенности майора.

На войне Коля брал напором и сметкой, но после победы этих достоинств уже не хватало. Коля готовился расстаться с погонами. Об этом он вовсе не

сожалел, однако не соглашался потерять Женьку — «пэпэжэ», как говорили на фронте, «походно-полевую жену». И он принялся добиваться, чтобы Женю тоже демобилизовали. С бесстыжим упрямством Коля повсюду твердил, что Луданная бесполезна для контрразведки. На самолюбие Жени ему было плевать: бабьи глупости. А Женя смотрела на Колю с лёгким презрением. Коля не понимал, что для неё он был только жеребцом, и даже не племенным.

В Управлении контрразведки Перебатова считали хорошим мужиком, к его словам прислушивались. Женю, похоже, и вправду решили списать в запас. Вот потому ей и нужен был успех. Результат. Например, гауляйтер.

Госпиталь располагался в здании бывшей народной школы для девочек. Девочек отсюда вытурили сами немцы ещё в сорок третьем году. Рядом с госпиталем торчали острые руины кирхи «Мария Морская Звезда».

После капитуляции немцев на косе Фрише Нерунг госпитали потихоньку разгружались. Кого-то из раненых перевезли в Кёнигсберг или выписали, кто-то умер. Койки уже не загромождали коридоры, из палат не звучали стоны и ругательства, доктора и медбратья не валились с ног. В опустевшем приёмном покое горела тусклая лампочка. Женя прошла в кабинет дежурного врача.

— Вам чего, товарищ капитан? — удивился тот, откладывая газету.

— Вызовите сержанта Владимира Нечаева, — сказала Женя.

Чтобы не привлекать внимания к расследованию, Луданная не запросила сегодня воинского со-

провождения. После ночного дождика взрытый пу-
стырь вокруг замка покрылся пятнами зелёного
пуха. На берегу всё так же топорщил красные кры-
лья гидроплан, на нём сидели чайки. По заливу шёл
тральщик.

— Давайте по-покурим, товарищ капитан, — пред-
ложил Володя Нечаев.

После контузии он слегка заикался.

Из обвисших застиранных брюк, выданных го-
спитальной кастеляншей, он выудил кисет с надпи-
сью: «Дорогому засчитнику Родины!» Такие кисеты
расшивали девушки в деревнях и присылали на
фронт, кому уж достанется.

— Угощайтесь. — Женя протянула пачку трофей-
ных сигарет «Силезия».

— Спа-асибо.

Женя отметила, что сержант сказал «спасибо»,
а не «благодарю» или даже «благодарствую», как
сказал бы человек из народа. Образованный па-
рень.

Володя Нечаев ей понравился. Скуластый, губа-
стый, светловолосый, с грустными русскими глазами.
Высокий, широкий и по-юношески худой — статью
похож на Перебатову, но ещё не заматерел, как зре-
лый мужик. Нечаеву было лет двадцать пять — чуть-
чуть поменьше, чем Жене. Он молча курил, озира-
ясь по сторонам, и Женя поняла, что он провалился
в прошлое.

...Немцы готовились драться до последнего па-
трона. Узкий полуостров пересекали шесть линий
обороны. Траншеи полного профиля, минные поля,
валы из колючей проволоки, доты с бронеколпака-
ми, пулемётные гнёзда, вкопанные штурмовые ору-
дия, танки и самоходки... Вдоль берега Балтики
в зыбкие дюны вросли морские батареи; их бетон-

ные укрепления казались чудовищными раковыми опухолями — не вылечить и не вырезать, только выжечь, но во все стороны расползаются метастазы боевых ходов.

Штаб фронта двинул вперёд армию генерала Галицкого — Одиннадцатую гвардейскую. Двадцатого апреля гвардейцы взяли первую линию немцев. День тогда был совсем не героический: мелкий дождик сразу превращался в клубы пара. Фронт навис над вторым немецким рубежом — над противотанковым рвом в районе замка Лохштедт. Ясным утром 22 апреля артиллерия начала гвоздить позиции врага. В сплошном рёве разрывов, не падая, медленно кувыркались и перемешивались груды земли, облака пламени, тучи дыма, брёвна и обломки бетона. Длинными прочерками огненных когтей безостановочно полыхали залпы реактивных миномётов. После артподготовки в пекло пошла пехота.

Земля тряслась, подбрасывала, вылетала из-под ног. Душила гарь. Воздух порой уплотнялся как резина и бил отдачей. Над пустырём перед Лохштедтом пересекались пулемётные трассы. Подскочил дыбом и покатился бронеколпак дота. В изъеденных окнах замка злобно искрились звёзды автоматов. По каске колотили комья грунта. Размазанный по песку батальон упростился в грязных и бесчувственных муравьёв. Одни упрямо ползли на четвереньках, ныряя в воронки, другие прикрывали их очередями. Если у муравья шинель на спине вскипала клочьями сукна, то муравей затихал. Они, эти муравьи, отскребали и отгрызали пространство маленькими кусочками, чёрствыми корочками, крошечками, точили его, стирая в труху, пока не очутились у кирпичных стен, и тогда в окна полетели гранаты. Замок всеми ртами закашлял огнём.

...Володя понял, что контрразведчица догадалась о его мыслях. Он виновато улыбнулся. Ему нечего было рассказать о штурме замка. Но товарищ капитан должна понять. У неё самой на груди планка с боевыми наградами. Володя до сих пор верил, что красивые женщины непременно умные и добрые.

— Давно вы на фронте, товарищ капитан? — спросил Володя.

— Женя, — ответила Луданная.

— Кто — Ж-женя? — растерялся Володя

— Я — Женя. Так проще. Пойдём, покажешь, что видел.

Женя подняла за ручку большой аккумуляторный фонарь. Володя мягко отобрал его и снова виновато улыбнулся:

— Я понесу, товарищ ка-капитан

— Женя, — настойчиво повторила Луданная

Клиховский смотрел на них из окна рыцарской капеллы. Судя по лицу, русский солдат — славный парень. Но немецкие солдаты, что стояли здесь на смерть, тоже были славными парнями. Это неважно. Все они.— и русские, и немцы — только орудия в руках Бафомета. Ничего не подозревающие орудия.

Пакарклис и его спутники возились в дальнем зале, складывали книги в ящики из-под патронов. Володя, Луданная и Клиховский, хрустя подошвами по битому кирпичу, прошли к лестнице, ведущей в подвал замка.

Жёлтый луч фонаря бегал по выщербленным сводам, заострённым аркам и обглоданным колоннам. В грудах кирпичей — вздутые трупы, доски, лапы старинных люстр, пустые автоматные магазины, обломки резной мебели, каски, канделябры с завитушками, патронные цинки... Запах смерти и чув-

ство безысходности. Воспоминания опять накрыли Володю, как взрывная волна.

...Штурмуя старинные форты Кёнигсберга, огне­мётчики подбирались к амбразурам и выжигали обороняющиеся казематы струями огня. Но здесь, в Лохштедте, огне­мётчиков не было. Бойцы швырнули в подвал десяток гранат и скатились вниз, пока пыль ещё не осела. Комбат пальнул вглубь сиг­нальной ракетой. Горело какое-то тряпье, сыпались кирпичи, во мгле метались и орали фрицы. Бойцы били из автоматов по любому движению, а уцелев­шие немцы огрызались из-за колонн. В замкнутом объёме страшно грохотали пулемёты, во все углы вкривь и вкось, искря, лупили рикошеты. Комбату оторвало руку с плечом, полегли Яким Асташонок и Лаврик, Исмаил Галимуллин, Санька Герасимов, дядя Федот и Лёшка Долгополов...

— Куда немцы отступали? — спросила Луданная.

Володя очнулся. Он уверенно направился вдоль стены, вскарабкался на кучу кирпичей и замер в не­устойчивой позе, держась за обломок стены.

— Посветите вон ту-туда. — Он указал рукой.

Женя осветила бесформенную грудку, из которой торчал угловатый блок намертво сцементирован­ных кирпичей.

— Тут под мусором бе-бетонный люк со стальной к-крышкой, — пояснил Володя. — Немцы туда прыга­ли. А мы за ними на верную с-смерть не полезли. Мы решили обрушить подвал, чтобы за-засыпать люк. Рванули взрывчаткой своды, но получилось так, ка-как видите... Люк только немного придавило.

Женя еле покачала блок из сцементированных кирпичей.

— Я бы не сказала, что немного, — с сомнением заметила она.

— Его уже не мы уронили. При нас он ещё в толке то-торчал.

Клиховский увидел, как переменялось и потемнело лицо Луданной. По-русски Винцент понимал очень плохо и потому потребовал:

— Переведите мне!

Женя перевела рассказ сержанта Нечаева и добавила:

— Судя по всему, гости с гидроплана знали о люке. Откопали его и ушли по катакомбам. А заряд с замедлителем уронил эту глыбу и перекрыл путь.

— То есть мы их потеряли? — уточнил Клиховский.

Володя понял, что красивая контрразведчица разочарована и ожесточена. А её напарник, поляк с мрачными глазами и в испачканном пальто, вообще казался приговорённым к расстрелу. Володя чувствовал, что понравился контрразведчице, и ему захотелось помочь, чтобы она улыбнулась. Война ведь закончилась. Мы победили. Всем должно быть хорошо.

— Вы разыскиваете ди-диверсантов, товарищ капитан? — спросил Володя.

— Их двое. Они хорошо здесь ориентируются. А мы — плохо.

Поколебавшись, Володя Нечаев произнёс по-немецки:

— Я знаю то-того, кто ходил по этому подземелью отсюда и до П-пиллау.

Это был старик ополченец. Володю поразило его лицо: обветренное до красноты, хищное, в грязной щетине. Чёрный морской бушлат с выцветшими нашивками он подпоясал ремнём, на рукаве багровела повязка фольксштурма, из-под кепи торчали се-

дые космы. Старик стоял над люком в полный рост и беспощадно бил по русским из допотопной винтовки «маузер».

— Гэе взг, их дэке дих аб! — хрипло кричал он, будто задыхался.

Солдаты прыгали в люк, разверстый у ног фольксштурмовца. Казалось, что старику, прикрывающему отступление, не выжить, но каким-то чудом его не задело ни пулей, ни осколком. Нелепо корячась, он тоже полез в люк и канул в темноту колодца. Он стал последним, кто ушёл из подвала замка живым.

Володя, конечно, забыл о седом фашисте, но сейчас, вернувшись на место боя, сообразил, что именно этого ополченца он потом встретил в Пиллау.

Гитлер учредил фольксштурм осенью сорок четвёртого, когда советские войска взломали границу рейха — ударили по Восточной Пруссии. Вермахт не мог удержать Красную армию, и Гитлер призвал на помощь нацию. Одетые в гражданское, вооружённые как попало, ополченцы дрались не хуже солдат. А Красной армии фольксштурм показался оскорблением: это же наша война — отечественная, а не у немцев! Мы освободители, а не захватчики, почему же против нас народ? Политруки объясняли: фашисты оболванили простую трудовую Германию и силком гонят рабочих и крестьян на фронт. Но это было не совсем верно. Многие немцы записывались в ополчение добровольно. Они защищали свою родину. Свою чёртову злобную, преступную родину.

Во второй половине апреля от всей Восточной Пруссии у немцев остались лишь огрызок полуострова с городом Пиллау да длинная коса Фрише Нерунг. Красная армия узким фронтом ломила к проливу Зеетиф: крушила, дробила, перемальва-

ла и топтала немцев. Их рубежи обороны трещали и рассыпались.

Русские шли в атаку волна за волной. Танки пёрли через каштановые леса, выворачивая деревья с корнем, неуклюже карабкались на завалы из брёвен, шпал и разной сельхозтехники. Самоходки ползли по дюнам, едва сцепленным кустами облепили, и толкали перед собой бочки с водой и песком, чтобы те давили мины. Фронт заволакивало дымом от горящих бронемашин — русских и немецких. Под огнём орудий, пулемётов и завывающих «небельверферов» русская пехота наступала почти под землёй: ныряла из лощины в лощину, из воронки в воронку. Всё перемешалось, и солдаты вермахта вдруг вылезали из засыпанных блиндажей и бункеров за спинами у своих врагов и били им в тыл. Мёртвые «тигры» и «пантеры», лежащие на вспоротых животах, очнувшись от смерти, вдруг с лязгом поворачивали обугленные башни и начинали стрелять. На побережье всё никак не умолкали вкопанные по брови бетонные батареи — изрыгали из песков один залп за другим. Над немецкими траншеями, поливая очередями, низко проносились русские штурмовики; пикирующие бомбардировщики швыряли бомбы на каменные черепа неприступных дотов. Немцев выколупывали из каждой рывины, из-под каждой скорлупки. Немцы почти не отступали со своих рубежей: гибли, сгорали или истекали кровью.

Борьба не заканчивалась даже в темноте. Над позициями немцев русские «ночные ведьмы» рассеивали десятки тысяч голубых и малиновых листовок, в которых генерал Ляш, капитулировавший в Кёнигсберге, призывал солдат вермахта сложить оружие. Листовка служила пропуском в плен. Из русских громкоговорителей звучали вальсы Штрау-

са, народные песни и обращения «Свободной Германии» — организации немецких антифашистов в СССР.

Двадцать четвертого апреля Красная армия вышла на окраины Пиллау. Истерзанный город сопротивлялся, как раненый зверь. Улицы были перегорожены баррикадами, а за ними стояли танки и самоходки. Из проулков и подворотен торчали стволы орудий. На пустырях, во дворах и на детских площадках выросли бункеры и доты. В окнах домов сидели пулемётчики, в подвалах — фолькштурмовцы с фаустпатронами, на чердаках — снайперы. От причалов, черпая бортами, под бомбёжкой ещё уходили переполненные суда с ранеными и беженцами.

Советские офицеры рассматривали карты Пиллау — туристические путеводители общества «Сила через радость». Стрелы указывали направления атак, кругами были обведены разведанные очаги обороны, и для них, как в Кёнигсберге, командиры формировали особые штурмовые группы. Русские вломились в город по главной дороге — по имперскому шоссе № 131.

Здания, превращённые немцами в крепости, русские дырявили из орудий прямой наводкой бронбойными снарядами. На городском стадионе советские танки гусеницами смяли зенитные батареи вместе с расчётами. Несколько раз бойцы атаковали форт Штиле, в укреплениях которого зиял кратер январского взрыва; форт отбивался, и «катюши» прожарили его до самых глубоких казематов. Немецкая морская пехота оборонялась в казармах военного городка Химмельсрайх; городок окружили и раскололи на куски. Среди жилой застройки Пиллау нелюдимо темнела глыба Штокхауза — могучего бункера, врытого в землю на три этажа; пройдя

сквозь бешеный заградительный обстрел, бойцы выжгли утробу Штокхауза через амбразуры из огнѣтѣ мѣтов. Приземистые фигурные бастионы форта «Восточный» затряслись от кумулятивных фугасов; форт безвольно вывалил из бойниц языки белых флагов. В парке Плантаже на скрещеніях променадов под соснами в грунт были вкопаны «панцеры» — словно разлапистые железные пни: снаряды корчевали их и переворачивали набок. Моряки Кригсмарине врукопашную дрались до послѣднего за селение Камстигаль: здесь жили их жѣны и дети. Обгорелые «ИСы» выкатились на больверки гаваней и садили из пушек по судам, уходящим в дыму за дамбу аванпорта. На верфях Шихау огромными дохлыми рыбинами лежали брошенные подводные лодки.

Батальон Володи Нечаева пробился к набережной Грабена. Плающий «тигр» закупорил мост через канал, за ним в дыму скалились пулемѣты. Канал был завален утонувшими судами — буксирами, баржами, лихтерами, катерами. Бойцы прыгали с набережной на палубы, перебрасывали дощатые сходни с борта на борт, лезли по надстройкам, по крышам рубок, хлестали по другому берегу из автоматов. Они первыми ворвались в разрушенные кварталы Хакена.

Немцы стреляли отовсюду — из почтамта, из рун ратуши, из кирпичи, из окон гостиницы, со второго этажа гимназии. Для Володи всё слилось воедино: узкие улочки, мостовые, баррикады, трупы, перевѣрнутые грузовики, окна, углы, двери. Перебежки, короткіе очереди, серые фигуры в дыму, гарь, не хватает дыхания, груды кирпича, грохот, крики, пыль. В руках у Володи давно гремел немецкий автомат, магазины он вытаскивал из подсумков

у мертвецов. Мокрая гимнастёрка побурела от кирпичной крошки. Все мысли были нацелены только на то, чтобы сразу гасить выстрелом любое шевеление.

Каким-то образом он очутился в тёмном подвале, наполненном немцами. Женщины в жакетах, тихо завывая, вжимались в углы. Пожилой господин в очках что-то объяснял захлёб и пятился. Раненый солдат, лежащий на полу, тряс в воздухе зажатой в кулаке белой тряпкой. А посреди подвала стоял тот самый старик фольксштурмовец из Лохштедта — краснорожий и седой. Он держал ручной пулемёт с дырчатым кожухом и растопыренными станинами.

Надо было бросить гранату и метнуться наружу, но Володя почему-то не сделал этого. Не успел. Худенький белобрысый парнишка в комбинезоне вдруг кинулся на старика фольксштурмовца, вырвал у него пулемёт и с силой швырнул Володе под ноги, словно жертву, а сам распахнул руки и заслонил собою старика. Володю поразили огромные глаза немецкого мальчика — они были больше Второй мировой. За стенами подвала сотрясался и рушился погибающий город. Володя постоял, будто оглушённый, потом цапнул пулемёт за ремень и молча взбежал по лестнице прочь из этого подвала.

По дороге остановились у госпиталя: Луданная известила медицинское начальство, что сержант Нечаев пока поступает в распоряжение СМЕРШа.

Литовцы и сама Луданная жили в городке немецкой школы подводников — бывших пехотных казармах. «Бюссинг» подрулил к крыльцу причудливого и объёмистого здания с острыми фронтонами. При штурме Пиллау казармам повезло: немцы их не

обороняли, а русские не крушили. Пакарклис, Юргинис и Гертус помогали солдатам разгружать ящики с книгами. Луданная курила.

— Госпожа капитан, — сказал ей Клиховский, — я хочу пойти с вами.

— Зачем? — холодно удивилась Женя. — Я сообщу вам результаты.

— Нет, — твёрдо возразил Клиховский. — Моё непосредственное участие в дознании — условие моего сотрудничества.

Женя смерила его оценивающим взглядом:

— Вы слишком многое требуете, Клиховский. Если станете мешать, я могу в любой момент отправить вас в лагерь для интернированных.

Клиховский ждал этого удара — и нанёс ответный удар:

— А я могу в любой момент довести до сведения вашего руководства, что в Пиллау находится Эрих Кох.

Луданная смотрела Клиховскому прямо в глаза. Что ж, теперь всё ясно. Они оба держат друг друга на прицеле. В их отношениях, как между Польшей и Союзом, существует своя «линия Керзона», которую следует соблюдать. И желание капитана Луданной отстранить Клиховского — нарушение уговора.

Володя не заметил их короткой электрической стычки. Он думал о старом фольксштурмовце. Немец сложил оружие, и Володя пощадил его тогда, а сейчас выдаёт контрразведке... Порядочно ли это? Старика могут отправить в плен как военнослужащего неприятельской армии... Но ведь он им и был. Там, в Лохштедте, он стрелял без всяких колебаний. Видно, сейчас в душе у Володи человек начал потихоньку вытеснять солдата — вот и одолели сомнения...

«Бюссинг» прокатился над Крепостным каналом по мосту Гинденбурга и свернул в кварталы Хакена. Володя в кузове поднялся на ноги, придерживаясь за крышу кабины. Он обещал капитану Жене показать тот дом, где в подвале наткнулся на фолькштурмовца, но теперь ему было трудно опознать нужное здание. В уличном бою он замечал укрытия, а не подробности архитектуры... Впрочем, он всё же вытащил из памяти кое-какие впечатления: подъезд со ступенькой, наполовину снесённый второй этаж, широкий карниз, а поодаль, за решётками стропил, закопчённая верхушка башни на берегу пролива... Володя забарабанил по крыше кабины. Грузовик затормозил.

— Это улица Лоцманов, — выбираясь из кузова, пояснил Клиховский.

Лоцманы Пиллау водили суда через пролив Зее-тиф и по Морскому каналу до Кёнигсберга. Их опыт стоил весьма дорого, поэтому лоцманы обзаводились хорошим жильём на Хакене — в самом богатом и престижном районе города.

Теперь Володя вспомнил уже всё. Вот здесь они лезли через баррикаду, из которой торчал велосипед, а там горел «фердинанд»... Там, в воронке, залёг фаустпатронщик, и его прихлопнули гранатой... Из того окна бил пулемёт, и на балконе трепалась от взрывов простыня... Из этой дыры Мишка Худяков огнём прижимал власовцев, прячущихся в тех вон витринах, — власовцы не сдавались, потому что их расстреливали даже с поднятыми руками... Солнце тогда висело прямо над городом и шевелилось в дыму, словно клубок змей, а сейчас, на закате, багряно высвечивало фонарь маяка и дымовые трубы.

Приближался комендантский час, и немцы разошлись с улицы по своим убежищам, только пожилой

господин в женском кухонном фартуке с рюшами напоследок подметал мостовую. Развалины были частично разобраны, битый кирпич уложен в кучу. На уцелевшем телеграфном столбе сидели две чайки.

Женя направилась к господину с метлой.

— Я ищу человека, — сказала она по-немецки. — Лет шестьдесят, седой, с красным лицом. Возможно, бывший моряк. Знаете такого?

— О да! — охотно закивал господин с метлой. — Вероятно, вам нужен герр Грегор Людерс. Очень достойный человек. Он был нашим блокляйтером, Он живёт в том доме на втором этаже. Но я не видел его уже два дня.

Клиховский от волнения стиснул зубы. Он слышал о Грегоре Людерсе.

Сорванную с петель дверь квартиры жильцы просто прислонили к косяку. Женя по-хозяйски отодвинула её в сторону, даже не постучав. Немцам тут уже ничего не принадлежало. Володя шагнул через порог вслед за Женей.

Разруха... Окна выбиты, на потолке — следы пуль, на голубых обоях — синие квадраты от картин. Висела только фотография крейсера времён Первой мировой. В комнату, похоже, стащили всю найденную мебель: две кровати — широкую и узкую, гардероб с простреленной фанерной дверкой, стол, два гнутых венских стула. Одна стена была обрушена, и проём загородили щитом, сколоченным из досок. На узкой койке сидел тот светловолосый парнишка, что в подвале Лохштедта заслонил собою старого фольксштурмовца.

— Где Людерс? — сразу спросила Женя по-немецки.

Парнишка не испугался русских, хотя в их внезапном вторжении явно ощутил угрозу. Володя мол-

ча рассматривал худое и озлобленное лицо немецкого мальчика. В глазах мальчика тихо светилась чистая ненависть.

— Ваши власти забрали дядю на работу.

— На какую?

— Дядя — лоцман.

«Дядя», — отметил про себя Володя. Не отец и не дед.

Парнишке было лет пятнадцать-шестнадцать. Наверняка в каком-нибудь Гитлерюгенде голову ему забили фашистской пропагандой: великий фюрер, тысячелетний рейх, «Дойчланд юбер аллес», «жизненное пространство»... Но этот парнишка был храбрым и умел любить. Он закрыл собой старика. Его ещё не превратили в чудовище. И Володе вдруг захотелось, чтобы немецкий мальчик опомнился. Пускай и не сейчас, а вообще. Увидеть такое возрождение — это как вернуться с войны домой, а твой дом не разрушен бомбой, и герань цветёт на подоконнике, и мама, живая, сидит за швейной машинкой.

А Клиховский разглядывал парнишку с бесконечным изумлением.

— Когда Людерс придёт? — всё напирала на немчика Женя.

— Не знаю. Его могут продержат долго.

Гидрографическое управление Балтфлота собирало уцелевших немецких специалистов, чтобы составить новые лоции залива Фриш-Гаф и восстановить судоходную обстановку Морского канала. Флотская контрразведка искала моряков и свозила их в Лоцманскую башню, где помещалась рейдовая служба. Женя почувствовала досаду: Людерс находился в руках конкурентов, хотя, конечно, флотских интересовала акватория, а не подземелья.

— Хорошо, — сказала Женя по-русски. — Приду сюда утром.

Володя всё смотрел на юного немца. Тот ждал, когда русские уберутся.

Клиховский тронул Володю за плечо:

— Пойдёмте, господин солдат. — На пороге Клиховский оглянулся и негромко сказал: — Рад, что вы живы.

Русские вышли. Парнишка поднялся и подтащил дверь квартиры обратно в проём, затем выглянул в окно и проследил, как русские идут по улице.

— Опасность миновала, господин гауптштурм-фюрер.

Дощатая перегородка, закрывающая разрушенную стену, сдвинулась, и сквозь щель в комнату выбрался высокий, спортивного вида мужчина в гражданском плаще и шляпе. В руке он держал короткий пистолет «зауэр».

Мужчина улыбнулся — спокойно и с пониманием:

— Вы правильно поступили, что не выдали меня, фройляйн Хельга.

Под гостиницу комендатура приспособила бывшую немецкую школу подводников. От Хакена до неё было совсем недалеко. Володя провожал Женю — вроде как всё равно по пути в госпиталь. Улица угасала в синеве. Балтика дышала свежестью. Сапожки Жени цокали по камням брусчатки.

— Заметил, как тот змеёныш смотрел на нас? — усмехаясь, спросила Женя.

Володя понял, что она имеет в виду немецкого парнишку:

— За-заметил. А чего ещё ждать от н-немцев?

— Они получили, что заслужили.

— Да, — сухо подтвердил Володя.

— Не слышу убеждённости в голосе, товарищ сержант.

— Я согласен с вами, товарищ капитан. Немцы должны за-аплатить за всё. Но даже нам радоваться тут не-нечему.

Женя хмыкнула. Война закончилась, и сразу из всех щелей полез этот интеллигентский скулёж. Фрицев, видите ли, жалко. А своих не жалко?

— Поменьше снисхождения к врагу, Володенька.

Володя решил не спорить. Пока шла война, немцы были врагами. Теперь они стали просто немцами. Конечно, со всей фашистской отравой в головах. И со всей виной своего народа. Но Володя считал, что за вину немцы уже наказаны. И наказаны жестоко. Хватит. Дальше их надо лечить от отравы.

А Женя не понимала, зачем с немцами цацкаться. Гнуть их в дугу, и всё. Жене требовалось ощущать себя победительной и сильной, ведь сильный берёт всё, что пожелает, а желаний у Жени было много. После победы жизнь представлялась ей сказочной пещерой с сокровищами: уноси, сколько влезет. И в данный момент Женя хотела заполучить мужчину — такого, чтобы пользоваться всеми благами обладания, но оградить себя от всех неудобств.

— Что вы за-завтра сделаете с Л-людерсом? — спросил Володя.

— Ты, — поправила Женя.

— То есть я? — не сообразил Володя.

— Мы с тобой на «ты». Забыл, сержант?

— П-прости. — Володя улыбнулся. — Что ты завтра сделаешь с Людерсом?

Володю приятно волновало, как эта красивая и опасная женщина смело сокращает расстояние между ними. Так штурмовик пикирует на цель.

— Завтра я допрошу Людерса и узнаю про подземелья.

— А если он будет мо-молчать?

— Не будет, — как-то зловеще пообещала Женя. — Выбор у него небогатый. Или говорит, или я под конвоем отправляю его в лагерь для военнопленных.

— Он же не солдат! — возразил Володя. — Он ополченец!

Женя поморщилась. Ох уж эти интеллигентки...

— Слушай, Нечаев, прекрати мерехлюндию, — с нажимом сказала Женя. — Людерс не ездовым при кухне ошивался. Он стрелял по нашим ребятам. А мы согласны простить его — но в обмен на сотрудничество. Мы даём ему шанс остаться дома, а не укатить в Сибирь. Мы добрые. Усвой это, боец.

Володя тяжело вздохнул. Мерехлюндия объяснялась просто: ему претило мерить новую, мирную жизнь старой меркой войны. И Женя, конечно, права.

— Завтра ты пойдёшь со мной, — добавила Женя. — Пусть Людерс увидит, что у нас есть свидетель его участия в боевых действиях.

— Умеешь ты у-управляться с людьми... — с уважением заметил Володя.

Женя была польщена. Славный мальчик этот Нечаев. С пониманием. Не то что Перебатов. Интересно, каков он в койке? Вроде не должен оплошать.

Они как раз дошли до ворот школы подводников.

— Зайдём ко мне, — предложила Женя. — У меня есть «беренфанг».

«Беренфангом» называлась прусская хвойная водка.

Володя кивнул. Женя и отталкивала, и притягивала его. Напористая сила Жени была порождена, разумеется, войной. А во что эта сила воплотится после войны? Володе хотелось увидеть, какой ока-

жется новая, другая Женя. И он согласился уступить. Пусть будет, как скажет Женя. Ей ведь тоже что-то надо.

За дверью школы подводников на КПП Жене заулыбался дежурный:

— Шпиона поймали, Евгения Петровна?

— Разговорчики! — оборвала его Женя.

Она жила в бывшем кабинете какого-то начальника. Грузная мебель, портреты немецких адмиралов, большой кожаный диван. Женя включила свет, вытащила тумбу из-под царственного стола и выставила бутылку без этикетки, а на закуску — жестянку лендлизовских сардин. Володя пододвинул стул.

— Не робей, пехота, — грубовато сказала Женя.

Володя понял: грубостью она маскирует смущение. Или бесстыдство.

Хвойная водка мягко проскользнула в горло и согрела грудь.

— Давно на фронте? — Женя подцепила сардинку за хвост.

— С сентября со-сорок четвёртого.

Женя удивлённо приподняла брови. Этот сержант поначалу показался ей маменькиным сынком, не успевшим обмяться в окопах, а он прошёл через мясорубки Гумбинена, Инстербурга, Кёнигсберга и Пиллау... Значит, крепкий парень, если не затёрся до общей солдатской одинаковости.

Но продолжить знакомство им не удалось. Дверь без стука открылась, и на пороге появился Перебатов — в форме, с портупеей и без фуражки. Он едва не споткнулся, увидев гостя. Володя сделал движение встать.

— Сиди. — Перебатов махнул рукой, прошёл к дивану и опустился рядом с Женей. — Мы здесь без чинов... Что празднуешь, Женька?

— Да ничего. — Женя пожала плечами, демонстрируя безмятежность.

Ей стало любопытно — как поведут себя эти двое?

Перебатов побагровел шеей, не зная, что сказать, и потянулся к бутылке:

— Шнапс? — Он понюхал горлышко. — О, фрицевская можжевелька!

Женя не предложила Перебатову налить. Володя тоже молчал. Рядом с Перебатовым ему стало тесно и неудобно.

— Ты кто? — наконец напрямую спросил Перебатов у Володи.

— Помогает мне искать доступ в катакомбы, — за Володю ответила Женя.

— В катакомбы, значит, доступ? — недобро повторил Перебатов. — Ну-ну.

Володя сразу почувствовал в майоре соперника со спесью. Володя не намеревался добиваться от Жени близости — как получится, так и получится, — но в мужском соперничестве его первопричина — женщина — быстро отходит на второй план. Важнее становится стремление к превосходству.

— На что вы на-намекаете, товарищ майор?

— Да, Коля, на что? — вызывающе улыбнулась Женя.

Перебатов еле унял себя. Глаза его угрюмо померкли.

— Ночью в цитадели убили двух патрулей. Ножом работал профессионал. Так что я заглянул предупредить: не стоит тебе рыскать по катакомбам.

— Я сама разберусь! — отрезала Женя. — Ты мне не командир.

— И вообще в городе ночью опасно. — Перебатов снова глянул на Володю. — У меня возле крыльца «виллис» ждёт — подвезёт тебя до части, гвардеец.

Володя вздохнул. Он не хотел обострять обстановку, но куда деваться?

— Спасибо, товарищ ма-майор, я не поеду. Я пришёл в гости к Ж-жене и уйду, когда сочту нужным. У меня пропуск для ко-комендантского часа.

Такая откровенность взбесила Перебатова.

— Ну, давай хоть покурим в коридорчике! — с угрозой предложил он.

— Давайте з-здесь. Женя тоже курит, она не будет во-возражать.

Женя упивалась посрамлением Перебатова. И ещё ей было приятно, что Нечаев поступил правильно: не сдал своих позиций и не повёлся на глупое мальчишество майора. Видно, полгода фронта многому его научили.

Перебатов растерялся. Не вытаскивать же этого сопляка силой!.. Позор на всё общежитие — майор за бабу дерётся с каким-то молокососом!.. А Женька — курва!..

Перебатов с фальшивым весельем шлёпнул ладонями по коленям:

— Ладно тогда!.. — Он встал. — Что ж, бывайте, славяне.

Он хлопнул за собой дверь.

Женя, молча улыбаясь, взяла бутылку и снова разлила «беренфанг». А потом принялась вытаскивать шпильки из волос. Узел распался, и волосы мягким потоком хлынули на капитанские погоны.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Клиховский неплохо представлял себе Людерса — носителя тевтонского духа, моряка с крейсера «Кёнигсберг», ветерана Первой мировой, поклонника Гинденбурга и Людендорфа. До войны Людерс помогал доктору Хаберлянду устраивать городской музей: старый лоцман считал его мемориалом прусской славы. Такой человек, как Людерс, никогда не откроет тайны Пиллау русским — пусть хоть расстреливают! Однако может открыть их Клиховскому. Во-первых, Клиховский — друг Хаберлянда. А во-вторых, спас Хельгу.

Хаберлянд сказал, что музей вывезли из Шведской цитадели — возможно, в Лохштедт. Самые ценные экспонаты были упакованы в снарядные ящики. В Лохштедте Клиховский не увидел зелёных ящиков, даже разбитых. Зато узнал, что замок оборонял Людерс — доверенный человек Хаберлянда. Это не могло быть случайностью. Если русские схватят бывшего фольксштурмовца, то уже не выпустят его из своих лап. Надо успеть поговорить с ним до того, как его заберёт госпожа из дефензивы. И Клиховский пошёл к Людерсу ночью.

От улицы Проповедников до улицы Лоцманов было всего три квартала. Клиховский пробирался через руины по внутренним дворам, чтобы патруль не задержал его как нарушителя комендантского часа. В эту ночь русские впервые зажгли маяк. Где-то наверху то и дело беззвучно вспыхивал яркий белый огонь, и мгновенно из темноты проявлялся город: голые печные трубы, рёбра стен, освещённые треугольные фронтоны и решётки стропил.

Во двор дома Людерса Клиховский попал через уцелевшую калитку в кирпичной ограде. Он сделал шаг вперёд — и сразу шаг назад, потому что из двери чёрного хода осторожно вышел человек в шляпе и плаще, и Клиховский сразу его узнал. Клиховский не раз видел его за плечом гауляйтера Коха на митингах, этот человек всегда провожал гауляйтера к лимузину, а в «Волчьем логове» дежурил в отдельном кабинете у телефона. Об этом человеке грезили белокурые невесты из общества «Вера и красота»: аристократ, автогонщик, пилот, яхтсмен, ариец и красавец — Гуго фон Дитц, адъютант Эриха Коха.

Клиховский догадался, кто сидел за штурвалом красного гидроплана.

Следом за фон Дитцем из дома вышел Людерс.

— Правее, господин гауптштурмфюрер, — сказал он. — Там есть тропка.

Людерс и фон Дитц передвигались тем же способом, что и Клиховский, — по дворам, через руины, прячась в густой тени, чтобы не попасться патрулям. Клиховский крался за немцами. Он быстро понял, куда те направляются — на Курфюрстенбольверк. Поблизости, за пирсом парома, располагалась стоянка лоцманских катеров; над стоянкой высилась Лоцманская башня.

За развалинами двухэтажного здания наконец распахнулось пространство меж плоскостью тёмного моря и плоскостью звёздного неба; при вспышках маяка море, подобно небу, покрывалось бегучей россыпью мелких искр. По набережной, слепя фарами, медленно проехал «додж» с пулемётом. Людерс и фон Дитц выждали, пока он удалится, и пересекли дорогу. Клиховский был вынужден наблюдать за немцами издалека — из развалин.

Вдоль берега в воде лежали утонувшие суда. Выше всех торчал баковый кран балкера «Нибелунг». Старый сухогруз ходил из Кёнигсберга в Мемель и Готенхафен; в апреле, уже после падения Кёнигсберга, он вывозил беженцев из Пиллау. Русские беспощадно бомбили порт. Забитый людьми «Нибелунг» едва успел отойти от причала, как на его корме взорвалась бомба. Капитан сумел уткнуться судно носом в берег. Здесь «Нибелунг» и остался. Пологие волны пенились на препятствиях и тихо шлёпали в прибрежных камнях

Клиховский никак не мог понять, что делают Людерс и фон Дитц. Старик возился под ржавой скулой «Нибелунга», а потом у него в руках оказалась верёвка, уползающая в море. Людерс и фон Дитц вместе принялись тянуть эту верёвку и вытащили привязанную лодку. Видимо, Людерс её здесь и спрятал. Клиховский знал, что русские власти, заняв Пиллау, конфисковали у жителей все плавсредства. Людерс извлёк из лодки пару распашных вёсел и руль.

Клиховский наблюдал, как немцы тихо проплыли вдоль «Нибелунга» и развернулись в сторону створного знака на дамбе аванпорта. Фон Дитц грёб, Людерс рулил. Акватория ночью была пуста: русские суда не ходили, так как навигационная обстановка

ещё отсутствовала, а в море блуждали плавучие мины. Маленькая лодочка растворилась в темноте залива.

...К дому Людерса Клиховский вернулся прежним скрытым путём. Что ж, старик ускользнул, но это, может, и к лучшему.

Хельга сидела за столом, накрытом скатертью; на столе стояли две рюмки и початая бутылка пилькаллера, а грязные тарелки, вилки и чашки отмокали в тазу. Вид у Хельги был опустошённый. Клиховский опустился на стул.

— Помните меня? — спросил он.

Хельга кивнула. Клиховский разглядывал её. Судя по неровным прядям, она сама обкорнала себе волосы, чтобы в комбинезоне походить на мальчика — боялась насилия русских солдат. И сейчас боится всего. Клиховскому стало жаль эту юную немочку, но жалость не влияла на его решения. В Мариенбурге он видел парады Юнгфолька и Юнгмедельбунда. Из таких чистых девочек и пылких мальчиков слagalся народ, который нёс порабощение и гибель.

— Я знаю о вас больше, чем вам кажется, — прямо сказал Клиховский. — Вы должны поговорить со мной, Хельга. Иначе я выдам вас русским.

— Спрашивайте, — тихо ответила Хельга.

— Ваш дядя вывел из города Гуго фон Дитца. Куда они направились?

— К объекту «НАСТ-1». Я не знаю, где он.

Клиховский сразу догадался, что речь идёт о выходе из катакомб.

— Зачем Дитцу Грегор Людерс?

Хельга взяла со стола рюмку и принялась вытирать углом скатерти:

— Дитц выбрался через «ZIF-2». Это в Шведской цитадели. Он там убил караульных. Русские усилили охрану, и Дитц не мог вернуться через «ZIF-2». Дядя повёл его туда, где русских нет.

— Они упоминали о Лохштедте или музее Хаберлянда?

Хельга впервые посмотрела Клиховскому в глаза — в своём ли тот уме? Рейх уничтожен, Германия захвачена врагами, всем грозит смерть — при чём тут старый замок и городской музей?! Но взгляд Клиховского был трезвым.

— Хельга, скажите: что гауляйтеру нужно от вашего дяди?

Девушка снова опустила голову:

— Я не знаю...

В её голосе звучала тоска, и Клиховский не усомнился в честности ответа.

— Вам известны входы в катакомбы? Хотя бы один вход?

— Это государственная тайна. Дядюшка мне ничего не рассказывал.

— А когда он вернётся?

— Следующей ночью.

Клиховский мрачно задумался. Значит, дама из русской дефензивы утром не сможет допросить и арестовать Людерса. А потом?

— Хельга... Если я сообщу русским, что Грегор Людерс сотрудничает с нацистами, его расстреляют. Но я не выдам его, если он мне поможет. Вы хотите спасти дядю? Тогда объясните ему положение вещей и мои условия.

Клиховскому было плевать, доберутся ли русские до гауляйтера. Плевать на подлость своего шантажа. Он желал использовать шанс и попытаться най-

ти музейные ящики — тем более без ведома русской контрразведки.

Клиховский поднялся из-за стола, глядя на Хельгу сверху вниз.

— Я приду завтра ночью. Убедите дядю ответить на мои вопросы, — сказал он. — И напоминаю, что вы у меня в долгу за ту ночь в феврале.

Он перевалился через край бетонной трубы и упал в снег. Над ним в свете звёзд слабо поблёскивали заиндевелые ветви осин. Вентиляционный колодец находился в худосочном лиственном лесочке и был окружён колючей проволокой. Клиховский прополз под ограждением и поднялся на ноги.

Он плохо представлял географию полуострова, однако понял, что тоннель вывел его за город. Это ещё одно чудо — в придачу к тому, что он уцелел при взрыве и вырвался из лагеря. А теперь надо избавиться от полосатой одежды узника и влиться в поток беженцев. Клиховский слышал его шум за деревьями.

Беженцы брели по имперскому шоссе № 131. До Пиллау им оставалось, наверное, километра полтора. Измученные люди волокли тележки и санки со скарбом. Битюги тянули большие повозки, в которых поверх грузов сидели закутанные дети беженцев. Регулировщик в каске, мотоплаще и с железным горжетом полевой жандармерии следил, чтобы движение не прерывалось.

Какой-то мужчина подкатил свою тачку поближе к жандарму, чтобы тот присмотрел за имуществом, и побежал в лес. Укрывшись за кустом ольхи, он бережно повесил на сучок пальто, кашне и шляпу, приспустил брюки и присел. Клиховский сдёрнул

кашне, скрутил его жгутом и сзади накинул беженцу на горло. Казалось, что человек, умирая, бился целый час. Потом Клиховский снял с покойника и пиджак, и брюки, и ботинки. Усталый жандарм не заметил, что из леса вышел совсем не тот, кто вошёл. Клиховский взял тачку беженца.

Он не испытывал ужаса от содеянного. Концлагерь выжег все его чувства. В толпе таких же, как он, обездоленных людей Клиховский шагал по Хорст-Вессель-аллее и видел дома, повреждённые взрывом в форте Штиле: окна без стёкол, отбитая штукатурка, осыпавшаяся черепица крыш. В кармане пальто Клиховский нашарил пакет с документами и теперь читал их на ходу. Что ж, отныне он стал Паулем Бадштубером из Инстербурга. Это знак судьбы, ведь в Инстербурге живая мумия коменданта деля Кава и свела его с доктором Хаберляндом. Клиховский нашёл улицу Проповедников, дом семь. Хаберлянд открыл на стук. Пожилой и старомодный, он был в ночном колпаке.

— Простите, господин доктор, — сказал Клиховский. — Мы с вами едва знакомы. Но не могли бы вы меня спасти?

Конрад Хаберлянд, бывший бургомистр Пиллау, жил в большой квартире на втором этаже. Он уступил Клиховскому отдельную комнату с окнами во двор. Город затопили волны беженцев, рвущихся к кораблям и парому на косу Фрише-Нерунг. Этот поток пыталась упорядочить эвакуационная комиссия, она заседала в гостинице «Золотой якорь». Беженцам негде было пристроиться в Пиллау. Те, что побогаче, предлагали огромные деньги за ночлег; Хаберлянд вежливо отказывал, но многие горожане принимали постояльцев. Однако всё равно люди коротали ночи в повозках на всех улицах, в подъез-

дах и у костров на окраинах города. Магистрат распорядился открыть для беженцев школы и гимназии, склады и пакгаузы, лавки и парикмахерские, мастерские, подвалы и угольные сараи. Хаберлянд уже отправил свою семью в Дуйсбург; днём он пропал в ратуше, помогая в делах, а по вечерам пил с Клиховским ячменный кофе. Не понимая того, Хаберлянд сам придумал за Клиховского его историю.

— Это трагедия! — вздыхал он. — Варшава пала! Русские вторглись на нашу священную землю!.. Скажу по секрету, мой друг, гауляйтер приказал вывезти останки Гинденбурга и взорвать мемориал Танненберг! Ставка фюрера под Растенбургом уничтожена! Английское радио сообщило, что торпедирован лайнер «Густлоф», тысячи жертв!.. Идёт битва за Мариенбург, и тевтонский замок обороняется, как пятьсот лет назад!.. Я понимаю, Винцент, почему вы бежали с чужими документами. В нашем гау эвакуация тоже была запрещена под страхом расстрела. Но оставаться в Мариенбурге — самоубийство!

Клиховский только соглашался.

— Как ваш музей? — спросил он словно ненароком.

— Музея больше нет. Шведскую цитадель занял какой-то военный штаб, и все мои экспонаты и документы упакованы для транспортировки.

— А тот меч, который вы считаете Лигуэтом?

— Он тоже упакован. Мне дали десять ящиков изпод снарядов — знаете, такие зелёные, плоские, — и я со всеми предосторожностями уложил в них и Лигуэт, и распятое святого Адальберта, и янтарь орденовских времён, и кубок из Хонеды, и оковы Генриха фон Плауэна... Это удивительные вещи!..

— И куда их переместят из цитадели? Когда?

— Я жду решения гауляйтера. Но у него хватает своих забот.

Доктор Хаберлянд зарегистрировал Клиховского, то есть Бадштубера, в магистрате, и Клиховский стал получать талоны на продукты. Пятого февраля, через десять дней после своего бегства из форта, он шёл в ратушу и вдруг услышал странное завывание — это включились сирены воздушной тревоги. Толпа на улице не поняла, в чём дело: Пиллау ещё не бомбили. А потом загудели суда в гавани и раздался клёкот скорострельных зенитных автоматов. Клиховский посмотрел на низкое облачное небо: там бледно полыхало, как в грозу, а затем над улицей пронеслись два самолёта со звёздами. Тотчас город встряхнуло и закачало. Взрели близкие взрывы, завизжали женщины возле аптеки на углу.

Люди кинулись кто куда. Клиховский увидел, как светловолосая девушка в сером пальто вжалась в глубокую нишу полуподвального окна. Из верхних окон здания внезапно выбило пламя и осколки стёкол; стена потрескалась, будто мгновенно состарилась, и, ломаясь, с грохотом и пылью рассыпалась на куски, оголяя внутренние помещения. Девушка исчезла под грудой обломков.

Клиховский не знал, почему он так поступил. Немцы погибают? И пусть погибают!.. Но он отшвыривал кирпичи и выворачивал глыбы, продираясь к нише полуподвала. Он выкапывал не девушку-немку, а себя самого, заживо погребённого в тоннеле форта Штиле. Только так он мог справиться с тем животным ужасом, который однажды едва не свёл его с ума, а теперь вернулся и вышиб из разума. Вокруг кричали и рыдали, бомбардировщики зашли на второй круг, улицу снова подбрасывало, ржали лошади, стелился едкий дым от горящей аптеки. Клиховский разгрёб дыру и вцепился в серое пальто. Он выволок девушку из западни и скорее перетасил в подворотню.

Там они и просидели до завершения налёта. Клиховский крупно дрожал, его мутило. Девушка намертво вцепилась в рукав своего спасителя. Пальто у неё было в кирпичном мусоре, лицо — в крови, а светлые волосы стояли дыбом.

Русские самолёты улетели, а немка всё боялась выйти из подворотни. На задымлённой улице среди груд кирпича и черепицы валялись мёртвые люди и лошади, опрокинутые фургоны. Зияли воронки. Бродила и страшно завывала какая-то женщина. Ноги не держали, подгибались, но Клиховский довёл спасённую девушку до её дома на улице Лоцманов.

Вечером он рассказал о налёте доктору Хаберлянду.

— Вы спасли Хельгу Людерс, Винсент, — сразу узнал девушку Хаберлянд. — Это хорошо. Получается, что я, пусть и косвенно, оплатил добром Грегору Людерсу, её дяде и опекуну. До войны мы с ним дружили и сотрудничали. О, как мы оба были увлечены работой над музеем нашего милого Пиллау!

— Что произошло потом?

— Мы рассорились. Я прозрел, а Грегор пал жертвой демагогии Геббельса...

Хаберлянд замолчал и отёр старческую слезу.

— Как нам жить дальше, господин Клиховский? — спросил он. — Я имею в виду всех немцев, моих несчастных соотечественников... Рейх обречён. Мы раздавлены ходом истории! Наш народ страшно виноват, что доверился нищееанствующему безумцу! Весь мир обрушился на наши головы! Нам придётся возрождать себя из праха, в который повергли нас нацисты!

Клиховскому было жаль Хаберлянда, а немцев не жаль.

Первая бомбёжка сломила доктора: он подал заявку на эвакуацию. Свою квартиру он зарегистрировал в магистрате на Пауля Бадштубера.

— Пользуйтесь бомбоубежищем в подвале, — посоветовал Хаберлянд. — Я попросил разрешение на выезд и для вас, но его выдадут, когда я уже уеду.

— Спасибо, господин доктор, — поблагодарил Клиховский; он не собирался бежать из Пиллау, пока не найдёт Лигуэт. — А что с вашим музеем?

— Я сдал ящики на попечение канцелярии гауптлейтера. Полагаю, господин Кох переправит их в свою резиденцию — в замок Лохштедт. Больше некуда.

Клиховский помог доктору донести чемоданы до набережной. На пирс провожающих не пропускало оцепление из власовцев в овчинных шапках. Прощаясь, доктор крепко обнял своего гостя. А потом Клиховский смотрел, как транспорт «Марс» медленно уходит по каналу Иннехафен к проливу.

Но думал Клиховский вовсе не о докторе Хаберлянде. Здесь, на улице Ам Грабен, глядя на судно с беженцами, он вдруг ощутил живую глубину родовой памяти. Чужое прошлое всплывало из небытия в виде его собственной судьбы. Всё это уже случилось с его давним предком. Всё это было. Была девушка, выкопанная предком из могилы. И был робкий мудрец, убежавший с поля боя.

Длинные сочленения замка Мальборк растянулись по правому берегу Ногата, будто исполинская, разобранный на части машина вроде катапульты. Геометрия стен и башен была промерена линейкой и циркулем с немецкой точностью: плоскости и ровные дуги; цилиндры, кубы, трапеции и конусы — ни одного прихотливого изгиба или вольной завитушки. Краснокирпичная кладка, подсвеченная закатом, саднила взгляд, как ржавчина. Черепичные кровли и арочные фронтоны багровели в смуглой авгу-

стовской синеве неба и перевернуто отражались в гладкой реке. Своей неподвижной и мертвенной правильностью замок словно спорил с живым трепетом божьего творения.

Краковский каноник Ян Длугош рассматривал тевтонскую твердыню и понимал, что Польша победит Орден лишь тогда, когда изгонит рыцарей из Мальборка — немецкого Мариенбурга. Великие сражения ничего не изменяют. Полвека назад король Ягайло разбил тевтонцев у деревни Грюнвальд, но не сумел взять замок, и Орден остался в Польше, как стрела, вонзённая в тело. А нынешней весной рыцарь Ганс фон Байзен, предводитель мятежников, снова осаждал Мальборк с войсками из Гданьска и Эльблонга — немцы называли эти города Данцигом и Эльбингом, — но, увы, отступился, и тевтонцы угрожают полякам по-прежнему. Вот потому король Казимир должен захватить столицу непреклонного Ордена. Лучше без напрасной христианской крови. И он, Ян Длугош, коронный негоциатор, обязан помочь своему государю.

На левом берегу Ногата выстроились в ряд пушки на колёсных лафетах; немцы прозвали их «шарфметцен» — «меткие девки». Гулко гремели выстрелы, ядра со звоном били в стену, и слышался шорох сыплющихся кирпичей. Замок отвечал приглушённым лаем бомбард; их снаряды вязко шлёпались вокруг пушек в истоптанную траву, будто каменные яблоки. Бойницы стен и башен, озаряясь изнутри, часто трещали малыми ручными орудиями — гуфницами, пишталями и фистулами, и польские пушкари прятались от смертоносного чугунного гороха за большими щитами-павезами со шляхетскими гербами.

Длугош веточкой обмахивался от назойливых вечерних комаров.

— Пан каноник, дозволите отвлечь?..

Длугош оглянулся. Сзади переминался с ноги на ногу некий юнец, одетый небогато, но как шляхтич: шитый доломан с частыми пуговицами и фезезия с откидными рукавами. Юнец тискал в ладонях старую шапку-рогатовку.

— Кто ты и чего просишь? — с подозрением спросил Длугош.

С молодых лет он служил отцу Збигневу Олесницкому, сначала епископу, а потом кардиналу. Олесницкого называли подлинным властителем Польши. Он немало поспособствовал умалению вековых прав короны в пользу сейма. Конечно, король Казимир не любил пана Збигнева, но волей-неволей считался с ним, а свою неприязнь вымещал на кардинальском секретаре — на Длугоше. И блистательная пустоголовая клика, что вертелась у трона, тоже ополчилась на каноника. Пять месяцев назад кардинал скончался. Дела у каноника пошли совсем плохо. Слава святому Станиславу, что король, уважая в Длугоше дар дипломата, всё же позвал его вести переговоры с тевтонцами, осаждёнными в Мальборке. Длугош очень рассчитывал, что успех этих переговоров вернёт ему расположение короля. Но кто этот юнец? Уж не посланец ли коварных князей или магнатов, желавших окончательного падения каноника?

— Я Каетан герба Клиховских, — представился юнец. — Владею малым именем Залесе-Погожель. А здесь команду «копъём» Торуньской хоругви.

Войсковой стан занимал обширную луговину по левому берегу Ногата. Магнаты и князья, города и епископства собрали для короля свои отряды — хоругви, но вечная польская ревность к чести не позволили соблюсти на стане порядок. Шатры торчали как попало и теснили друг друга, стараясь выгадать место поближе к королевскому лагерю. Всю-

ду бродили кони и грудились обозы. На шестах полоскались знамёна с гербами: с ладьёй «Лодзи», луной «Леливы», платком «Наленча», щитом «Янины», якорем «Огончика», чёрным орлом «Сулимы», тремя зубчатыми башнями «Гржималы». Перестрелка через реку войсковому стану ничуть не мешала. Перестукивались молоты кузниц, звучали голоса и смех, кто-то ругался, а кто-то пьяно пел под урчание лиры.

— Мой отец погиб из-за тевтонцев, — добавил Каэтан. — Я один в роду.

Длугош не ответил. Юнец наивен. Такими словами доверия не заслужить. Да, Орден — враг, но многие шляхтичи надеются, что в нынешней войне он выстоит, потому что победа короля слишком возвысит монарха над сеймом.

Кардинал Олесницкий не хотел, чтобы Длугош, его воспитанник, погряз в придворных интригах. Кардинал советовал Длугошу посвятить себя высокой миссии. Например, написать хронику Польши. Длугош много думал о словах учителя. Но в истории Польши что может быть важнее борьбы с Тевтонским орденом? А в борьбе с Орденом что может быть важнее осады Мальборка? Вот ещё и по этой причине он, Ян Длугош, оказался здесь, на берегу Ногата.

— Скажите, пан Длугош, — дрогнувшим голосом произнёс Каэтан, — горит ли ваше сердце жаждой гибели для проклятых немцев?

Длугош хмыкнул. Глупый вопрос! Его отец сражался под Грюнвальдом и взял в плен комтура Бранденбурга. И кардинал Олесницкий, тогда ещё просто нотариус, писец, под Грюнвальдом бросился в бой и вышиб из седла рыцаря фон Дибера, который понёсся на короля Владислава с копьём. Сам Длугош в назидание соотечественникам составил

книгу «Прусские хоругви»: перечень знамён, захваченных у тевтонцев. Эти тяжкие стяги, царственно переливаясь шелками и бархатом, и ныне хранятся в усыпальнице святого Станислава в соборе на Вавеле. Орден тогда потерял много своих святынь — хоругви Бальги, Торна, Кульма, Эльбинга, Рагнита, Бранденбурга, Данцига, Кёнигсберга и других замков, а также гонфалоны всего Генерального капитула: маршала, Великого комтура, казначея, ризничего и самого Верховного магистра.

— Зачем ты спрашиваешь об этом? — раздражённо сказал Длугош юнцу.

— Простите, вельможный пан, если обидел, — смутился Каетан. — Дело моё требует пылкой любви к отечеству, дабы она оправдала и такое предприятие, каковое рыцарская честь не в достоинство почтёт...

— Что ты имеешь в виду? — насторожился Длугош.

Пушки бабахали по-прежнему, и над рекой заполошно металась чайки. Тёплыми густыми волнами наплывали запахи перестойного луга — приторновялые, как знамёна крестоносцев в усыпальнице святого Станислава.

— Я — малый человек, — тяжело вздохнул Каетан. — Никто не оставит меня с королём наедине. А вы — достойный муж, вам доверяют.

— И что?

— Моё дело требует тайны... — Юнец смотрел испытующе. — Я встретил негодяя, согласного открыть путь в Мальборк. Как мне известить короля?

Колокол в замке исправно отмерял каждый час, и звон плыл над городом, над рекой и над польским станом. Длугош слышал дальний гул тевтонского кампана за стенками своего шатра. Гости пришли

в полночь. Юнец остался стоять, не желая уравниваться со спутником, а тот сразу уселся на скамью, покрытую татарской кошмой. Он чувствовал себя привольно, словно в корчме.

— Назовись! — приказал ему Длугош.

— У меня, святой отец, разных имён было, как у собаки блох, всех уж и не упомяну, — беспечно ответил тот. — Сейчас я Сигельд.

Свет свечи бегал по колеблющейся полотняной кровле. Понятно, кого привёл Каетан. Прожжённого жулика из ганзейского порта вроде Бремена, Данцига или Гента. Пьянки, шлюхи, игра в кости, разбой и тёмные делишки.

— И что ты хочешь предложить? — спросил Длугош.

— Замок Ордена, что же ещё? — ухмыльнулся Сигельд. — Не может быть, чтобы под такой громадиной рыцари не прокопали тайный лаз. Я найду его и покажу вам. А король заплатит мне три тысячи венгерских флоринов.

Подземные ходы, конечно, существовали. Все знали, что магистр может войти во дворец в Среднем замке, а выйти уже в Высоком замке. Рассказывали про выход из Высокого замка наружу — то ли в Нижний замок, то ли в город, то ли на другой берег реки. Врали, что лаз вообще тянется до местечка Новы-Став в десятке вёрст от Мальборка, и в том подземелье спрятаны сокровища Ордена, их охраняют призраки магистров, лежащих в часовне под собором.

Каетан стоял в тени за спиной Сигельда. Лицо его было неподвижно.

— Ты понимаешь, чем рискуешь?

Длугош пристально посмотрел на Сигельда, и его удивило холодное спокойствие, спрятанное за развязностью простолюдина.

— После битвы при Грюнвальде король Владислав осадил Мальборк. Тевтонцы наняли защищать

свой замок всякий сброд. Бесчестный рыцарь Ясен Сокол предложил королю открыть ворота замка, если будет славная награда. Король взял время на размышления. Но через день тевтонцы катапультной забросили в польский обоз отсечённую голову Сокола.

— И остались у вас ещё на полвека, — бесстыже заметил Сигельд. — Надо было сразу раскошиться.

Длугош взял со столика подсвечник и поднял огонь, освещая Каетана.

— А вы как считаете, пан Клиховский, не обманывает ли этот человек?

— Он не обманывает, — помолчав, угрюмо сказал Каетан.

Длугош в задумчивости вернул подсвечник на место.

— Нет, я ничего не стану говорить королю, — отказался он. — Сначала ты, Сигельд, должен убедить меня, что уже нашёл ход. Тогда я и пойду к королю.

Длугош не сомневался, что король заплатит проиходе даже наперёд: Казимир Ягеллончик — не Владислав Ягайло. Но опасность заключалась не в потере денег. Если Длугош пообещает королю, что Сигельд проведёт поляков в замок, а тот не справится, то король окончательно разочаруется в канонике. Можно будет постригаться в монахи и писать историю Польши — ничего иного Длугошу уже не останется. Нет, о лазе под стеной Мальборка король должен узнать только тогда, когда Сигельд отыщет дорогу. Ему, Длугошу, незачем столь опрометчиво ставить на кон свою судьбу и положение при дворе.

— Бойтесь не оправдать ожиданий короля, святой отец? — пронизательно спросил Сигельд.

Длугоша уязвила подлая догадливость этого мерзавца. Длугош понял, что Сигельд ему не нра-

вится. Странно. Обычно ловкачи или проныры вызывают расположение — если, конечно, вредят не тебе, а другим. Так устроена природа человека: всегда приятно видеть, как попирается чужая гордыня. Но в Сигельде каноник ощутил какое-то жестокое и отталкивающее превосходство.

— Чем попусту болтать, лучше объясни, как ты надеешься пробраться в Мальборк, — сухо сказал Длугош. — Орденский замок — не спальня купчихи.

Каетан неохотно выступил вперед и положил перед каноником большой, скрученный в трубку лист с болтающимися на шнурках печатями.

— Посмотрите, пан Длугош, — попросил он.

Длугош с недоверием развернул лист и обомлел: это было послание-бреве, подписанное самим понтификом — покойным Папой Николаем V.

До Кракова уже донеслось известие, что Папа учредил в Ватикане новую библиотеку. Когда под ятаганами османов пал злосчастный Константинополь, Папа сразу послал к султану Мехмеду своего легата, чтобы тот выкупил все книги ромейского архива. И в бреве, которое держал в руках Длугош, было сказано, что предьявитель сего — грамматик Святого Престола, отправленный приобретать или переписывать для апостольского книжного собрания церковные и светские хронографы, достойные общей памяти христиан.

— Где ты взял это? — Длугош негодуяще вперился в Сигельда.

— Есть у меня приятель по прозвищу Исповедник, — пояснил Сигельд. — Он много последних исповедей слышал. Одна была от какого-то монаха. Его сундук мой приятель забрал себе: зачем сундук мертвецу с ножом в животе? А потом вещички покойного Исповедник проиграл мне в кости. Среди

них я и нашёл этот лист. И теперь вот сообразил, как он может мне пригодиться.

«Сам ты и убил того монаха!» — подумал Длугош.

— Сигельд выдаст себя за скриптора из Ватикана, — хмуро сказал Каетан. — Будто бы он приехал переписать хронограф Ордена, пока Орден не пал.

Длугош тщательно взвесил услышанное:

— А ты, э-э... Сигельд... знаешь грамоту?

— Знаю латынь, — кивнул мошенник. — И говорю на многих языках.

«Он витальер!» — осенило Длугоша. В притонах ганзейских городов чернь славилась этих пиратов Балтики и лучшего из них — Клауса Пей-до-Дна. Орден разгромил гнездо витальеров на острове Готланд. Сигельд был строен и силен, как моряк, и его желание уничтожить тевтонцев стало Длугошу понятно.

— В моём ремесле язык порой поважнее, чем ножик, — добавил Сигельд.

Каетан хотел одёрнуть его, положив руку на плечо, но не посмел. Длугош понял, что шляхтич боится витальера. И витальер в их деле главный.

— Но немцам Сигельда должны представить вы, пан Длугош, — тихо сказал Каетан. — Вам немцы поверят.

Длугош обомлел от такой дерзости. Оказывается, эти двое с дьявольской хитростью сочинили свой план именно под него! Он же вхож к королю. Он — неготиатор, который встречается с Верховным магистром. И он, каноник, может убедить магистра, что Сигельд прислан в Мальборк самим Папой!

Длугош уже был готов с проклятиями выгнать гостей из шатра, но в этот миг зачем-то посмотрел в глаза Сигельду. Глаза у злодея были как зимние проруби: тёмные и бездонные. В них таилось убива-

ющее волю всеведение, словно Сигельд знал и прошлое, и будущее. Длугош почувствовал, что с этим человеком не надо спорить. Никогда. Убийца убивает, а Сигельд ещё и сожрёт душу. Хочешь избавиться от него — сделай, что он просит, и он уйдёт сам.

— Хорошо, — с трудом произнёс Длугош. — Я помогу вам.

На бургфриде вновь печально ударил колокол.

Лодка с тихим журчанием скользила по зеркальной плоскости Ногата. На левом берегу в свете восходящего солнца осока сверкала росой, а правый берег укрывала прозрачно-голубая тень огромного и длинного замка. В этой тени над мелководьем таяли последние клочья утреннего тумана.

— Высокий замок — для рыцарей, — негромко пояснял Каетану Длугош. — Средний — для полубратьев и гостей Ордена. Посередине — Дворец магистров для приёмов и торжеств. Нижний замок — для прислуги и работников.

Вперёд выдвигался могучий входной форт-барбакан: сдвоенные круглые башни с черепичными колпаками. Между башнями темнели стрельчатые арки ворот. Совсем недавно к барбакану через Ногат вёл деревянный мост, но его сожгли. Из воды торчали обугленные сваи, на них сидели сонные чайки.

С реки не был виден город, что охватывал замок с трёх сторон подковой. Город тоже был обнесён прочной стеной с башнями и рвом. От замка его отделял земляной вал с кирпичной кладкой, полу-башнями-бастеями и вторым входным фортом, имеющим подъёмный мост. Немцы всегда строили так, словно рассчитывали пережить Конец Света. Замок был их Ковчегом.

Четыре гребца дружно взмахивали вёслами. Коронный хорунжий стоял посреди лодки со знаменем перемирия. Сигельд, одетый монахом, перебрался в нос лодки и разглядывал сумрачную твердыню тевтонцев.

— Ордену не хватает воинов, — говорил Длугош Каетану. — Замок и город защищают наёмники — табориты из Богемии, самые злые из гуситов-еретиков. Червонке, их капитану, в аду уже сложен костёр размером с Мальборк. Его разбойники заняли Нижний замок и выгнали оттуда тевтонцев.

Восстание прусских торговых городов начал Гданьск, немцы называли его Данцигом. К Данцигу примкнули Кульм с епископом, Кёнигсберг, Торн и Эльбинг, где сидел ландмейстер Пруссии Ганс фон Байзен. Ландмейстер был советником четырёх Верховных магистров, но пятый магистр — Людвиг фон Эрлихсхаузен — к его словам не прислушался, и тогда фон Байзен возглавил мятеж торговцев против рыцарей. Мятежники бросились к королю Казимиру с просьбой о подданстве. И Казимир охотно принял мятежные города под свою руку, потому что Польша уже полтора века упорно боролась с Орденом за Гданьск и богатое Поморье. Король без колебаний объявил Ордену войну.

Поначалу мятежники брали верх. Они разрушили орденские замки в Данциге и Эльбинге, Торне и Кульме, а фон Байзен осадил Мальборк — гордую столицу Ордена. Король Казимир уверовал в удачу и двинулся на город Хойницы. На выручку городу магистр послал войско. Поляки самонадеянно полагали, что дни Ордена уже сочтены; на королевском стане смеялись, что тевтонцы разбегутся от удара пастушьего бича. Шляхтичи короля и вправду почти смяли рыцарей магистра, и те укрылись

в вагенбурге — в крепости из повозок своего обоза. Но в спину полякам внезапно ударил гарнизон Хойниц, вышедший из-за стен. Поляки разлетелись во все стороны, как воробьи от пса. Король пытался остановить бегство, однако в итоге и сам бежал, а его хоругвь досталась немцам. Рыцари же кинулись в погоню. Король стремглав скакал прочь через болота, пока его конь не увяз по брюхо. Брошенного всеми Казимира спас какой-то литовец: он вытащил монарха из трясины, дал новую лошадь и проводил до города Быдгощ. А фон Байзен утрастился поражением короля, поспешно снял осаду с Мальборка и увёл своё ополчение обратно в Гданьск. Словом, такого позора поляки не испытывали уже давно. И теперь победа над Орденом стала для короля Казимира делом чести.

Но война затянулась, рассыпавшись на стычки, измены и штурмы малых замков. Противникам не хватало сил. Орден призвал на подмогу наёмников.

Лучшими из всех были богемские табориты. Разгромленные в битве на Липанском поле, они теперь бродили по Европе, не имея ни родины, ни цели. Их бандами командовали капитаны. Когда-то табориты шли в бой против Пап, королей и магистров за общее равенство и праведную бедность, а ныне их интересовали только деньги. И весь мир знал, что у тевтонцев деньги есть.

Длугоша всё больше угнетала затея, в которую он ввязался. Дьявольский Сигельд напоминал ему дикого зверя: он только кажется приручённым, но в любой миг может разорвать горло. Он лжёт, выдавая себя за мошенника или витальера. А юный Каеган, похоже, служит ему поневоле. Видно, тевтонцы так погрязли в грехе гордыни, что небо не пожелало оскверняться возмездием Ордену и уступило своё право тёмным силам преисподней.

Лодка уткнулась в заросший травой берег. Хорунжий затрубил в рог. Сигельд выпрыгнул первым и протянул канонику руку для опоры.

Ворота в стрельчатых порталах были утыканы железными шипами. Левая створка со скрипом отворилась. В проёме стояли табориты, снаряжённые как разбойники: кольчуги-хауберки, абордажные мечи-дюзаки, круглые прусские щиты без гербов и короткие копья без флажков-фаньонов. Среди таборитов Длугош сразу узнал капитана Ульриха Червонку. Предводитель наёмников был рыжим, кудлатым и бородатым. Он улыбнулся канонику:

— Ну что, привёл ватиканского евнуха? А то мы скучаем по бабам.

— Ты на службе, еретик, — напомнил табориту Длугош. — Этого человека нужно пропустить в Высокий замок. Выполняй приказ магистра.

Сигельд принял смиренный вид и сложил перед грудью ладони. Сунув меч в ножны, Червонка подошёл к Сигельду, ловко хлопнул его по бокам, проверяя, нет ли ножа, и подтолкнул к воротам, к своим людям.

— Дойдёт целенький, — пообещал он. — Выйдет ли таким же — не знаю.

Длугош вернулся в лодку. Гребец оттолкнулся веслом от берега.

Когда лодка вынырнула из прохладной тени замка, Каетан будто очнулся.

— Пан Длугош, — негромко заговорил он. — Скажите мне, какие у нас в Польше есть священные мечи? Про Щербец и меч святого Петра я знаю.

Меч святого Петра хранился в соборе Познани. Этим мечом апостол Пётр в Гефсиманском саду отсек ухо рабу Малху. Папа Римский Иоанн XIII вручил древнее оружие апостола первому познанскому епископу Иордану. А меч, который потом получил

имя Щербец, ангел дал князю Болеславу Храброму. Болеслав оставил на клинке зазубрину, щербину, когда ударил по Золотым воротам Киева. Славный Щербец стал коронационным клейнодом польских королей и хранился в сокровищнице Вавельского замка в Кракове.

Длугош внимательно посмотрел на Каетана. Лодка неслась к левому берегу, и замок тевтонцев быстро удалялся.

— Хочешь убить Сигельда? — прямо спросил Длугош.

Может, этот несчастный юноша наслушался рыцарских историй и счёл, что ему поможет какой-нибудь полусказочный Эскалибур или Дюрандаль? Впрочем, почему бы и нет? По преданию, в Грюнвальдской битве магистра фон Юнгингена неведомый воин убил копьем святого Лонгина.

Каетан ответил канонику тоскующим взглядом:

— Сигельда не убить. Он и так уже мёртвый.

Даже на солнце Длугоша пробрал холодный озноб.

— Вера наше оружие, — только и сумел сказать он.

Он подумал, что сегодня же днём попросит короля Казимира отпустить его — и сразу уедет в Краков. Конечно, Тевтонский орден должно сокрушить. И его, несомненно, сокрушат. Падение Мальборка станет громовой победой Польши. Но Мальборк падёт без него, без каноника Длугоша. Он ничего не хочет знать о зловещем витальере Сигельде. Ничего не хочет знать о Каетане Клиховском, на котором лежит мрак проклятия. Божьим попусшением он, Длугош, соприкоснулся здесь с какой-то страшной и неумолимой силой. И он в смятении. Если он останется под Мальборком, страшная сила подчинит его себе. А спасение души важнее победы над врагом. Вот поэтому он уедет.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Эрих Кох, гауляйтер Восточной Пруссии, отчаянно скучал. Ему нечего было делать. Он уже вдоль и поперёк прочитал оставленные в бункере номера «Берлинской иллюстрированной газеты» и офицерского журнала «Сигнал» и разложил все известные ему пасьянсы. Тусклая лампочка, работающая от аккумуляторов, иногда мигала. С большого плаката на бетонной стене, открыв рот, беззвучно кричал фюрер. Хорошо, что он, Эрих Кох, в своё время оставил во многих своих бункерах запасы коньяка. «Курвуазье» и спасал от безделья.

Золотой швейцарский «Лонжин» — особая серия для руководства рейха — показывал три часа ночи. Скоро вернётся фон Дитц. От его вылазки зависела вся жизнь гауляйтера. Чёрт возьми, как так получилось, что судьба сделала гигантский круг и вернула его туда, откуда всё началось?

Кох был уверен, что в гибели рейха виноват Гитлер, бездарный параноик. Гитлеру следовало слушать Гудериана, тот хоть по утрам соображал. Впрочем, Кох ещё осенью учуял, что дело партии протухло. Он тайком купил виллу в Ла-Плате и начал потихоньку переводить капиталы на счета «Ак-

ционерного банка Буэнос-Айреса». Когда русские вошли в Пруссию, Кох уже был готов к эвакуации. Клара, верная супруга, благоразумно перебралась в Любек.

Генерал фон Ляш, старый осёл, узурпировал власть, и потому гауляйтеру больше не было смысла торчать в Кёнигсберге: всё равно большевики набьют генералу морду. По радио в городе крутили грампластинки с патриотическими речами гауляйтера, а сам Кох сидел за проливом на вилле «Золотой фазан» в Нойтифе, и в гавани Пиллау его ожидал снаряжённый для бегства ледокол.

Кох был уверен, что проявил незаурядное мужество — дотерпел на вилле до 23 апреля. Красная армия вгрызлась в окраины Пиллау, русские снаряды перепахали Нойтиф, «Золотой фазан» запылал, и только тогда Кох поднялся на борт «Восточной Пруссии» и приказал отчаливать. Прощай, старая жизнь.

А потом всемогущий гауляйтер почувствовал себя паршивым псом. Порт Хела был переполнен беженцами из Данцига, русские самолёты бомбили суда. Кох отказался взять пассажиров, и беженцы едва не растерзали его прямо на пирсе. Комендант порта, подонок, не дал гауляйтеру эсминец для охраны.

Ледокол ушёл к острову Рюген. В тёмных водах Балтики скользили тени советских подлодок. По радио сообщили, что фюрер мёртв и командовать последним огрызком рейха назначен адмирал Дёниц. Ледокол взял курс на городишко Фленсбург, где заседало правительство Дёница. Но адмирал, этот предатель, больше не желал сражаться: он хотел вывести мирное население в англо-американскую

зону оккупации и после этого сдать вермахт союзникам.

Отношения с адмиралом у Коха всегда были плохие, но Кох надеялся на помощь, ведь оба они — любимцы Гитлера. Ледокол вошёл во Фленсбургский фьорд. Жалкий сброд Дёница гнезился в военно-морском училище. Адмирал встретил гауляйтера надменно, даже фюрер вёл себя более уважительно. Кох потребовал подводную лодку, которая доставила бы его в Аргентину. Дёниц предложил билеты второго класса на пароход «Тённер», который через два дня уходил из Копенгагена в Касабланку. И Кох принял эту подачку!.. Уходя, он оглянулся на здание училища, построенное в подражание Мариенбургскому замку. Издёвка судьбы! Он, гауляйтер, столько денег вколотил в реставрацию той тевтонской громадины, а здесь, в её тени, подвергся такому унижению!

В Копенгаген он опоздал. Когда «Восточная Пруссия» получила место у пирса, «Тённер» уже исчез в туманах пролива Эресунн. Команда ледокола объявила, что сходит на берег и бросает судно. Кох извлёк из тайника в чемодане документы на имя майора Рольфа Бергера, собираясь раствориться в толпе, но в этот момент к нему в каюту постучал Гуго фон Дитц, адъютант.

— У меня есть хорошие друзья в Копенгагене, — сказал он, — и я узнал, что двадцать первого мая из Стокгольма выйдет рудовоз «Сведенборг». Пункт назначения — Монтевидео. Капитан «Сведенборга» предан нашим идеалам. Он согласен предоставить каюту и вам, и мне.

— Это прекрасно! — оживился Кох.

— Но есть сложности. «Сведенборг» не остановится ни в Копенгагене, ни в Мальмё. Мы должны подняться на борт в Стокгольме.

— Значит, отправляемся в Стокгольм! У нас в запасе целых две недели!

— Увы, господин гауляйтер! «Восточная Пруссия» оставлена экипажем. В порту Копенгагена вас тотчас арестуют оккупационные власти. Скорее всего, вас арестуют и в Швеции тоже, а затем интернируют.

— Вы можете что-то предложить, Гуго? — разозлился Кох.

— Разумеется, — со снисходительным спокойствием ответил фон Дитц. — У нас есть гидроплан. Мы перелетим в какое-нибудь укрытие и там дождёмся выхода «Сведенборга» в рейс. Затем устроим рандеву прямо в море.

— Вы гений, Дитц. Я всегда это подозревал.

Фон Дитц увлекался современной техникой и умел управлять почти всем, что ездит, летает или плавает. Он один сработал за авиационного техника, стропальщика и крановщика, заправив самолёт горючим и спустив его на воду, а потом сел за штурвал. Кох натянул кожаный шлем с очками и шлемофонами и надел плотную куртку. Рядом с фон Дитцем он чувствовал себя всемогущим, как и прежде. Гидроплан пробежался по акватории порта и взмыл в небо.

На побережье острова Рюген среди лесов и дюн рассыпались пансионаты общества «Сила через радость»: мелкие оказались заброшенными, а в крупных поселились беженцы. В заливе Ясмунд фон Дитц и Кох отыскивали подходящий удалённый домик с лодочным ангаром, в котором можно было спрятать гидроплан. Тихий залив служил отличной взлётно-посадочной полосой.

Однако на Рюгене они прожили только неделю. Воды Ясмунда вспенил британский патрульный катер. Следовало поменять убежище, лучше всего — найти неприметную деревеньку уже в Швеции, в окрестностях Стокгольма. Ночью гидроплан снова поднялся в воздух и взял курс на Стокгольм. Фон Дитц хотел обогнуть с юга остров Борнхольм с его зенитками и проскочить между островами Эланд и Готланд. Гидроплан летел невысоко. Из открытой кабины Кох видел внизу отражение луны в блестящей чёрной плоскости моря.

Когда на траверзе оказался Готтенхафен, всё вокруг внезапно вспыхнуло — беззвучно и ослепительно; как потолок, осветилось широкое верхнее крыло. Это самолёт попал прямо в луч корабельного прожектора: русский сторожевик обшаривал небо. Кох инстинктивно сжался, будто мог спрятаться. От корабля к самолёту устремились нити трассирующих огней. По фюзеляжу, обтянутому перкалем, пробарабанило.

В шлемофонах раздался голос фон Дитца:

— Нас подбили, господин гауляйтер. Теряем топливо. Попробую куда-нибудь приводниться. Если вы живы, то не беспокойтесь.

По интонации Кох догадался, что фон Дитц улыбается: он в своей стихии.

Подавляя ужас, Кох ухватился за раму кабины. Холодный злой ветер бил в лицо. Во тьме Кох видел только нижнее крыло биплана, теперь освещённое луной, и кожаный затылок фон Дитца. Самолёт то трясся, то замирал, будто в неподвижности, то страшно кренился. Кох не понимал, что происходит.

Наконец внизу чёрно-бело засверкали волны. Гидроплан с тугим толчком встал на поплавки и заскользил по воде. Сзади послышался плеск.

Держа хвост на весу, гидроплан покачивался вблизи невысокого берега. Фон Дитц, стаскивая шлем, обернулся к гауляйтеру:

— Вот мы и снова дома. Это Пиллау. Прямо перед нами — Лохштедт.

— Пиллау?! — Кох едва не взорвался от гнева. В голове мелькнула мысль: уж не изменник ли фон Дитц?! Не задумал ли он выдать хозяина врагам?

— Неделю мы сможем просидеть в катакомбах, — пояснил фон Дитц.

— А потом? Как без самолёта мы доберёмся до шведского корабля?

Фон Дитц поднялся с места и оперся о край крыла над головой.

— А на этот случай у вас на привязи в Пиллау есть «морская собака»

За пять лет войны в недрах Пиллау успели соорудить два обширных комплекса. «ZIF» располагался в центральной части города и включал в себя Шведскую цитадель, форт «Восточный», прибрежные батареи и минный завод в форте Штиле «HAST» находился под горой Швальбенберг; он объединял секретные объекты Военной гавани, судоверфи концерна «Шихау» и батарею «Камстигаль». Комплексы были связаны через станцию подземной железной дороги. Дорога от станции уходила к порту Фишхаузена; завершить её не успели, но всё же подключили к системе коммуникаций бункер в Лохштедте и две батареи — «Нойхойзер» и «Крест святого Адальберта». Впрочем, в этих хитростях Кох не разбирался. Жизнеобеспечение гауляйтера — компетенция адъютанта. Фон Дитц отыскал дизель-генератор и зарядил батареи, чтобы Кох не сидел

в темноте. Если фон Дитц не вернётся, гауляйтер будет вынужден выйти из катакомб и сдаться русским. Или сдохнуть в подземельях, как крыса.

Фон Дитц вернулся. Кох услышал, как в тамбуре проворачиваются петли массивной стальной двери. Следом за фон Дитцем в бункер, пригнувшись, вошёл лоцман Грегор Людерс. Кох успел убрать со стола пасьянс и бутылку.

— Рад видеть вас, Людерс, — по-деловому сказал гауляйтер.

Людерс ответил партийным приветствием. С прошлого года оно было введено и в армии. Похоже, старик-фольксштурмовец считал себя солдатом.

Он был сущим болваном, этот Людерс. Таким же сумасшедшим, как его патрон — доктор Хаберлянд, который обустроил в Шведской цитадели музей и назойливо упрашивал гауляйтера эвакуировать его экспонаты в Германию. Кох ценил антиквариат и потому осмотрел собрание доктора. Патриотический хлам. Кох приказал упаковать это барахло в ящики и выписал Хаберлянду с Людерсом разрешение на эвакуацию. Доктор, он был поумнее старика, уехал, а Людерс пожелал остаться и сражаться с русскими, записался в фольксштурм. Кох поручил ему перевезти музейные ящики в Лохштедт. Старый дурень едва не отдал концы от счастья и в благодарность приволок гауляйтеру тот ржавый меч из музейного мусора... Да, было время, когда он, Эрих Кох, забавлялся подобной тевтонской ерундой, соперничая с рейхсминистром Розенбергом и Альбертом Форстером, гауляйтером Данцига... Чтобы отделаться от Людерса, Кох назначил его командовать местной ячейкой «Вервольфа» и отправил в гинденбургские казармы Кёнигсберга — в ди-

версионную школу. И вот сейчас старик пригодился. Хорошо, что Гуго обладает прекрасной памятью на людей.

— Вы член партии? — требовательно спросил Кох.

— Да, — кивнул Людерс, полез в карман и достал круглый красно-белый значок с чёрной свастикой; такие значки насмешливо называли «бычий глаз».

Свой золотой значок «старого бойца» за номером девяносто Кох выбросил в море с борта ледокола «Восточная Пруссия».

— Враги думают, что мы сломлены, однако наша партия сейчас сильна, как никогда! — заговорил Кох. Он вылез из-за стола и прошёлся по бункеру, изображая раздумье. — Наша партия бессмертна, потому что идея, которую она воплотила, и есть гордый тевтонский дух Германии! Наша борьба только начинается! Поражение в войне было необходимо, чтобы сплотить нас!

Людерс внимательно слушал гауляйтера.

Кох легко использовал пропагандистские лозунги Геббельса, хотя считал того горлопаном и обезьяной-ревуном. Однако вопли рейхсминистра годились для любой ситуации, а особенно для катастрофической.

За долгую карьеру Кох наловчился настраиваться на политическую волну. Семнадцать лет назад он приехал в Кёнигсберг с горстью пфеннигов в кармане, а потом создал концерн «Эрих Кох штаф-тунг» и стал богаче Альфрида Круппа. Гиммлер ненавидел гауляйтера Восточной Пруссии, но по приказу фюрера заткнул свою вонючую пасть. Геринг, тупой боров, завёл уголовное дело против Коха, намереваясь завершить всё расстрелом, однако получил от фюрера пинок под жирный зад и тотчас

превратился в лучшего друга. Во владениях гауляйтера, в заповедной Роминтенской пуще, у Геринга образовалось дивное поместье; даже за две недели до прихода русских он ещё стрелял там оленей, пил коньяк и давил брюхом штатных партийных шлюх.

Настроение в рейхе изменилось летом сорок четвёртого. Американцы высадились в Нормандии, а через полтора месяца полковник Штауффенберг едва не взорвал фюрера к чертям собачьим вместе с его верой в победу. С этого времени требовалось демонстрировать уже не напыщенное самодовольство, а истеричную жертвенность. Кох и демонстрировал. Он запретил даже думать про эвакуацию населения, а паникёров приказал вешать. Хорошим тоном было пренебрегать вермахтом, и гауляйтер охрип, убеждая, что вместе с партией он возглавит фольксштурм и без всякой армии сокрушит русских одной лишь силой духа. Последней судорогой этой истерики стало создание «Вервольфа»

— Мы возродим нашу партию в подполье! — Кох всё прохаживался перед Людерсом, неосознанно подражая Гитлеру. — Мы начнём тайную войну в наших городах и в наших лесах! Немцы никогда не смирятся с монгольским игом! Земля будет гореть у врага под ногами! Национал-социализм воскреснет во всей своей силе и славе, и основой его будет бесстрашный «Вервольф»!

Эту боевую организацию пару месяцев назад создал обергруппенфюрер СС Ганс Прютцман. Он планировал охватить всю Германию партизанским движением. Под нужды «Вервольфа» спешно перестраивались диверсионные школы Гросс-Мишена и Гроссраума; в Егер-программу наравне с тайни-

ками для культурных ценностей включили бункеры для будущих подпольщиков.

Кох знал Прютцмана. Гиммлеровский кретин. До войны с большевиками Прютцман возглавлял СС Восточной Пруссии, и через него Кох выколачивал деньги на реставрацию замка в Мариенбурге. А к «Вервольфу» Кох относился с полным презрением. Война закончилась, какое ещё сопротивление?

Слушая гауляйтера, Людерс стоял навтыяжку. Кох и вправду напоминал Гитлера — тоже невысокий, с такой же щёткой усов. Но, в отличие от фюрера, коренастый Кох неудержимо полнел. Бывший телеграфист с железной дороги, он и выглядел всегда простолюдином — с крепким, как картофелялина, лицом.

— Садитесь, Людерс! — спохватился Кох.

Он поймал ироничный прищур фон Дитца Гуго, знал все геббельсовские уловки и, видимо, считал, что хозяина занесло. Но Коха не занесло.

— Людерс, ваша ячейка сохранила боеспособность?

— Нет, господин гауляйтер. Кто не погиб, тот эвакуировался. Я один. Но мне кажется, что в катакомбах действует какая-то самостоятельная воинская группа. Возможно, защитники Пиллау, которые не сложили оружия.

— Что ж, хоть что-то — Кох озабоченно потёр руки. — Я инспектирую подразделения «Вервольфа» в своём гау. Мой самолёт подбили. Я намерен продолжить миссию на «морской собаке». Вы сумеете управлять ею?

«Морскими собаками» назывались сверхмалые субмарины. Их строили на заводе «Шихау» в Кёнигсберге, по секциям перевозили на верфи Эльбинга, Данцига и Киля, а там уже собирали окончательно.

Для тотальной войны — вроде той, что вели «волчьи стаи» адмирала Дёница, — «морские собаки» не годились, но для диверсий или бегства были в самый раз. Фон Дитц вспомнил, что одна из таких субмарин осталась в подземном доке объекта «НАСТ». На ней и можно совершить бросок до рудовоза «Сведенборг». Увы, фон Дитц не имел дела с подлодками, но вспомнил о старом лоцмане из «Вервольфа».

— В Первую мировую я был рулевым на крейсере, — сказал Людерс. — На курсах в гинденбургских казармах нас, старых моряков, обучали управлению диверсионными субмаринами. Я справлюсь, господин гауляйтер.

— Тогда вы мобилизованы, — сурово сообщил Людерсу Эрих Кох.

— Я ещё вернусь домой?

— Уже нет, — мягко, но предостерегающе улыбнулся фон Дитц.

— Я предоставлю вам убежище в другой стране, — легко пообещал Кох, чтобы расположить и успокоить старика. Пусть доведёт «морскую собаку» до «Сведенборга», а потом фон Дитц устранил все затруднения.

Людерс глубоко задумался.

— Господин гауляйтер, — с усилием произнёс он. — У меня на попечении моя воспитанница... Совсем юная девушка. Я не хочу бросать её с русскими.

— Я её видел, — подтвердил фон Дитц.

— Мы возьмём её с собой, — великодушно разрешил Кох.

— Я схожу за ней! — ободрился Людерс.

— Вам не стоит покидать гауляйтера, — возразил фон Дитц. — Вы слишком ценный специалист. Ночью я сам схожу за фройляйн Хельгой.

Женя словно лучилась здоровой силой и затаённым удовольствием. Туго затянутая в военную форму, она цокала по брусчатке подковками щегольских сапожек. Володя искоса поглядывал на неё и вспоминал прошедшую ночь. Сколько в Жене было бесстыдной требовательности к жизни! И рядом с ней почему-то казалось, что она права. А Женя поняла взгляды Володи по-своему.

— Не всё сразу, сержант. — Она лукаво прищурилась. — Дотерпи до отбоя.

Свежесть Балтики смягчала яркий утренний свет. Уцелевшие деревья тихо зеленели, закрывая выщербленные стены. В кучах битого кирпича остро блестели осколки стекла. От вокзала доносились свистки паровоза и стук буферов. В тесном проулке урчал огромный «студебеккер», оттаскивающий на тресе какую-то глыбу; водитель, высунувшись из кабины, смотрел назад и командовал. Встречные немцы с носилками вежливо здоровались с Женей:

— Гутен морген, фрау офицер... Гутен морген, фрау офицер...

В комендатуре Володя ждал возле окна в конце коридора и смотрел, как по каналу проплывали суда — тральщики и бронекатера. Из кабинета в кабинет ходили штабисты и девушки-секретари. То и дело кто-нибудь подруливал к Володе и просил огонька. Разгорячённая Женя появилась только через час.

— Война закончилась, началась бюрократия, — раздосадованно сказала она. — Короче, Нечаев, так. Я дозвонилась в госпиталь, ты выписан, зайдешь туда за документами. Вот тебе ордер на койку в общежитии и талоны в столовку. Ты официально

прикомандирован к моей группе. Командование оповещено.

У крыльца комендатуры их встретил Клиховский.

— Теперь за Людерсом, — распорядилась Женя.

Володя уже догадался, что у Жени с этим немцем существует какая-то секретная договорённость. Они пошагали впереди, Володя — за ними. Сейчас он ощущал себя дрессированной собакой при Жене, и это ему не нравилось.

Людерса опять не оказалось дома.

— Куда он ушёл? — сердито спросила Женя.

Светловолосый немецкий парнишка словно не замечал гостей.

— Я не знаю, — буркнул он по-немецки.

Возле подъезда Женя задержалась, размышляя, что делать.

— Отправляйтесь к себе, Клиховский, — наконец определилась она. — Если что-то наметится, пришлю за вами. А я попробую застать Людерса там, где он работает. — Женя кивнула в сторону Лоцманской башни. — Ты, Нечаев, можешь сходить на завтрак. Потом возвращайся сюда и карауль этого хрыча возле дверей. Увидишь его — скажи, пусть дома сидит.

В ресторане по утрам кормили как на полевых кухнях — простой пшённой кашей, которую бойцы называли «блондинкой». Наверное, офицерское меню действовало только по вечерам. Про официанток из этого ресторана бойцы в госпитале рассказывали всякие чудеса, но официанток утром тоже не было.

Володя думал о Жене. Женя — прекрасная любовница, но она решила, что Володя — человек ведомый, которым нужно руководить. Почему так? Потому что он не хам, как Перебатов? Потому что

посочувствовал немцам? Или потому что окопы не вытравили из него семейную интеллигентность?

К немцам у Володи был свой счёт. Зимой сорок второго его маму и сестру эвакуировали из Ленинграда. На Ладоге их машина провалилась в полынью от бомбы. Какой ужас испытали Светлана и мама, когда захлёбывались подо льдом в глубине озера? Иной раз это снилось Володе, и он кричал, просыпаясь будто от внезапного ожога. Он знал: ничто и никогда не избавит его от боли.

Его отец погиб в тридцать пятом в геологической экспедиции. Володе тогда было тринадцать. После школы он сумел поступить в Горный институт. Наверняка сыграла свою роль фамилия — в Горном хорошо помнили доктора наук Нечаева. На первую практику Володя поехал в Сибирь. Его отряд обследовал реку Таймура в Эвенкии — искал бокситы. Выбравшись к людям, геологи узнали, что уже два месяца идёт Великая Отечественная война.

Володю не отпустили домой, оставили при геологическом управлении в Енисейске. Такова была необходимость военного времени. Геологам давали бронь — освобождение от службы. С этой бронью студент Нечаев боролся три зимы. А три лета, три полевых сезона, он провёл в глухой тайге с поисковыми отрядами из инородцев, спецпереселенцев и заключённых. В сорок четвёртом году стало ясно, что бокситов на реке Таймуре нет. С Володи сняли бронь и наконец-то призвали в действующую армию. И он сразу угодил в кровавую баню Восточной Пруссии. Так что Женя напрасно считала его тюфяком.

Из ресторана Володя направился обратно на улицу Лоцманов. Он не думал, что парнишка-немец сидит дома: немцы расчищали улицы. Володе хотелось рассмотреть фотографию крейсера в квар-

тире Людерсов. Он пару раз постучал, подождал из вежливости, отодвинул дверь и шагнул за порог.

Парнишка был дома. У Володи мелькнуло в голове, что немчик спал — на шорох отодвинутой двери он вскинулся на койке, прикрываясь одеялом. И Володя вновь увидел те же огромные от страха глаза, что и тогда, в подвале. Взгляд парнишки на мгновение метнулся куда-то в сторону, и мгновения Володе было достаточно — у него сработал навык бойца из штурмовой группы, которая квартал за кварталом перетрясла Инстербург и Кёнигсберг. Володя гибко уклонился и оттолкнул того, кто набросился на него с тыла.

Нападавший пролетел мимо, ударился о гардероб и тотчас развернулся. Это был невысокий и крепкий парень в мешковатой одежде, явно с чужого плеча. Белёсая щетина. Отросшие волосы. Голубые, точно вываренные глаза. Похоже, парень был моряком: он сжимал несуразно длинный кортик. А Володя уже держал перед собой венский стул ножками вперёд. За спиной у Володи зиял открытый дверной проём — путь к отступлению.

Моряк отшвырнул кортик и вытащил из-под пиджака парабеллум. Ствол уставился на Володю. Моряк помедлил, тяжело дыша, и кивнул на дверь:

— Уходи!

Он говорил по-немецки, но всё было ясно. Убить русского без шума не получилось, а стрелять моряк не хотел: выстрел привлечёт внимание патрулей. Пускай русский убегает и поднимает тревогу — это займёт больше времени и даст моряку фору, чтобы выскочить из дома и затеряться в развалинах.

— Собирайся! — властно приказал моряк парнишке.

— Я не пойду с тобой! — с ненавистью ответил тот.

Моряк не знал, что делать, и боялся отвести глаза от Володи.

— Этот русский увидел здесь меня, — сдавленно сказал он, стараясь убедить парнишку. — Он поймёт, что я из «Вервольфа». Если ты останешься, тебя возьмёт их контрразведка! Тебя будут пытать и расстреляют!

Володя догадался: моряк хочет, чтобы немчик ушёл с ним, и страшает его русскими застенками за связь с «Вервольфом»... Значит, он, Володя, нужен моряку и может убраться отсюда живым! А немчик... Если немчик уйдёт с моряком, то погибнет, потому что рано или поздно весь «Вервольф» перебьют.

Володя кинулся на моряка, целясь поймать ножками стула в захват его руку с пистолетом. Моряк не ожидал атаки. Парабеллум со стуком отлетел в сторону. Володя и моряк с грохотом повалились на пол. Моряк был меньше ростом, увёртливее, да и стул мешал, поэтому Володя пропустил мощный удар в живот. Володя опрокинулся набок, а моряк дёрнулся к оружию.

Мальчишка стоял у окна в одной рубашке и с голыми коленками. Обеими руками он держал парабеллум, направленный «вервольфовцу» в лицо.

— Стреляй! — рявкнул Володя мальчишке.

В схватке не место колебаниям или жалости. Но немчик не выстрелил.

— Я с тобой не пойду! — со страстью повторил он «вервольфовцу».

И Володя вдруг понял, что никакой это не мальчишка. Это девушка.

«Вервольфовец» поднимался на ноги. Володя потянулся и цапнул кортик.

«Вервольфовец» затравленно поглядел на русского солдата с кортиком, на девушку с пистолетом и одним прыжком исчез из комнаты.

Девушка словно сломилась и беззвучно зарыдала. Володя встал, опираясь о кровать, стащил одеяло и укутал девушку, а потом мягко отобрал пистолет.

— Кто это бы-был? — спросил он.

— Мой жених... — прошептала девушка.

Они познакомились на рождественском балу в канун сорок пятого года. Фрау Зибель, штатмфюрер городской организации «Вера и красота», считала, что девушкам выпускных классов гимназии следует заводить знакомство с курсантами Школы подводного флота: это настраивает молодых людей на идею патриотического брака. После Рождества в Ютландском зале Школы партийное руководство проводило бал для гимназисток и курсантов.

Получилось незабываемо. Звучали вальсы, и оконные стёкла чуть звенели от лёгкой новогодней выюги. Все девушки были прекрасны, а все юноши — как морские боги. И глаза у Зигги Киперта оказались цветом подобны Атлантике.

В том январе они встречались на мосту Гинденбурга, на полпути между Школой подводников и улицей Лоцманов. В канале Грабен блестела чёрная вода, и над Пиллау сиял маяк. Ещё всё было хорошо: война остановилась на границе, и Зигги мечтал о рейдах к побережью Флориды или устью Ориноко. Они целовались под фонарём, как в песне «Лили Марлен»: «Под тем столбом фонарным шептал я о любви. / Сбегал я из казармы к тебе, моя Лили. / Ты только позови меня, моя Лили Марлен!..» А потом русские начали наступление, и всё стало очень плохо. Маяк погас. Занятия в гимназии прекратились, в здании расположился госпиталь, и Хельга теперь ухаживала за ранеными. На Пиллау обрушился по-

ток беженцев. Пал Инстербург. Взорвался форт Штилле. И славный Зигги Киперт тоже изменился. Он уже не тянул Хельгу в тень, где можно целоваться, не пытался обнять её. Он горел жадой сражений.

И всё же в самом конце января Зигги сделал предложение. Он встретил Хельгу возле гимназии, опустил в снег на одно колено и вложил Хельге в ладонь золотое кольцо. Хельга знала, что Зигги из бедной семьи. Откуда у него кольцо? И Зигги ничего не утаил. Ему не в чем было упрекнуть себя.

Сейчас, когда Пруссия сражалась, уже не было необходимости в таком количестве восточных рабочих, особенно еврейских женщин. Их требовалось ликвидировать. Колонны евреек со всего Замланда пригнали в Пальмникен — в небольшой городок на взморье. Здесь откос берега был изрыт штольнями, в которых добывали янтарь; они оказались очень удобными для последующего захоронения тел. В штольнях работали офицеры СС, а курсантов привезли охранять колонны. От мокрого ветра перчатки у Зигги прилипали к автомату. Балтика шумела, волны глухо били в глыбы рыхлого льда. Еврейки стояли молча, шеренгами в пять человек, по шагу медленно придвигаясь ко входам в штольни. На Зигги измученно смотрела черноволосая женщина лет сорока. Удивительно, какой красотой природа могла замаскировать вырождение.

— Что вам надо? — недовольно спросил у еврейки Зигги.

— В той шеренге моя дочь. — Женщина указала на девочку-подростка. — Господин солдат, разрешите мне поменяться местами с её соседкой. Девочке нужна моя поддержка. У меня есть чем заплатить вам.

Еврейка протянула кольцо. И Зигги перевёл еврейку, куда та захотела.

А вечером у крыльца гимназии он кричал Хельге:

— Это честный заработок! Я никого не ограбил, безмозглая дура!

Хельга убежала. Дома, рыдая, она мыла руки в тазу. Там, в штольнях, был ад: обречённые женщины взбирались на груды трупов — чтобы потом солдатам не надо было затаскивать туда их тела, поворачивались, и солдаты стреляли им в лицо. На упавших взбирались следующие в очереди. А Зигги Киперт у входа в штольню мёрз и с досадой поглядывал на часы: «Почему так долго возятся?» Хельгу потрясло даже не то, что у Зигги оказалось мёртвое сердце. Потрясло осознание возмездия, которое приближается к её стране и её народу.

В ночь, когда Хельга намывала руки, в море возле Готенхафена тонул «Вильгельм Густлоф» — роскошный десятипалубный гигант, лучший лайнер общества «Сила через радость». В войну его перекрасили из белого в серый цвет и превратили сначала в плавучий госпиталь, потом — в базу подводного флота. Капитан взял на судно восемь тысяч беженцев из Данцига и Пиллау. Три торпеды пробили огромные дыры в бортах. Люди барахтались в ледяных волнах Балтики — не моряки и не солдаты, сделавшие смерть частью своей жизни, а женщины в зимних жакетах и дети в пальтишках. Утром Пиллау узнал об этом из новостей английского радио. Фюрер промолчал. В гавань Пиллау вскоре вошли тральщики, на палубах которых лежали замороженные, как поленья, мертвецы, выловленные на месте гибели «Густлофа».

Зигги пытался снова увидеться с Хельгой, но та его избегала. А потом начались бомбёжки. А потом Школу подводников решено было перевести на запад, во Фленсбург. Курсантов погрузили на другое круизное судно общества «Сила через радость» — на лайнер «Штойбен». Хельга не пришла в гавань, чтобы попрощаться с Зигги. А Зигги стало не до неё.

Тревожило сравнение с «Густлофом». Курсанты успокаивали себя шутками, мол, снаряд не попадет второй раз в одну и ту же воронку. Транспорт снова взял беженцев.

За Готенхафеном две русские торпеды вылетели из темноты и вонзились в борт «Штойбена». Водяные горы взметнулись выше капитанского мостика. В трюме тремя взрывами сдетонировал боезапас. Судно вывернуло наизнанку. Зигги Киперту повезло: кубрик, где его разместили, оказался близко к трапу на верхнюю палубу. Зигги пробился сквозь обезумевшую толпу и выскочил на полубак. «Штойбен» горел, озаряя море вокруг себя, и быстро погружался кормой. Фок-мачта наклонялась, будто подрубленное дерево. Люди сыпались в воду, как мусор. И Зигги, сорвав спасательный круг, тоже прыгнул в море. Ему опять повезло — он не успел промёрзнуть насмерть. Его подцепили сетью со сторожевика сопровождения, что ринулся к погибающему гиганту.

Два месяца Зигги пролежал в данцигском госпитале с пневмонией. Вернуться на флот у него уже не было никакой возможности. Зигги поступил в диверсионную школу Иенкау. Русские тем временем добивали окружённый Кёнигсберг. Последним транспортом группу Зигги перебросили из Данцига в Пиллау. Город рушился, пылал и дымил, немногие жители укрывались в бомбоубежищах. Зигги не искал Хельгу Людерс, тогда было не до этого. Русские войска жгли и ломали рубежи немецкой обороны. Группа Зигги пробралась в катакомбы и затаилась. И наконец наверху воцарилась тишина.

...Хельга как-то призналась Зигги, что не уедет в эвакуацию. В Иенкау его научили работе в подполье. Он несколько раз выходил в город и выследил девушку, определил, где и как она живёт. Он явился утром, рассчитав, что Людерс в это время уйдёт в порт на свою новую службу. Хельга попятилась от

Зигги, словно встретила ожившего покойника. В общем, так оно и было.

Он стал другим, юный Зигги Киперт, и Хельга поняла это сразу. Он мог убить её, мог изнасиловать, уткнув ей в висок ствол пистолета.

— Всё погибло, Хели, рейх уничтожен! — жарко говорил Зигги, обнимая её и подтягивая к кровати. — Немцам осталось только одно — сражаться и умереть! И нам с тобой надо быть вместе, сколько у нас ещё получится!

— Ты можешь сдаться в плен!.. — пыталась образумить его Хельга. — Я дождусь тебя, Зигги!..

Она лгала — лишь бы вырваться.

— В госпитале я заразился туберкулёзом... Я не выживу в Сибири! Да и зачем, Хели? Я был в аду, и меня отпустили на время, чтобы я увидел тебя!

Янтарные штольни Пальмникена Зигги уже не помнил. Адом для него стал «Штойбен». Там в коридорах обезумевшие люди, пробиваясь к выходу, топтали друг друга, визжали брошенные в давке дети, стрелялись офицеры. Зигги думал, что увидел самое страшное и отныне должен мстить.

Он едва не оборвал пуговицы, стаскивая с Хельги комбинезон. А Хельга чувствовала, что не выдержит — закричит, заколотится под Зигги, и он просто задушит её, чтобы не прибежал патруль. В этот миг в дверь постучал Володя.

Он был ей никем, даже хуже — врагом, захватчиком. Но он столкнулся с Зигги, и теперь Хельге не имело смысла что-то скрывать от этого русского. Зигги разрешал ему уйти, но он бросился на пистолет, чтобы Зигги не увёл её за собой, — значит, в русском есть сочувствие, а ей очень нужно сочувствие. Пускай рейх погиб, а Германия разгромлена, она-то, Хельга, всё равно хочет жить. Но прошлое упрямо высовывает из подземелий свои чёрные щупальца:

они утащили дядю и уже тянутся к ней самой. И у кого ей просить помощи? Захлёбываясь своим горем, она плакала в руках у солдата вражеской армии.

— Зигги всё равно придёт за мной... — шептала она опухшими губами.

Гуго фон Дитц слушал Людерса с искренним интересом.

В 1907 году в состав Флота открытого моря вошёл новый бронепалубный крейсер «Кёнигсберг». Одним из рулевых на нём был матрос Грегор Людерс, которому тогда исполнилось 23 года. Корабль стал первой любовью матроса. Людерс никогда бы не признался, но обводы крейсера, башня надстройки, орудия, мачты и трубы казались ему прекраснее, чем женское тело.

Мировую войну «Кёнигсберг» встретил у берегов немецкой колонии в Африке. Фрегаттен-капитан Макс фон Лооф объявил свой корабль рейдером, и вскоре канониры «Кёнигсберга» пустили на дно английский крейсер. Ост-Индская станция британского флота была в бешенстве, она отправила против германского хищника-одиночки пять других крейсеров. Морские охотники выследили «Кёнигсберг» и загнали в дельту тропической реки Руфиджи.

Пройдёт много лет, и Людерс уже не сможет сказать, что же было там, на Руфиджи, — экваториальный ад или экваториальный рай. Липкий зной. Ртутно-голубое небо и солнце — пробоина в пекло. Раскалённые кубрики. Зловонные прибрежные болота, а над ними, как на ходулях, чёрно-зелёный мангровый лес. Москиты. Малярия. Муссоны, летящие с просторов Индийского океана. Зарывшись в джунгли до мостика, упрямый крейсер на полгода спрятался в дельте реки. По вантам прыгали мартышки. Броня тихо закипала ржавчиной.

Вражеские аэропланы всё же отыскивали «Кёнигсберг». В устье Руфиджи британцы вывели два монитора — две плавучие батареи. Мангры задрожали от канонады. Крейсер и мониторы долбили друг друга с расстояния пять миль. Стрекочущие самолётики корректировали огонь англичан. «Кёнигсберг» почти потопил один из мониторов, но меткий выстрел другой батареи взорвал артиллерийский погреб в корме крейсера. Обливаясь кровью, капитан Макс фон Лооф приказал переправить на берег орудия своего корабля и открыть кингстоны. Непобеждённый «Кёнигсберг» погрузился в тёплые, мутные воды Руфиджи. Так погибла первая любовь Грегора Людерса.

Людерс рассказывал об этом фон Дитцу и словно молодец. Простонародная, рыбацкая краснота его лица казалась тропическим загаром.

Моряки «Кёнигсберга» двинулись в Дар-эс-Салам, столицу колонии. По латеритовым тропам они тянули повозки с орудиями крейсера. И ещё долгих четыре года моряки вместе с войсками колонии дрались в африканском буше, обороняя городишки и железную дорогу от англичан и португальцев.

— Там, в дебрях Танзании, господин фон Дитц, я понял одну простую вещь, — признался Людерс. — Я понял, что тевтонский дух непобедим!

После войны бывший матрос обосновался в Пиллау. Он поступил на службу лоцманом: водил суда через пролив Зеетиф и дальше по Морскому каналу в Кёнигсберг. Так он вернулся хотя бы к имени своей первой любви.

Фон Дитц восхищался романтиками вроде Людерса.

— Полагаю, вы как фронтовик вступили в общество «Стальной шлем»?

— И в «Чёрный рейхсвер», нашу тайную армию, тоже. Но ждать пришлось слишком долго. Когда фюрер возглавил Германию, я был уже стар для флота.

Фон Дитц с сожалением покачал головой. Очень жаль будет стрелять в этого старика, если капитан сухогруза «Сведенборг» не возьмёт его на борт. Однако оставлять такого свидетеля нельзя. Или вместе, или в море. Фон Дитц решил: если придётся убивать Людерса, он убьёт его пулей в затылок. Пусть старый лоцман ничего не заподозрит и умрёт со своей наивной верой.

Они сидели в подземном доке на бетонном пирсе и обедали: ветчина из банки, консервированный хлеб, баден-баденская минеральная вода. Большой и низкий зал вполнакала освещали плафоны в сетчатых намордниках. На пирс выходили открытые порталы технических помещений комплекса — отсеков с дизель-генераторами, электромоторами, компрессорами и аккумуляторами. На пульте диспетчерского поста горели огни. Поперёк потолка вытянулась ферма мостового крана. К дальней стене крепились две тяговые лебёдки. В бетон пирса были вмурованы рельсы узкоколейки, уходящей в тёмную потерну. Постукивал дизель, шумели вентиляторы, пахло соляной кислотой. У пирса застыла субмарина с заострённым носом и характерным козырьком на рубке — «морская собака». На неё были заведены кабели и шланги, поднятая крышка люка с плексигласовым колпаком торчала на ребре. Считалось, что «морская собака» — сверхмалая подводная лодка, хотя по размерам она почти не уступала кашалоту или горбатому киту.

Док и многие другие сооружения объекта «HAST» укрывались в недрах горы Швальбенберг. С Морской гаванью Пиллау док соединялся длинным тоннелем, проложенным ниже уровня моря и всегда заполненным водой. Вход в тоннель могли обнаружить только водолазы, а лодки проходили в док из гавани

в погружённом состоянии — на перископной глубине. Этот сложный инженерный комплекс был возведён перед войной с Россией. На болотистом пустыре возле горы Швальбенберг планировали построить аэродром, однако дренаж оказался слишком затратным. Аэродром перенесли к посёлку Нойтиф на косу Фрише Нерунг, а котлованы и огромные каналы у Швальбенберга переоборудовали под новую задачу — для секретной стоянки малых субмарин.

Бетонные стены потерны осветились, и вскоре на пирс вышел Эрих Кох с ручным фонариком. Фон Дитц усмехнулся про себя: хозяин явно выпался и сейчас уже не так похож на фюрера, как утром — после ночи с коньяком.

— Не вставайте, господа, — разрешил Кох. — Что скажете, Людерс?

Людерс всё равно встал.

— Я осмотрел вашу лодку, господин гауляйтер, — сказал он. — Она в полном порядке. Мне всё понятно с ней, но я буду не лучшим водителем...

— Почему? — нахмурился Кох.

— В диверсионной школе ходовые испытания мы сдавали на двухместных субмаринах. А у вас шестиместная.

— Да, это спецпроект, — с достоинством согласился Кох.

— Суда малого водоизмещения всегда чутки к положению по миделю и к работе рулей глубины. Дифферент изменяется даже от наклона тел экипажа. Я не имею навыков тонкого управления, поэтому буду вести судно грубо... В общем, наверняка начну бить лодку о дно или сталкиваться с препятствиями.

— Но ведь мы не развалимся на куски?

— Всё зависит от силы удара, а сила зависит от скорости.

— Мы не станем набирать в гавани все шесть узлов, — успокоил фон Дитц.

Людерс внимательно смотрел на Коха и видел, что тот обеспокоен.

— Господин гауляйтер, я могу охарактеризовать наш маршрут как лоцман. Самый опасный отрезок пути — по гавани. Я знаю фарватер, но мы можем въехать в какое-нибудь затонувшее судно. Второй отрезок — пролив. Здесь нас могут засечь, потому что русские, как я думаю, в проливе ещё не выключают сонары. Третий отрезок, самый длинный, — путь по морю до точки рандеву со шведским судном. На этом отрезке мы в относительной безопасности.

— Что ж, я надеюсь на вас, Людерс, — недовольно ответил Кох.

Людерс смущённо замялся:

— Могу я обратиться к вам с просьбой, господин гауляйтер?

— О чём? — сразу спросил фон Дитц. Он всегда был начеку.

— Я знаю, что мы не вернёмся в Пиллау или в Кёнигсберг... Но Пруссия всегда останется в наших сердцах... Прошу вас, господин гауляйтер, возьмите с собой тот старинный меч — святыню Тевтонского ордена.

Кох глянул на фон Дитца. Тот едва заметно улыбнулся, точно извинялся за старика: бывают люди, которые до старости — дети. Верят в рок, в древние заветы, в заколдованные короны и рыцарские мечи... В тысячелетний рейх.

— Хорошо, я возьму его, — сердито пообещал Кох. — Где он?

— В складских отсеках за кантиной, — сразу сказал Людерс. — Я принесу вам его. Этот меч обязательно должен быть именно у вас, господин гауляйтер!

— Почему? — удивился Кох.

— Потому что вы — магистр!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Лапчатый крест на гербе Ордена означал трубы Иисуса Навина, от рёва которых рухнули стены Иерихона. Герб тевтонцев хранил память о великих победах в Святой Земле, о королях и рыцарях Палестины. Так неужели слава крестоносцев окажется низвергнута жалкими торгашами из Данцига?!

Людвиг фон Эрлихсхаузен, тридцать первый магистр Немецкого ордена Девы Марии, после мессы шагал по мосту в Средний замок и размышлял о судьбах своего братства. Магистр держался прямо и выглядел надменно, но братья чувствовали его безмолвное ожесточение и уступали ему дорогу.

Данциг был причиной расцвета Мариенбурга и может стать причиной его краха. Лежащий в устье Вислы, для Польши Данциг был выходом в Балтику. Маркграфы Бранденбурга отобрали его у Польши, а Орден, угрожая войной, купил его у маркграфов. Магистр Зигфрид фон Фейхтванген счёл, что Данциг достался Ордену и по праву меча, и по праву золота. А Польша расценила это как предательство былой дружбы, и епископ Гнезно отлучил Орден от Церкви.

В то время инквизиция истребляла тамплиеров. Дабы не повторить их судьбу, тевтонцам следовало

уйти подальше. Лучшим местом для столицы оказался Мариенбург: речные пути по Висле и Ногату вели отсюда в Польшу, в Пруссию и на Балтику — в Данциг. 13 сентября лета 1309 года магистр Зигфрид подписал с маркграфами договор о Данциге и на следующий день во главе Генерального капитула под всеми знамёнами въехал в Мариенбург.

Полтора столетия Орден по-отечески заботливо оберегал и взращивал в Пруссии мирные торговые города, а теперь вероломный Данциг подбил их на мятеж против благодетеля и обратился за помощью к злопамятной Польше. Верховный магистр попал в осаду и лишился советчиков: маршал Ордена находился в Кёнигсберге, трапьер — в Христбурге, шпиттлер — в Эльбинге. От капитула при магистре были только Великий комтур, который командовал Мариенбургом, и тресслер, казначей, но что он мог сделать, если казна пуста?

Фон Эрлихсхаузен шёл ко дворцу. За плечами магистра вздымалась глыба Высокого замка — невозможно огромная, будто из рыцарских легенд. Над собором Девы Марии вытянулась угловатая башня бургфрида. Замок дышал нечеловеческой силой древних тевтонов. Его грубые и тёмные очертания напоминали кирпичный оскал какого-то невидимого исполинского чудовища.

У входа во дворец к магистру подбежал Рето фон Тиендорф, молодой армариус Ордена, хранитель библиотеки и архива:

— Брат Людвиг, могу ли я дать гостю из Ватикана хронику отца Генриха?

Рето нравился магистру своей преданностью и возвышенным взглядом на вещи. Магистр доверял ему, потому что у Рето не было ничего, кроме Ордена. Спасая от чумы, родители отдали его тевтонцам

ещё в младенчестве. Старый армариус воспитал и обучил его. Тевтонцам всегда не хватало грамматиков; полвека назад Папа даровал Ордену привилегию на открытие университета в Кульме, но война оказалась важнее богословия и философии. Рето вырос, не зная девиц, его возлюбленной была святая Варвара: юноша переписал её житие для себя и украсил миниатюрами. И денег он тоже не знал — видел их только в руках у шпиттлера. После смерти наставника он сам стал армариусом.

Ватиканского гостя магистр сразу отправил к Рето. Книжечей поведаёт итальянцу то, что об Ордене должны знать потомки. Возможно, записи брата Сигельда станут последним свидетельством о тевтонцах: их Орден погибнет, как погибли королевства и сеньории крестоносцев в Святой Земле.

— Дай гостю всё, что сбережёт наше имя в веках, — сказал Рето магистр.

Дворцовые покои были выкрашены драгоценной зелёной краской: на сводах сплетались узоры из ветвей и листьев, а на стенах живописец изобразил драпировки. В кабинете, ожидая магистра, на скамьях сидели брат Хубберт — советник, бургомистр Мариенбурга и легист Лаврентиус Блюменау.

— Господин гохмейстер, бедствиям нет конца! — заговорил бургомистр. — Варвары грабят и убивают граждан, бесчестят их жён и невинных дочерей!

Свои замки и города Орден передал наёмникам в залог, но разнузданные табориты не видели разницы между залогом и военной добычей. В городах — и в Мариенбурге тоже — они творили что хотели. Их ротмистры не удерживали воинов от погромов: пусть горожане требуют от Ордена заплатить наёмникам поскорее и сполна. Капитан Червонка, мерзавец с большой дороги, объявил

Нижний замок своим и время от времени устраивал перед воротами Среднего замка показательные казни: вешал жителей Мариенбурга, которые осмелились сопротивляться насилию. Всё это было нестерпимо унизительно для Ордена.

— Чем мы сможем их усмирить? — спросил фон Эрлихсхаузен у Блюменау.

Легист славился непревзойдённой изворотливостью. Ордену он служил уже давно — за вознаграждение, конечно. Два года назад император взялся примирить Орден и Союз прусских городов; на суде Блюменау выступил так ловко, что император повелел распустить Союз. Города были взбешены. Ганс фон Байзен, предводитель мятежников, пообещал отрезать легисту змеиный язык, и теперь хитроумный Блюменау помогал Ордену бесплатно.

— Самый простой способ — убить капитана Червонку, — сказал он.

— До негодяя никому не добраться, — раздражённо возразил магистр.

— У вас есть Лигуэт. Найдётся и верный рыцарь. И вы получите убийцу.

Как эта чернильная крыса дерзнула помыслить о святине Ордена!..

— Я тоже могу отрезать тебе язык! — прорычал магистр.

— Я просто предположил!.. — испугался Блюменау. — Я прошу прощения!

— Убирайтесь оба! — в бессильном гневе фон Эрлихсхаузен схватил со стола подсвечник и со звоном швырнул под ноги Блюменау.

Бургомистр и легист вскочили и, кланяясь, попятились прочь из покоев. Фон Эрлихсхаузен остался наедине с рыцарем Хуббертом Роттенбахским.

Никто не знал, сколько Хубберту лет. Он был самым старым рыцарем Мариенбурга. Полвека назад

в битве при Танненберге он сражался рядом с магистром Ульрихом фон Юнгингеном и видел, как тот погиб. Говорили, что это зрелище свело Хубберта с ума. Поляки взяли его в плен, но потом король Ягайло позволил ему вернуться в замок с окровавленным телом магистра. И Хубберт защищал Мариенбург в ополчении комтура Генриха фон Плауэна.

За прошедшие годы он врос в камни Мариенбурга, как дерево. Он знал все тайны Ордена. Может, он и правда был безумен, но при пяти магистрах он служил хранителем подземного хода, который вёл за линию городских стен. Ход был известен всегда только двоим: магистру и Хубберту Роттенбахскому.

— Ты был у тайника? — спросил фон Эрлихсхаузен.

Тайник находился за городом. Магистр ждал известий от тех, кто ещё мог помочь: от замков Ордена в Ливонии или Германии. Или от жидов.

— Был, — буркнул Хубберт. — Там пусто.

В Германии — глупцы, не понимающие отчаянного положения Ордена. Ливонцы — предатели: они избрали собственного магистра. А ростовщики Праги не ссудят денег, потому что Орден изгонял евреев из своих владений.

— Мы обречены, брат, — зло сказал фон Эрлихсхаузен.

Правый глаз у Хубберта был с бельмом, а левый уставился на магистра.

— Ты сам впустил дьявола! — мстительно прокрипел Хубберт.

— Надеюсь, что в последнем сражении я пробьюсь к Червонке с мечом.

— Не он дьявол! — В руке у Хубберта был посох, и Хубберт в негодовании оттолкнул валявшийся на полу подсвечник. — Дьявол — писец из Ватикана!

Фон Эрлихсхаузен снисходительно усмехнулся. Хубберт ищет дьявола, ибо ему нужна причина всех бедствий, но рассудок его ослаб. Удивлял не выбор Хубберта, а то, что полузрячий старик вообще заметил новое лицо.

— Чем тебе грамматик не угодил?

— Я уже видел его! Это он убил Юнгингена под Танненбергом!

Магистр поморщился. В голове старого рыцаря всё перепуталось: две разных осады смешались в одну, и отгремевшая битва длится бесконечно.

— Ты ещё сразишься, мой друг, — сказал магистр, чтобы старик замолчал.

Во время трапезы все хранили молчание, как полагалось по Статутам, и звучал голос брата Дидерика, читающего балладу о доблестном Гюнтере фон Арнштайне, этом тевтонском Роланде, что сражался с язычниками-литвинами. Своды Большой трапезной держались на трёх тонких колоннах, расцветавших поверху веерами нервюр, и грозная латынь словно рушилась с неба. Стихи о герое сто лет назад сложил магистр Лютер Брауншвейгский. Юный армариус Рето поглядывал на другой конец длинного стола, где сидел брат Сигельд. Рето надеялся, что старая баллада растрогает Сигельда, как и его самого, до слёз горечи и гордости. Но сквозь окна, разбитые обстрелом, донёсся звон колокола, означающий конец прандиума — обеда братии.

Библиотекарь Ордена, Рето, подбирал Сигельду хроники, а тот записывал экстракты. Рето просил святую Варвару: пусть планида тевтонцев увлечёт итальянца и он полюбит Терру Мариану — землю Девы Марии. Красота этих лесов и протяжного взмо-

рья была упоённой и зыбкой, словно отражение в воде. А суровые орденсбурги словно скрепляли её своей укоренённостью.

— Рыцари расходились во все стороны от трапезной. Двор Среднего замка заливало полуденное солнце. Рето вертел головой, разыскивая Сигельда. У капеллы Святого Варфоломея комтур Корбин с мастерами закладывал ядра в лоток каменёташтейнбюкса. Престарелые братья из фирмария косили траву на лужайках между мощёных дорожек: порядок надо блюсти и при осаде. Травяные волны стелились под косами, но где-то всё равно трещали цикады.

Вчера Сигельд взял листы магистра фон Юнгингена, который незадолго до своей гибели в битве при Танненберге распорядился изложить историю орденского крестового похода на языческую Жмудь. Рето не терпелось узнать у Сигельда о его впечатлениях. Он нашёл гостя возле лаватория — уличного умывальника. Засучив рукава, итальянец над каменной лоханью смачивал водой свои длинные и мягкие волосы. Рето поневоле залюбовался им.

— Судьба вашего Ордена опалила моё сердце, — признался Сигельд.

— Спрашивай, мой брат! — воскликнул Рето в горячей отзывчивости.

— Как вы отстояли свой замок после поражения под Танненбергом?

От благодарности за вопрос глаза Рето увлажнились.

— Это прекрасная история! Пойдём, я покажу тебе то, что следует увидеть!

Он схватил Сигельда за рукав и потянул за собой. Застенчиво улыбаясь, итальянец подчинился. Рето устремился к воротной башне Среднего замка.

— После той битвы Мариенбург остался без защиты. Здесь не набралось бы и сотни воинов. Но замок спас благородный комтур Генрих фон Плауэн!

Рето рассказывал на ходу и словно бы сам наблюдал, как по опустевшему огромному замку мечутся брошенные слуги. В чудовищной битве погибли почти всё войско и весь Генеральный капитул во главе с магистром. На замок надвигалась орда поляков и литвинов. Горожане Мариенбурга бежали в леса. Однако фон Плауэн не сомневался, что возродит грозный Орден из пепла.

Никто не давал ему право командовать — он присвоил это право, будто поднял упавшее знамя. В Мариенбурге фон Плауэн принял тех, кто уцелел в побоище: измученных рыцарей с проломленными щитами, сариантов в мятых латах и кнехтов в рассечённых кольчугах. Фон Плауэн приказал сжечь город и насыпать новый вал между Мельничным ручьём и передовой стеной. Враги, идущие к Мариенбургу, издали увидели над лесами тёмный столб дыма...

Брат Йорген, чей отряд охранял ворота Среднего замка, пропустил Рето и Сигельда без вопросов. Грамматики прошли сквозь всю фортификацию ворот и очутились во дворе Нижнего замка. Здесь хозяйничали табориты: пили пиво у костров, упражнялись в бое на своих коротких мечах, ругались и хохотали.

Рето заметил, что Сигельду не по себе. Конечно, **тончённый ватиканский каллиграф** побаивается злых мужланов. Ему вообще страшно в осаждённой крепости, по которой палят из пушек. Поэтому он и выспрашивает о Генрихе фон Плауэне, пытаясь через прошлое понять, выстоит ли замок в будущем.

Резная и Войтовская башни смыкались плечом к плечу. Между ними втиснулись ворота, заложён-

ные огромными засовами. Дорога перед воротами уже заросла чертополохом, среди бревенчатых рогаток сидели табориты и от скуки играли в кости. По узким лестницам Рето и Сигельд поднялись наверх, на главный ярус, освещённый через бойницы солнцем. Здесь раскорячились два больших арбалета на станинах и дежурили подвыпившие стражники.

— Чего надо? — по-немецки спросил ротмистр. — Убирайтесь!

Великий магистр Винрих фон Книпроче столетие назад сказал великие слова: «Нечистая вера — не вера, нечистая кровь — не кровь». Магистр говорил о Крестовом походе на литвинов, которые выдавали себя за христиан и потому требовали от Папы запретить поход. А табориты были еретиками, вера их тоже была нечистой, как у литвинов, значит, и кровь не считалась людской. И эта воинская скотина должна была знать своё место.

— Ты здесь не хозяин, — осадил наёмника Рето.

Сверху открывался вид на укрепления перед замком — вал фон Плауэна, линии кирпичных стен с бастеями и глубокими рвами, барбакан с подъёмным мостом. За ручьём, что блестел на солнце, скупчились дома города.

С валом фон Плауэна было связано страшное предание о Конях Комтура. Будто бы фон Плауэн, спасая твердыню Ордена, воззвал к демонам, и с тех пор в ночь перед Рождеством в лунном свете можно увидеть, как из Скорлупной башни вылетают безглавые рыцарские кони, убитые под Танненбергом, беззвучно мчатся по дну рва и с разбега исчезают в Лихновской башне.

Рето подтолкнул оробевшего Сигельда к другой бойнице, боковой.

— За нас всегда силы Небесные, мой друг. В ту осаду поляки решили выстрелить из пушки по статуе Девы Марии на соборе. Сокрушится статуя — сокрушится и дух защитников замка. Но пушку разорвало, а пушкари ослепли.

Гигантская Дева с Младенцем, покрытая разноцветной флорентийской мозаикой, стояла в нише с внешней стороны пресвитерия. Грубо упрощённые черты этого могучего изваяния словно всплыли из праотеческой древности, когда в диких пущах легендарные тевтоны сражались с турами и драконами.

— Они и правда ни разу не стреляли по Деве, — подтвердил таборитский ротмистр. Он тоже слушал Рето. — Видно, с тех пор боятся, собаки.

— Было и другое, — продолжил Рето. — Король Ягайло узнал, что в полдень в Рефектории фон Плауэн собирает новый капитул. А своды там зиждутся на единственной колонне. Если сломать её, своды обвалятся и похоронят всех. У Ягайло была наша пушка «Бешеная Грета». Поляки нацелили её и в полдень пальнули. Но в небе пронёсся ангел и ударил крылом по летящему ядру: оно промахнулось мимо колонны и попало в стену. Потом я покажу тебе это ядро, мой друг. Его оставили в стене для напоминания о Божьем заступничестве.

Рето и сам разволновался от своего рассказа. Надо неустанно благодарить Господа, потому что в милости Своей Он ввёл его в братство избранных!

Ротмистр в простодушном изумлении покачал головой.

— А были настоящие большие штурмы? — осторожно спросил Сигельд.

Рето задумался, глядя Сигельду в глаза. Самый яростный штурм случился под конец осады. Поляки и литвины взломали все линии обороны, вышибли

ворота и захватили обе воротные башни — Резную и Войтовскую. Ещё немного, и они прорвались бы во двор Нижнего замка. А там — мастерские, в которых можно соорудить стенобитные орудия. И тогда фон Плауэн пустил в ход зачатое оружие Тевтонского ордена. Оно отбросило врагов. Мариенбург был спасён. Однако потом фон Плауэн жестоко заплатил за дерзкое самоуправство. Тайна Ордена должна оставаться тайной, как завещали старые маги-стры. И рыцари покарали фон Плауэна: остаток жизни он провёл в тюрьме и ссылке.

Но ватиканскому грамматiku знать об этом пока не следует.

— Да, штурм был, — сказал Рето. — Братья отразили его. И враги ушли.

У капитана Олдриха Червонки чужая смерть давно не вызывала интереса. Смертей он навидался досыта. Когда табориты вздёргивали кого-нибудь перед воротами Среднего замка, Червонка глядел в другую сторону — на укрепления тевтонцев. Наверняка мизгири смотрят на казнь из бойниц. Это хорошо. Пусть любят. Пусть опасаются наёмников и побыстрее исполняют обещанное.

Штепаньк, походный пешек, сообщил Червонке, что нынче вешают девку из города. Девка была служанкой; братья-табориты хотели побаловаться с ней в амбаре, но девка дралась, как волчица: Игнацу из Тахова свернула шею, а Томашу Хроме выцарапала левый глаз. Ротмистр приказал покарать ведьму.

В толпе вокруг виселицы слышались дикие вопли, ругательства и хохот — дружный и одобрительный. Похоже, девка по-прежнему сопротивлялась и не

лезла в петлю. Это явно нравилось зрителям, но казнь могла превратиться в посмешище. Расталкивая своих гогочущих вояк, раздосадованный Червонка двинулся к виселице. Спутанная борода его и рыжие кудри злобно клубились.

Беловолосая девка билась в руках стражников, лягалась и вырывалась. Чепец она потеряла, бедняцкое серое платье превратилось в драные лохмотья.

— Отпустите, псы!.. — бешено кричала она. — Будьте прокляты!.. Вчетвером хотели, да?! Поодиночке только на козу лезете!.. Горите в аду!

— Славно хлещет! — сказал кто-то Червонке.

— Хряки дрисливые!.. — Глаза у девки горели. — Проказа вам на рыло!

— Коломан, брось её! — распорядился Червонка.

Девка шлёпнулась в пыль. Она увидела грозного капитана таборитов, но не боялась уже никого. Из прорехи в её лифе дерзко торчала налитая грудь.

— Нет у тебя славного мечника, рыжий!.. — швырнула девка прямо в лицо Червонке. — Никто меня не взял! Ты мне денег должен!

— С чего это? — искренне удивился Червонка.

— Я твоего недоноска убила! За тебя войско почистила!..

Эта непокорная, растрёпанная, истерзанная холопка духом была сильна, точно зубр из литовской дикры. И Червонка понял, что девка ему нравится.

— Посадите её на цепь в Лихновскую башню, — распорядился он.

Казнь не удалась, да и плевать. Зато будет чем заняться вечером.

Лагерь таборитов расплзся по всему обширному двору Нижнего замка, палатки обоза выстроились вдоль стен на затоптанных огородах. В литейнях ды-

мили горны, звенели о наковальни кузнечные молоты, лошади вращали колёса, от которых ремни тянулись к мельнице, где обсекали каменные ядра. Бомбарды у кирхи Святого Лаврентия без спешки стреляли в небо. Изредка во двор падали ядра поляков и взметали тучи пыли. Черепичные крыши амбаров зияли чёрными пробоинами. Ежедневно кто-нибудь погибал, но таборитам это не мешало. Дровосеки пилили дрова, кашевары возились у огромных котлов, парни помоложе упражнялись в поединках тупыми дюзаками, на верёвках сушилось бельё, из ворот кирпичного Карвана — арсенала и каретного сарая — торчали дощатые рыла боевых возов, проехавших через пол-Европы.

На боевых возах прошла вся жизнь Рыжего Олдриха — Ульриха Червонки. Он был мальчишкой, когда Богемию вздыбили гуситские войны, и сейчас уже не помнил, за что сражались все эти чашники, блаженные адамиты, оребиты, называющие себя сиротами, безземельные земаны, неистовые пикарты, пфальцграфы, короли и сам Сигизмунд, император Священной Римской империи. Олдрих усвоил другое: ему нужны не паны и епископы, а шестопёр, чтобы пробивать латы, и багор, чтобы стаскивать рыцарей с лошадей.

С проповедью Яна Гуса и с барабаном, обтянутым кожей Яна Жижки, колёсный флот таборитов катался по Моравии, Силезии, Саксонии, Венгрии и Польше. Потом все вожди пали в боях, а уцелевшие табориты, отвыкшие от мирной жизни, поехали по миру искать себе воинской удачи. Им уже не было дела до избавления Чехии. Европа кипела усобицами, и табориты всегда имели работу. Они желали золота и платили за него кровью, в основном чужой, потому что Ян Жижка придумал непобеди-

мый способ сражения; боевые возы. Червонка возглавил собственный отряд. Говорили, что его головорезы страшнее янычар. Так оно и было. Враги не врали, а врагами были все.

Мысли о беловолосой девке целый день вертелись у Червонки в голове. Загрести бы девку под себя... Вечером Червонка явился к Лихновской башне, и брат Габа, стоявший на карауле, открыл низкую окованную дверь в подвал.

Девка сидела в заклёпанном железном ошейнике на длинной цепи.

— Как зовут? — Червонка стащил через голову кожаный короб доспеха.

— Сигельда. — Девка понимала, зачем пришёл капитан таборитов. — Я ждала тебя, рыжий. Хочу быть твоей пленницей. Не снимай меня с привязи.

— Я и не собирался, — хмыкнул Червонка.

И брат Габа у двери слушал яростный лязг железа, дикие, будто на пытке, женские вопли и утробное мужское рычание. Девка орала так долго, что Габа забеспокоился о командире. Когда всё утихло, он заглянул в подвал: жив ли Червонка? Мокрый и нагой, тот лежал на земляном полу, а девка пристроилась рядом, перебирая кольца его бороды. Габа осторожно закрыл дверь обратно.

— Возьми меня с собой в поход, великан, — тихо попросила Сигельда.

Своих наложниц Червонка обычно отдавал войску. Но с этой дьяволицей спешить не стоит. Червонка давно не ощущал себя таким молодым и сильным.

— Я ещё не уйду в поход, — лениво ответил таборит. — Платы не было.

— Тебе и не заплатят, рыжий. У мизгирей закончилось золото.

Червонка не заметил, что девка назвала немцев так, как он сам их называл.

— Откуда ты знаешь, помойная кошка?

— К дочке моего купца ходил человек из замка. Он говорил, что на твоём месте перебил бы мизгирей и продал замок польскому королю.

— Кто этот человек? — напрягся Червонка.

— Его зовут Блюменау.

Червонка вспомнил: тщедушный крысёныш, законник мизгирей. Это он составлял договор между капитаном таборитов и магистром. Он и правда по ночам бегал в город к своей потаскушке и платил караулу на мосту.

Червонка оттолкнул девку, сел и пошарил вокруг себя в поиске штанов.

— Приди ко мне завтра, — сказала девка. — Будет ещё лучше.

Но капитана Червонку сейчас слишком беспокоило золото Ордена.

Мостовой караул сцапал Блюменау на рассвете и приволок в Пивную башню. Легист перепугался так, что бить его не было нужды, но Червонка для верности всё равно расшиб умнику его учёную морду и пинками сломал пяток рёбер. Хрипя, Блюменау корчился под ногами капитана, весь в слезах, соплях и блевотине. Он подтвердил всё, о чём говорила пленная девка. Гордый и богатый Орден обнищал, как старая шлюха. Он уже не мог никого соблазнить.

Весь следующий день Червонка размышлял, что же ему предпринять. Самое лучшее — побыстрее сменить хозяина: потребовать деньги у поляков и затем отнять крепость у мизгирей. Превратиться из защитников Мариенбурга в захватчиков. Им, таборитам, не всё ли равно, кому служить? Надо сроч-

но отправить гонца на правый берег Ногата, где блистают польские хоругви.

Вместе с решением пришло и облегчение. Червонка плотно пообедал, отоспался в Карване под возом, а потом пошагал к Лихновской башне, готовый отодрать пленную девку так, чтобы чертям тошно стало. Брат Габа, сторож, понимающе ослабил-ся и вытянул из петель на двери тугой железный засов.

В тёмном подвале было пусто, будто в казне у тевтонцев. Девка исчезла. На земле валялся ржавый ошейник — заклёпанный и цепью прикреплённый к стенке. Он словно бы упал, когда пленница стала бестелесным ветром.

Слева тянулась невысокая оборонная стена с боевым ходом, а справа взлетала оплетённая жимолостью стена северного корпуса. Корпус вмещал зал капитула и собор Девы Марии. Рето вёл Сигельда в часовню Святой Анны, укрытую под пресвитерием собора. Над тенистой северной террасой в синем небе висела тяжёлая башня Клеша, и солнце било ей в кирпичный затылок.

— За часовней ухаживает брат Хубберт, — на ходу пояснял Рето. — Ты его не бойся. Рассудок у него уже непрочен, а нравом он гневлив и неприступен, ибо ему тяжко претерпевать свою немощь, но дух доблестный.

Сигельд вздохнул. Итальянцу было трудно среди суровых немцев.

Полутёмную часовню наискосок пронзали золотые и лазоревые световые полосы от витражей. Сквозь дальний приоткрытый вход была видна восточная терраса, там возле кустов самшита с ножни-

цами возился Хубберт. Верховных магистров хоронили в часовне уже больше столетия. Под белёсыми плитами покоились одиннадцать славных рыцарей. Рето поёжился от благоговейного трепета. В усыпальнице, а не в казне, пребывали сила и слава Ордена.

— Генрих Дуземер... — шёпотом прочитал Сигельд вырезанную на камне надпись. — Пауль фон Русдорф... Конрад фон Эрлихсхаузен...

— Его я уже помню, — негромко сказал Рето. — Он приходится дядей нашему магистру Людвигу... А вот великий Винрих фон Книпроде!..

Магистры, лежащие в часовне Святой Анны, воевали уже с литвинами, а не с пруссами. Пруссию Орден покорил почти двести лет назад. Потом настал черёд Самогитии — Жмуди, которая отделяла Пруссию от Ливонии, самой дальней земли Ордена. А Жмудь срослась с Литвой, и над ней извечно нёсся Витис — белый всадник литовского герба «Погоня». Бунты жмудинов, «рейзы» крестоносцев и ответные набеги литвинов превратили пограничье Литвы и Ордена в смертоносную дикру — пустую пушу бесконечной войны. Винрих фон Книпроде почти одолел врага; в тюрьме Мариенбурга оказался Кейстут, Великий князь Литовский. Но он сумел сбежать, а век победоносного Винриха, увы, не продлился дольше предела, предопределённого небесами.

— Посмотри, — подозвал Сигельда Рето, взволнованный возвышенными чувствами. — Вот Конрад фон Валленроде, проклятый магистр...

— Кто его проклял?

— Криве, главный языческий жрец из тайного города Ромув. Литвины отдали для жертвенного костра семерых пленных рыцарей, и Криве наслал на магистра порчу. Фон Валленроде внезапно умер.

В то время жива ещё была вещая Доротея из Монтау. Она сидела в стене собора в Мариенвердере — сама велела замуровать её. Там, в малой крипте, ей были знамения. Её исповедники потом открыли Ордену, что Доротея увидела, как душа магистра Конрада фон Валленроде, стеная, уходит по дороге в преисподнюю. Такова месть Литвы.

Рето испытывал и гордость за предков, и горечь странной обречённости.

— У вас тут страшно, — тихо признался Сигельд. — И замок ваш страшный.

Рето захотелось приобнять Сигельда и успокоить, как младшего брата.

В капелле потемнело — это старый Хубберт заслонил собой проём входа.

— Какого дьявола вы сюда притащились?! — сварливо прорычал он.

Рето и Сигельд повернулись и поклонились.

— Это наш гость, брат Хубберт, скриптор библиотеки Святого Престола. Я показываю ему, чем славен наш Орден.

Хубберт щурился после яркого света. Был он рослым и широкоплечим, но годы согнули его, и он опирался на суковатый посох.

— Орден славен тем, что незваных гостей всегда гнал взашей!

— Помилуй, брат Хубберт... — обиженно укорил Рето древнего рыцаря.

Хубберт шагнул к молодым грамматикам, протянул длинную костлявую руку, бесцеремонно цапнул Сигельда за плечо и придвинул к себе. Повернув голову, он вперился в итальянца левым глазом — правый затягивало бельмо.

Рето подумал, что Сигельд испуганно отпрянет, но тот словно окаменел. Хубберт всё смотрел и смо-

трел на гостя. Рето ожидал вспышки гнева — но вдруг случилось то, чего Рето никогда ещё не видел: чёрствое и зверское лицо Хубберта, обросшее седой бородой, треснуло в непонятной улыбке.

— Ладно, оставайтесь, — проскрежетал Хубберт.

Рето испытал огромное облегчение. Не хотелось ссориться с патриархом.

— Покажи нам надгробие магистра фон Плауэна, отец.

Спаситель Мариенбурга не пробыл магистром и двух лет. Против него выступил маршал Михаэль Кюхмейстер. Он заручился одобрением старых рыцарей и созвал конвент, а затем Генеральный капитул. И капитул отобрал у фон Плауэна магистерскую печать и заветное кольцо Германа фон Зальцы.

Но капитул и даже многолюдный рыцарский конвент боялись, что фон Плауэн вновь возьмёт меч дьявола, дабы вернуть себе честь. Низложенного магистра убрали подальше от Мариенбурга — в тюрьму замка Бранденбург. Кюхмейстер стал магистром, а фон Плауэн сидел в тюрьме до его смерти ещё долгих восемь лет. Однако и потом в столицу его не пустили, а перевели простым братом в замок Лохштедт. Ещё шесть лет бывший магистр ловил расхитителей янтаря на косе Фрише Нерунг. В Лохштедте он и скончался. Но похоронили фон Плауэна всё-таки в часовне Святой Анны, где и было должно.

— Он один тут не назван на плите магистром! — с яростью сказал Хубберт и злобно ткнул палкой в другую плиту: — А вот предатель Кюхмейстер!

— Бог ему судья, — смиренно ответил Рето.

Время уравнивало правых и неправых. И перед этой неизбежностью земные чувства были драго-

ценны вдвойне. Рето искоса глянул на Сигельда — понимает ли тот, как важна пылкость живого сердца?

Хубберт шагнул в глубь усыпальницы.

— Вот фон Ротенштейн. — Концом палки он поскрёб надпись на камне. — Носил кольцо фон Зальцы до проклятого Валленроде. Король Ягайло звал его себе в крёстные отцы, когда веру в Кракове принимал, а Ротенштейн плюнул.

Хубберт поковылял ещё дальше, к стене.

— А вот Конрад фон Юнгинген. Хотел с поляками всё миром уладить. На одре завещал не выбирать Ульриха магистром. Трус!

Растроганный Рето решил не спорить. Конрад фон Юнгинген не был трусом. Он сам плавал на остров Готланд, чтобы разорить гнездо пиратов-витальеров. А мира с поляками хотел лишь потому, что Папа запретил Крестовые походы на Литву, и в Мариенбург больше не приезжали рыцари из Европы. Без них Орден не справился бы с Польшей. Конрад поступил мудро.

— Вот и Ульрих, — мрачно произнёс Хубберт, останавливаясь у надгробия возле стены. — Покойся с миром, брат. Я за тебя отомстил.

Хубберт оглянулся на Сигельда, и глаз его блеснул в полутьме. Рето почему-то заревновал: отчего это Хубберт так внимателен к итальянцу?

— Расскажи о смерти магистра под Танненбергом, — попросил Рето.

Хубберт, кряхтя, опустился на могильную плиту как на лавку:

— Я рядом скакал, когда Ульрих повёл последние наши баннеры в атаку на стан короля Ягайлы... Победить или погибнуть, да! Как истинные рыцари! Мы с Ульрихом вместе рубились, окружённые поляка-

ми. И я навек запомнил того, кто пронзил Ульриха копьём! Этот дьявол от меня не скрылся!

Хубберт опять с вызовом посмотрел на Сигельда. По спине Рето пополз холодок, словно зловещее предчувствие.

— Преклоняюсь пред вашим подвигом, отец, — робко произнёс Сигельд.

Под тёмным сводом капеллы тихо зашевелилось нечто бесплотное.

Хубберт криво ухмыльнулся.

— Ты просто сосунок, — грубо сказал он Сигельду. — Но и я не лев. Я — волк. Львом же был Ульрих. А этот... — Старик поднял палку и яростно стукнул по могильной плите Генриха фон Плауэна. — А этот был драконом!

Цепной мост в Средний замок опускали после прандиума и поднимали перед вечерней, поэтому табориты начали штурм во время долгой службы Шестого часа. Комтурский караул брата Йоргена не распознал приготовлений наёмников. Мягкое осеннее солнце обволакивало кирпичные громады замков невесомым прощальным теплом. Над нагретой черепицей дрожал воздух, и чайки сидели на печных трубах. С высоты бургфрида проливались перезвоны.

Табориты делали всё быстро и точно. Они умели брать рыцарские замки. На подъёмную рампу со стуком упали два огромных обтёсанных бревна, и тотчас по мосту, пропуская брёвна меж колёс, к передовой башне покатались скрипучие боевые возы — крепкие дубовые коробки с прорезями бойниц.

В башне заколотился сигнум — колокол дозорных. Караульные бросились к барабану подъёмной ма-

шины, однако было поздно: брёвна, возы и люди уже придавили рампу. Тяговые цепи напряглись и замерли. Поперёк прохода в передовой башне рухнули две мощные решётки-герсы, но их железные зубцы с треском вонзились в крыши возов, и башня оказалась продырявлена. Сквозь возы как сквозь тоннель табориты хлынули в каменное ущелье «кровавой улочки». А по амбразурам оборонной стены злобно били стрелы богемцев.

Удары сигнума взорвали размеренный быт Среднего замка, но тевтонцы знали свои места по тревоге. Пушкири во дворе укладывали на ложа тощие чугунные пушки-дюннбюксы, конверсы ставили в ряд полевые щиты-павезы, а сарианты в гладких шлемах-бацинетах строились клином перед воротной башней. В серой толпе ярко мелькали белые рыцарские плащи-герренмантели. Комтур брат Корбин отдавал команды, указывая мечом. Магистр вышел на крыльцо дворца. Он был спокоен. Он не сомневался, что наёмники предадут — Орден предали все, не только табориты. Зато теперь головоломные поиски денег сменились тем, чем магистр умел управлять: старым добрым сражением.

Оно уже кипело в «кровавой улочке» — в узком проходе между передовой и воротной башнями. Улочка была западней для штурмующих, но табориты пролезли на её галереи из мостовой башни. Караул был безжалостно изрублен богемскими дюзаками, а брата Йоргена сбросили из бойницы на острия копий.

Братьям-священникам при штурме полагалось быть в храме и молиться о победе — или помогать раненым в госпитале-фирмариин. И Рето следовало бежать в фирмарий. Но ведь магистр поручил его попечению Сигельда!

— Брат гохмейстер, что мне делать? — подскочил Рето к магистру.

Людвиг фон Эрлихсхаузен перевёл на армариуса мертвенный взгляд:

— Найди итальянца, соберите книги и укройтесь в Высоком замке.

Внутри воротной башни раздался утробный грохот — табориты порохом взорвали дальнюю герсу, и сквозь ячейки ближней герсы выбило густые клубы кирпичной пыли. И в этот миг рыцари в строю перед башней, как волки на луну, затанули орденский хорал. В грубых голосах звучала непреклонность:

— Воскресая в славе после смертной муки, кирие элейсон, мы идём к тебе!

Рето услышал страшную песню крестоносцев — и зарыдал.

За брусьями ближней герсы полыхнул острый огонь, и могучая решётка лопнула. Толчок горячего воздуха взвихрил белые плащи тевтонцев.

Из могильного мрака стрельчатого портала полезло огромное дощатое рыло — боевой воз. Он выползал как библейское чудовище Бегемот из пещеры. Его толстые колёса накрутили на себя ошмётки человеческих внутренностей — воз проехал по трупам, наваленным в «кровавой улочке», и раздавил их.

Стрелы и арбалетные болты тевтонцев забарабанили в дубовые доски, и деревянная громада на глазах начала превращаться в дьявольского ежа. Сбоку бабахнул дюннбюкс, и воз вдруг тяжко осел, с хрустом припав одним углом на раздробленное колесо. Он перегородил дорогу другим повозкам. И тогда табориты посыпались наружу, устремляясь в драку лицом к лицу с врагами.

В это время Рето нашёл Сигельда в дальнем пустом dormitorio, где во времена величия Ордена

жили гости — рыцари, что приезжали на турниры. Сигельд сидел на полу в углу палаты и закрывал лицо ладонями. Рето схватил его и потащил за собой. Спотыкаясь от страха, Сигельд едва одолел лестницу.

Перебегая через двор Среднего замка, грамматики увидели яростное побоище перед воротами: люди кидались друг на друга и кричали, звенели клинки и трещали щиты. Казалось, там какое-то общее безумие, когда толпа единодушно набросилась на неведомого зверя, бьёт его, колет, рубит и топчет.

А в покоях магистерского дворца было тихо и безлюдно. В уцелевших окнах безмятежно сияли цветные витражи. Скамейки, столы и шкафы казались мирной домашней скотиной, брошенной хозяевами. В сводчатом арматориуме на полках стояли книги — раздёрганные старинные манускрипты, обтянутые кожей кодексы, фолианты с медными замками и драгоценные инкунабулы. Рето знал, что нужно взять лучшие хроники Ордена: тома Петра из Дусбурга, Иоганна фон Посильге и Виганда Марбургского, а ещё историю Оливской обители и переплёт с «Началами Тевтонского ордена». Рето сложил книги на сорванную занавесь, связал её углами в пригодный для переноски узел и взвалил ношу на плечо. Сигельд вдруг шагнул к Рето и поцеловал в щёку.

— Ты меня спас, — прошептал он. — Я не забуду...

Рето склонил голову, задыхаясь от волнения.

Во дворе догорало сопротивление Среднего замка. Наёмники захватили фирмарий и добивали там стариков; из разбитых окон комтурских палат валил чёрный дым; рубились в стрельчатых арках гостевых дормиториев, железо лязгало в трапезной.

Дюннбюксы и рогатки не остановили таборитов — те всё прибывали и прибывали, оттесняя защитников к магистерской капелле Святой Екатерины. Тевтонцы не удержали свой знаменитый строй, и даже малые их соединения рассыпались: рыцари, сарианты, полубратья, конверсы и кнехты сражались уже поодиночке и пятились, пятились под напором наёмников.

Лужайки и мощёные дорожки исчезли под шевелящимися грудами тел. Толчея побоища пульсировала быстрым и частым движением: взмахами рук, скрещением мечей, мельканием искажённых лиц, выпадами копий, блеском солнца на лезвиях и шлемах, птичьим взлётом бело-крестовых рыцарских плащей. Всё вокруг стучало, звенело, вопило и хрипело. В сумятице невозможно было разобраться, и только вокруг рыцарей вдруг всё становилось ясно — рыцари по дуге расчищали пространство перед собой смертоносным скольжением длинных мечей. Конечно, табориты с короткими дюзаками были великими покорителями уличной тесноты, но ничто не могло противостоять силе огромных немецких кригсмессеров — сверкающим плоскостям старинной стали. Однако могучих рыцарей, слоновых и белокрылых титанов, было слишком мало, чтобы отбить врагов и предотвратить поражение.

Рето успел увидеть, как рухнул поверженный копьём комтур Корбин, и его белый плащ затянуло в тёмный водоворот таборитов. Магистр Людвиг фон Эрлихсхаузен, широко разметая наёмников клинком, отступал к крыльцу дворца, и рядом с ним сражался брат Хубберт Роттенбахский: полуслепой, он орудовал волнистым мечом-фламбергом. Орден проигрывал битву, точнее, уже проиграл, но в гибели крестоносцев словно возрождался дух древних

тевтонов, давно покинувших этот мир: они приближались в облаке смертной тьмы, и грозные их очертания проступили сквозь ветхую ткань бытия.

С ношей книг армариус Рето фон Тиендорф бежал к воротам Высокого замка, и ватиканский скриптор Сигельд бежал вслед за ним. В арке, сжимая оружие, стояли стражники и молча смотрели на битву, прикованные к месту законами Статутов. Они посторонились, пропуская грамматиков. За спинами беглецов звякнули натянутые цепи и заскрежетали железные суставы моста. Бревенчатая рампа начала подниматься, непреодолимо отсекая Высокий замок от Среднего замка ущельем оборонного рва. Казалось, что убирают сходни и Высокий замок отплывает от земли в небо, точно корабль от берега.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Людерса в Лоцманской башне Женя так и не отыскала: офицеры рейдовой службы сказали, что на работу он не явился. Зато Женя столкнулась с кем-то из командования военно-морской базы и получила разрешение осмотреть Шведскую цитадель, которую занял Балтфлот. Женя отправила Володю за Клиховским, а сама позвонила в общежитие Пакарклизу, и теперь историки стояли перед мостом через крепостной ров и ждали коменданта. Караульные матросы косились на товарища капитана из СМЕРШа с явным интересом.

Из входного тоннеля вышел флотский офицер в фуражке с крабом и в тёмном кителе, на руке у него была комендантская повязка. При виде Жени он словно бы стал выше ростом и шире в плечах. Женя протянула ему документы.

Ворота цитадели находились между бастионами Альбрехт и Кронпринц. Щурясь на солнце, Володя разглядывал укрепления: в каменной стене рва над водой — амбразуры; краснокирпичная кладка фортификации; маленькие башенки и зубцы, арка портала с рельефом прусского орла... На куртинах, зеленеющих свежей травой, торчали бетонные крыши

дотов и короткие кольца с колючей проволокой, солдаты называли такие заграждения «спотыкач».

— А вы с какой стороны штурмовали? — спросил у Володи Пакарклис.

— Где во-ворота Фаульвинкель.

Женя призывно махнула рукой.

Володя шёл по расчищенному тоннелю и вспоминал штурм крепости. Город, догорая, затих; немцы откатывались по косе Фрише Нерунг, а цитадель всё равно не сдавалась. Да и хрен с ней, говорили бойцы, фашисты посидят — и вывесят белый флаг. Но пронёсся нехороший слух, что Москва решила дать салют в честь «освобождения Пиллау», значит, нужно довести дело до конца. Придётся умирать на этих бастионах и рavelинах. Командование бросило на штурм всех: ездových, связистов, рембригады и штабных работников. Бойцы с разных сторон полезли в ров, а из амбразур по ним били немецкие пулемёты.

Володин полк, точнее, то, что от него осталось, атаковал Фаульвинкель — Ленивый Угол — и бастион Кёниг. Дивизионная артиллерия прижала стрелков на куртинах, и бойцы плыли через ров на плотках из досок, кроватей, ящиков, дверей и бензиновых бидонов. Добравшись до стен, закидывали в амбразуры гранаты и лезли наверх, на эскарпы и земляные откосы куртин. А там, наверху, были траншеи с брустверами из мешков с песком, дзоты и «спотыкач».

— Вы проявили огромное мужество, — с уважением сказал Пакарклис.

Володя уже не мог восстановить в памяти свои ощущения. Это было как падение без парашюта, бездна: жизнь закончилась, а смерть не началась. И мужество требовалось лишь на то, чтобы прыгнуть в бездну, а внутри бездны действовали другие

законы. Даже не законы — умения. Там он состоял только из навыков: укрываться, перебегать, стрелять, наносить удар, отбивать штык.

В сводчатом тоннеле голос флотского офицера звучал гулко:

— У крепости, мадам, пять бастионов. Если сравнить с крейсером, что лично мне, как вы понимаете, ближе, то бастионы — это орудийные башни. Сразу успокою вас, что цитадель уже не имеет военного значения. Например, линкор «Октябрьская революция» легко накроет её одним залпом главного калибра. Так что перед Балтфлотом стоит сложная задача: нужно определить, как использовать бастионы. Есть вариант — под склад для старых бескозырок.

Володя остановился возле кордегардии. Он вновь увидел двор цитадели. По периметру длинные кирпичные стены казарм, утопленных под зелёными насыпями куртин: окна, двери, арки, карнизы — всё оббито, обкусано пулями. Изувеченные здания в два этажа — цейхгауз, кирха, дома офицеров, таможня, мастерские, склады. Во время штурма тут всё было затянуто дымом и пылью, взметались разрывы ручных гранат, сыпалась черепица, бойцы бежали кто куда, карабкались по руинам, сшибались в рукопашных, мелькал огонь, слепил красный свет заката. И Володя тоже стрелял по серым и грязным фигурам, не соображая, жив ли он и какая у него боевая задача. А никакой боевой задачи не было. Просто меняй укрытия, опережай самого себя, лупи короткими очередями по любой серой тени. Вон там, за тем вот углом, его вдруг подбросило в воздух и ударило о стену. И больше он ничего не помнил.

Литовцы и Клиховский молча озирались.

В развалинах под охраной краснофлотцев работали пленные немцы. Их привозили из казарм «Химмельсрайх», где располагался лагерь для солдат вермахта. Пленные разгребали кирпичный лом, таскали носилки. Володя видел серые фигуры немцев — такие же, как в своём последнем бою, слышал немецкую речь, но почему-то не испытывал никаких чувств. Тогда, во время штурма, крепостной двор тонул во мгле, а сейчас всё развеялось. Солнце чисто и чётко обрисовало издырявленные и разбитые здания. В крепости было ясно, и в душе тоже. Володя разглядывал пленных со странным любопытством. Без касок у немцев словно появились лица — усталые, небритые, человеческие.

— Немцев прошу не опасаться, — не унимался флотский офицер. — Они у нас мирные, перевоспитанные. Никаких злодейств больше не замышляют.

Женя всё поняла про этого павлина и принимала его со снисходительной усмешкой. Для неё такое поведение мужчин было не в новинку. Моряк одёрнул китель и чуть склонился к Жене уже с некоторой интимностью:

— Осмелюсь спросить, откуда вы родом?

— Какое это имеет значение?

— Судя по вашей интеллигентности, вы из Ленинграда.

Женя была из Москвы. Она держалась строго, а строгость нередко путали с образованностью: дескать, умные всегда строгие. И кто строже, тот умнее.

— У меня наметанный глазомер, — пояснил свою пронизательность моряк. — Вам будет приятно узнать, что здесь, в Пиллау, бывал Пётр Первый и по примеру этой цитадели построил Петропавловскую крепость в Ленинграде.

— Да, чувствуется что-то знакомое, — согласилась Женя.

Флотский офицер Володе не понравился, но не потому что подруливал к Жене. Одиннадцатая армия к флоту вообще относилась с неприязнью. Во время боёв за Фишхаузен, Лохштедт, Нойхойзер и Пиллау флот почти не помогал армейцам — ни артиллерией своей, ни десантами. Ставка Верховного берегла балтийские корабли. Они были нужны, чтобы после войны взять всю Балтику под контроль СССР, а мощные береговые батареи немцев могли потопить и эсминцы, и крейсера. И пехота шла в бой без поддержки с моря.

Бывало, что солдаты захватывали хорошие трофеи — винные подвалы или кладовые с колбасами и сырами. Долгом чести считалось послать презент соседям-артиллеристам или танкистам поблизости. Но никогда не отправляли подарков морякам, даже если была такая возможность.

Пётр Первый Женю не интересовал. Женя решила вернуться к делу.

— Эти товарищи из академии, — Женя кивнула на литовцев, — разыскивают старинные книги. Не встречали чего-то подобного в подвалах цитадели?

Моряк поправил фуражку, перестраиваясь на официальный тон:

— Мы обследовали казематы только на первом и втором ярусе, никаких книг не находили. Есть помещения и ниже, но мы туда не совались: мины, боеприпасы, сами понимаете. Я не советую вам рисковать.

— Мы не новички, — ответила Женя.

— Там и трупы остались, — предупредил офицер. — Запах, естественно, не дамский. Да и вообще зрелище не для слабонервных.

— Слабонервных не держим. Выдайте нам фонари.

— Прокопенко! — окликнул офицер какого-то молодого краснофлотца.

Матросик подбежал и отдал честь.

— Принеси из каптёрки шесть фонарей с заряженными аккумуляторами и шесть пар рукавиц. Как минимум одни должны быть постираны.

Матросик поспешил к дверям кордегардии — в ней размещалась каптёрка.

Офицер посмотрел на Женю и улыбнулся. Улыбка у него была не очень уверенная, и Женя поняла, что сейчас последует приглашение на свидание.

— Можно личный вопрос, товарищ капитан?

— Нельзя! — отрезала Женя.

Клиховский рассматривал здания в крепости: цейхгауз, дома офицеров, кирха. Музей Хаберлянда находился в цейхгаузе. Мебель и картины доктора Людерс перевёз в подвал Лохштедта, но куда он поместил зелёные ящики с самыми ценными экспонатами? В бункер под замком? Вовсе не обязательно...

Тогда, в Инстербурге, доктор Хаберлянд говорил, что открыл подземный ход из кирхи в потерянный склеп Пьера де ля Кава — в тот склеп, над которым каждый день в шесть утра гарнизонный барабанщик должен был бить побудку и провозглашать: «Подъём, господин комендант!» Громоздкая старинная мебель не пролезла бы через подземный ход, а компактные ящики — вполне... Да, Людерс мог спрятать ящики в склепе. Есть ли шанс отыскать склеп?

— Я проверю кирху, — сообщил Клиховский Луданной.

— А мы начнём с того бастиона. — Пакарклис махнул рукой в сторону.

— С бастиона «Пруссия», — подсказал Клиховский.

— Как угодно, — согласилась Женя. — Тогда я иду вон туда. Нечаев, за мной.

Клиховский хмуро поглядел вслед Володе и Жене. Энергичная дама из русской дефензивы даже не скрывает, что уложила солдатику к себе в койку. Что ж, Красная армия празднует победу. Пусть и дама наслаждается.

А Володе сейчас больше всего хотелось остаться одному — разобраться во впечатлениях сегодняшнего дня. Ладони его ещё хранили ощущение тонких девичьих плеч, окутанных одеялом, лицо согревалось воспоминанием о лёгкой щекотке пушистых волос Хельги. Эта немецкая девочка, такая искренняя и живая, обнаружилась под грубостью военных обстоятельств, словно лесной зверёныш под корявым буреломом. Зверёныш прятался, а Володя его нашёл.

Женя остановилась и с подозрением заглянула Володе в глаза:

— Ты чего такой смурной с утра?

— Всё нормально, — ответил Володя.

Он подумал, что Женя не распознала в племяннике Людерса девушку. Если бы распознала, то не отправила бы Володю на улицу Лоцманов.

— Если всё нормально, то шире шаг!

Казематы основного яруса, наземного, служили казармами. Просторные низкие помещения, все окна выходят на крепостной двор. Стены покрашены, плоские своды побелены. Завалы дощатых двухэтажных нар, какое-то тряпье, обрывки газет и упаковочной бумаги, бинты, каски, гильзы, пустые мага-

зины от автоматов, противогазные сумки. Отчаяние последнего пристанища.

Кое-где на стенах висели цветные пропагандистские плакаты. Могучий немецкий солдат в каске втыкает штык в брюхо омерзительного и уродливого казака. Злобный красноармеец в будёновке бросается с ножом на белокурую молодую женщину, в ужасе прижимающую к груди ребёнка. Черноусый и носатый Сталин волчьими зубами грызёт карту Европы. Женя решительно оборвала плакат со Сталиным. А Володя рассматривал пришипленные рядом с плакатами фотокарточки киноактрис. В светящемся тумане мерцали локоны и блистали волшебные глаза Марики Рёкк, Сары Леандер и Марлен Дитрих. Женю всё-таки беспокоило задумчивое молчание Володи.

— Ты что, боец, приревновал меня к тому мореману?

Женя спросила об этом с пренебрежением, как о ерунде, но ей, конечно, было бы приятно, если бы боец и вправду приревновал.

— Н-нет, — поколебавшись, ответил Володя.

Женя с сомнением хмыкнула. Она не поверила. Она всегда слышала лишь то, что хотела услышать, и понимала так, как ей нравилось. Она поддала ногой валяющуюся каску, и та покатила со звоном, как пустая кастрюля.

А Володя не лукавил. Он словно бы увидел Женю другими глазами. Что ему эта красивая женщина? Пусть флиртует, с кем пожелает.

Узкий изогнутый коридор закончился камерой с шахтой винтовой лестницы. Наверху, скорее всего, находились помещения со стереотрубами. Женя высветила фонарём намалёванные на кирпичах русские буквы «НБП»

— «Наблюдательный боевой пост»? — расшифровала Женя.

— «Неизвлечённые боеприпасы», — пояснил Володя. — М-мины и снаряды.

— Вход в катакомбы должен располагаться на нижних ярусах.

Володя двинулся первым. Лестничная спираль спустилась в другую техническую камеру с железной дверью в стене, однако шахта углублялась и дальше. В её тесном и замкнутом объёме сложно было оценить расстояния.

Володя продолжил спуск, сделав, как ему показалось, ещё пару оборотов вокруг железной оси, к которой крепились ступени. Внизу заблестела вода. Володя присел на последней ступени, обшаривая колодец лучом. Над водой темнели арки и проёмы — казематы этого яруса были наполовину затоплены.

— Похоже, крепость внутри куда бо-льше, чем снаружи, — мрачно сказал Володя. — Тут нужна поисковая экспедиция. Беглый осмотр ничего н-не даст.

— Вернёмся на предыдущий этаж, — недовольно ответила Женя.

В это время Клиховский обследовал подвал кирхи.

Кирха была выстроена в виде креста. Обойдя здание, Клиховский увидел, что правое крыло трансепта превращено в руины, а над чёрными обломками косо торчит сгоревший хвост бомбардировщика. Лестницу, ведущую в подвал, Клиховский нашёл в нартексе, заваленном сломанной мебелью. В подвале застоялся трупный смрад. Взрыв авиационного боекомплекта разрушил здесь своды и перемешал с кирпичами куски человеческих тел. Клиховскому всё же повезло — он наткнулся на полузасыпанный проход в какой-то тоннель.

Фонарь высвечивал прочную кладку, в которую были вмурованы дикие валуны. На песчаном полуострове, намытом морскими волнами, не имелось даже мелкого камешка. Валуны привезли из старых тевтонских орденсбургов. Комендант Пьер де ля Кав, завершивший возведение цитадели, приказал без всякого пиетета ломать на стройматериалы замки Лохштедт и Бальгу. И вряд ли тоннель шёл к тайному склепу, о котором говорил доктор Хаберлянд. Де ля Кав укрыл бы проход к своему убежищу куда надёжнее, ведь он собирался стать анастифонтом и ждать в гробнице хоть сто лет, хоть двести, хоть триста, пока новый избранник судьбы не явится к нему за Лигуэтом. А в тоннеле на полу лежали мертвецы в форме вермахта. Видно, это раненые ползли куда-то из подвала, над которым взорвался русский самолёт, но так и не доползли.

Луч фонаря упёрся в полуоткрытую ржавую дверь. За дверью находилась железная лестница, крутая, как на корабле.

Из подвала кирхи тоннель дотянулся до куртины, до каземата нижнего боя. Амбразуры каземата глядели на крепостной ров. Рядом с амбразурами высились дощатые стеллажи под боеприпасы и самодельные деревянные платформы для пулемётов. Клиховский выключил фонарь и в полумраке направился к другой двери. Под ногами, как скорлупа, хрустели гильзы. И тут Клиховский услышал в соседнем каземате голоса — голоса Жени и Володи.

Женя прижала Володю к стене и, улыбаясь, бесстыже шарила рукой по его армейским штанам в промежности:

— У нас есть двадцать минут. Успеешь отстреляться, боец. Тут никого.

Глаза у Жени горели тёмным огнём опасности и вызова.

Володя мягко убрал её руку и прошептал, извиняясь:

— Женька, ты к-красавица... С тобой нельзя как с-собачками — где попало.

Женя фыркнула. Такой отказ её не обидел — только раззадорил. Она взяла Володю за подбородок, будто командир новобранца, и всмотрелась в его лицо:

— Любишь по-хорошему, да? — В её словах обещание звучало угрозой.

Володя не ответил. Женя поймёт, как ей надо. А он чувствовал, что эта женщина ему не нужна. То короткое желание, которое подтолкнуло его к ней, исчерпало себя и больше не разгоралось. Он, Володя, взял от Жени всё.

Нет, она и вправду чудесная. Красивая и страстная. Но вопрос не в этом. Володе всегда казалось, что на войне он сражался за слабых. Он защищал тех, кто не мог защититься сам. Для этого солдаты и нужны. А Женька — сильная. Ну она как бы не для него... Наверно, ей приятно, когда Володя рядом, но ему рядом с ней делать совершенно нечего. Однако не так просто сказать ей, что он чувствует. Конечно, он скажет, только не сейчас. Надо набраться духа.

Клиховский стоял за стеной каземата и ждал, пока русские уйдут. Ждал просто из деликатности. Хотя он плохо знал язык, про Женю и Володю ему всё стало ясно. Впрочем, эти двое были ему безразличны.

Володя с усилием подцепил и вывернул утопанный в землю кирпич и достал увесистый свёрток. В кухонное полотенце был замотан парабеллум Зигги Киперта. Полотенце дала Хельга. Володя сунул пистолет в карман.

Законопослушные немцы в комендантский час сидели по домам. Володя пересёк пустой тёмный двор и вошёл в подъезд. Узкая лестница была чисто подметена, и Володя поднимался почти бесшумно. Он замер возле квартиры Людерсов. Щёлка между косяком и оторванной дверью неярко светилась. Послышалось мирное позвякивание тарелки в тазу. Видно, Хельга после ужина отмывала посуду при огне свечи. Всё нормально. Хельга одна.

Володя не стал её беспокоить. Он вернулся к выходу и долго возился, пристраивая к двери подъезда обломок перил. Когда дверь откроют, брусок упадёт и стукнет. Володя знал: этого тихого звука будет достаточно, чтобы он проснулся, если задремлет. Он собирался караулить всю ночь. Вдруг Зигги Киперт заявится снова? От подъезда Володя направился в убежище, которое присмотрел ещё днём. Хорошее место в развалинах дровяного сарая. Отсюда пространство двора как на ладони. Жаль, света мало. Точнее, вообще нет.

Жене Луданной Володя ничего не сказал о своём плане. Он просто исчез. Он не думал, как потом объяснить отсутствие в общежитии. На войне он привык не загадывать наперёд. Конечно, провести ночь с женщиной — это хорошо, но Володя знал себя: он всё равно будет переживать за Хельгу. Зигги похож на безумца. Под конец войны таких расплодилось немало. Зигги сам не отвяжется, так что лучше изловить его и поставить точку. И ещё Володе хотелось быть рядом с Хельгой. Пускай даже она об этом и не узнает.

Пригнувшись в низком дверном проёме, Володя шагнул в сарай. И сразу понял, что там уже кто-то есть. Рука дёрнулась к парабеллуму в кармане.

— Не стреляйте! — быстро сказали в темноте.

Говорили по-немецки, но голос был не Зигги Киперта. Чиркнула спичка, и Володя увидел лицо Винцента Клиховского. Спичка сразу погасла.

Володя ещё не разобрался в роли Клиховского. Кто он? Откуда? Что ему нужно? Как он связан с Женей? Сама Женя велела Володе не совать нос, куда не следует. Но Клиховский выглядел слишком чужеродно и поневоле вызывал интерес. Он казался одновременно и мучеником, и злодеем.

— Что вы здесь де-делаете? — тихо спросил Володя.

— Что и вы. Жду Людерса.

В ответе Клиховского пряталась лёгкая насмешка.

— Я жду н-не Людерса! — огрызнулся Володя из противоречия.

— А кого? — тотчас полюбопытствовал Клиховский. — Хельгу?

Володя похолодел. Хельга не называла себя, чтобы не выдать, а Женя пренебрегла племянником Людерса: по её мнению, немчик не имел значения.

— Вам известно про Хельгу?

Володе хотелось увидеть глаза Клиховского.

— О-о... — протянул Клиховский. — Кажется, я открыл ваш секрет?

Клиховский понял, что ему надо разобраться в русском солдате. Похоже, он, Клиховский, упустил какое-то важное событие, внезапно объединившее солдата и Хельгу Людерс. Как парень вскинулся при упоминании Хельги!..

— Я был немного знаком с этой девушкой, — миролюбиво пояснил Клиховский. — А кому вы приготовили западню у двери в её подъезд?

Володя колебался — сказать или нет? В замысле поймать Зигги не было ничего дурного. Наверное, лучше объяснить всё начистоту и расположить по-

ляка к себе. Иначе тот может сообщить Жене о Хельге просто из неприязни.

— У Хельги есть же жених. Бывший. Сейчас он в «Вервольфе». С-сидит в катакомбах. Утром он п-приходил к Хельге, я его прогнал. Он придёт снова.

Клиховский понял, почему днём Володя был столь сумрачным. Бедолага. Королева из дефензивы взяла его в пажи, а он увлёкся вражеской принцессой, за которой охотится дракон. И что теперь делать несчастному влюблённому?

— Если вы поймаете своего «вервольфовца», он выдаст Хельгу, — резонно заметил Клиховский. — И госпожа Луданная без колебаний разлучит вас.

Володя гневно засопел: Клиховский был прав.

— Значит, я пристрелю его при за-задержании! — угрюмо ответил Володя.

— Очень нехорошо, — возразил Клиховский. — «Вервольфовец» знает вход в катакомбы. Госпоже Луданной нужна эта информация. И мне нужна.

— Об-бойдётся, — буркнул Володя.

Лицо Клиховского чуть светлело в глухом мраке дровяного сарая.

— Я ведь тоже знаю правду о Хельге Людерс. Меня вы тоже пристрелите?

Клиховский почувствовал, что пережал, провоцируя русского. Этот солдат — не мальчик. Он воевал. Он убивал. И способен снова убить.

Именно об этом Володя и подумал. На фронте случалось всякое. Бывало, какой-нибудь немецкий дот упрямо поливал атакующих из пулемётов, а потом немцы выбрасывали белый флаг и выползали из своего укрытия с поднятыми руками. Таких не щадили. Кончали даже под белым флагом. А бывало и хуже. Когда мимо гнали толпы военнопленных, бойцы отталкивали конвоиров и вытаскивали людей в «ка-

иновой форме» — власовцев. Их расстреливали тут же у всех на виду. Клиховский должен учитывать, что такое возможно.

— Вы загнали меня в угол. — холодно произнёс Володя. — З-зачем вам это?

Клиховский перевёл дыхание. Пронесло. Парень сдержался. Зашуршав в темноте одеждой, Клиховский присел на ящик для поленьев:

— Я не хочу ссориться с вами, Владимир. Мне нужен не враг, а союзник.

— В качестве со-союзника чем вас не устраивает Женья?

— Она ищет Эриха Коха. Как только она возьмёт след гауляйтера, тотчас отделается от меня. Надеюсь, не таким способом, каким вы хотите избавиться от «вервольфовца», — невесело усмехнулся Клиховский.

Володя отвернулся от поляка и смотрел в окно сарая на двор.

— Разве га-гауляйтер — не общая ваша цель?

— Увы, нет. Я — историк. Моя цель — артефакт из музея Пиллау. Старинный меч. Его передали гауляйтеру. А тот поручил Людерсу спрятать эту реликвию. О роли Грегора Людерса я узнал благодаря вам. Вы рассказали, что Людерс оборонял Лохштедт, где я обнаружил часть предметов из музея Пиллау.

Володя не ожидал подобного объяснения. Хотя стоит ли удивляться? Группа литовских учёных собирает книги, увезённые фашистами. Почему бы поляку не искать свою реликвию? Хорошо, что причина подозрительного поведения Клиховского с точки зрения контрразведки совершенно невинна. И плохо, что Клиховский вынюхивает чужие тайны и выстраивает какие-то свои двусмысленные стратегии.

Володя молчал и смотрел на двор, где ничего не менялось. От тихих вспышек маяка чешуйчато загоралась продырявленная крыша. Ободранное дерево вылетало из тьмы, как беззвучный взрыв, и снова исчезало. В домах чернели провалы выбитых окон. Чирикала какая-то ночная пичуга.

— Из меня п-плохой союзник, — взвесив всё, сказал Володя. — Я не влияю на ре-решения Жени. И не могу помешать ей вы-выбросить вас.

— Можете, — спокойно возразил Клиховский.

— Каким образом?

— Самым обычным. Будьте ей хорошим любовником, и всё получится.

Володю будто мокрой тряпкой хлестнули по лицу.

— У меня нет выхода, поэтому я прибегаю к шантажу, — продолжил Клиховский. — Я хочу, чтобы вы убедили госпожу Луданную не избавляться от меня. Иначе госпожа Луданная узнает о Хельге. И о вас тоже. Девушку заберёт контрразведка, а вы укатитесь отсюда куда-нибудь подальше. И не хватайтесь за оружие, молодой человек. Помочь мне — это не измена Родине.

Володя почти задыхался от бешенства и ненависти.

— Вы ме-мерзавец, Клиховский! — еле выговорил он.

— Я не мерзавец. Просто вы, русские, влезли туда, где не ваша история.

Ответить Володя не успел. Возле невысокой ограды двора в глубокой тени мелькнула фигура человека.

Человек вёл себя осторожно, хотя явно не привык таиться. Замерев в тени, он осмотрелся и затем спокойно направился к подъезду напрямик через двор.

Скрипнула дверь, стукнула деревяшка, и Володя сзади произнёс по-немецки:

— С-стоять!

Человек замер, а потом оглянулся. Володя держал его на прицеле.

— Кто вы такой? — требовательно спросил незнакомец.

Володя, сержант, услышал повелительные интонации и едва не попался на уловку: на миг замешкался, готовый ответить. Расстёгнутое летнее пальто незнакомца укрыло движение. Офицеры вермахта уважали японскую борьбу джиу-джитсу: удар носком ботинка в запястье выбил у Володи парабеллум. Другой удар Володя всё же поймал и рванул противника на себя. Сцепившись, они стукнулись в стену и упали. Пальто мешало незнакомцу, иначе он сразу свернул бы Володе шею, но и в пальто он упрямо продавливал сопротивление Володи и подбирался к его горлу. Незнакомец был сильным и тренированным бойцом. И вдруг обмяк, ткнувшись лбом Володе в скулу. От волос противника пахло хорошим мужским одеколоном. Над Володей возвышался Клиховский. Он оглушил незнакомца самым незатейливым образом — кирпичом по затылку.

Володя сегодня второй раз проиграл в схватке с немцем — и второй раз его выручили. Клиховский перевалил незнакомца на спину. Володя кашлял.

— Не забудьте о моей услуге, — деловито сказал ему Клиховский.

Он обшаривал карманы незнакомца. Портсигар. Зажигалка. Пистолет «зауэр». Ручной фонарик. Эсэсовский нож с гравировкой «Meine Ehre heist Treue». Больше ничего. Клиховский посветил фонариком немцу в лицо.

— Не Людерс и не Зигги, — хрипло сказал Володя. — Вы его з-знаете?

— Да, — кивнул Клиховский. — Это Гуго фон Дитц, адъютант гауляйтера.

— Вот так удача!.. — изумился Володя.

Он поднялся, хотя голова у него ещё кружилась.

Вдвоём они подтащили фон Дитца к стене и усадили, прислонив спиной. Володя вытянул из петель пальто фон Дитца крепкий пояс и крест-накрест связал адъютанту руки. Фон Дитц зашевелился и застонал, приходя в себя.

— Не слепите глаза, — сощурился он.

Клиховский убрал луч и положил фонарик на землю вверх рефлектором.

— Вы работаете на га-гауляйтера? — без подготовки спросил Володя.

Фон Дитц помедлил.

— Да, — неохотно признал он.

Он оглядывал русского парня, взявшего его в плен. Что ж, печально, как и всё в этой нелепой жизни. Конечно, в своей стране большевики истребили высшее сословие, и глупо надеяться, что последним противником прусского аристократа Гуго фон Дитца будет дворянин, но этот парень даже не офицер!

— Где сейчас на-находится гауляйтер?

Фон Дитц не видел смысла скрывать. Во-первых, его ответ уже ничего не изменит в судьбе гауляйтера. А во-вторых, пускай господин Кох катится ко всем чертям в преисподнюю — вдгонку за своим фюрером.

— Он в убежище на подземном объекте «НАСТ».

— А где вход?

— Я не знаю адреса, — усмехнулся фон Дитц. — Я не почтмейстер.

— Тогда вам придётся по-показать.

— Я покажу, — не стал спорить фон Дитц.

Гауляйтер Кох всегда нравился ему. Сообразительный, рачительный, напрочь лишённый мстительности. Таким и должен быть правильный слуга. Ведь Кох — слуга, простолюдин с Рейна. Он служил фюреру умело и преданно: ловил желания на лету и делал больше, чем приказывают. Конечно, воровал, но слуги всегда воруют — на этот счёт фон Дитц иллюзий не имел.

Мужчины из рода фон Дитцев в течение трёх веков командовали полками у различных герцогов, курфюрстов и кайзеров, а в жёны брали девушек из Саксонии, чтобы их изяществом смягчить суровое прусское воспитание. Ко временам Бисмарка род совсем обеднел. Но Гуго фон Дитц при гауляйтере Кохе стал обладателем фольварков, мастерских и рыбоконсервной фабрики. У него появились особняк с большим гаражом неподалёку от Эрих-Кохплац в Кёнигсберге, свой самолёт в ангаре Девау, охотничьи угодья в Роминтенской пуще, вилла на побережье в Раушене и яхта. Его любовница пела в опере, и в лучшем офицерском казино ему всегда предоставляли кредит.

Гауляйтер Кох покровительствовал ему, однако фон Дитц трезво понимал причины. У Коха, слуги, не было врождённого достоинства аристократа, не было модного интереса к аэропланам, глиссерам и гоночным автомобилям, не было уверенности, что самые красивые женщины непременно выберут именно его. Нацисты были правы в том, что господство — в природе человека. Да, Кох принадлежал к народу господ, но не к человеческому виду повелителей. Одаривая фон Дитца, он как бы доказывал самому себе своё превосходство. А фон Дитц принимал дары, потому что это было в его природе, но

дарителя не уважал. И жертвовать жизнью ради него намерения не имел. Он хотел, чтобы русские просто не помешали ему сделать нужный шаг.

А Володя торопился продолжить допрос, пока пленник говорит:

— Зачем вы пришли сюда, го-господин Дитц?

— За племянницей Людерса. Старик потребовал взять её с нами.

— Куда с вами? — похолодел Володя.

— Людерс и гауляйтер выйдут в море. Там их подберёт судно. Разумеется, Людерс не вернётся домой. И он пожелал захватить с собой племянницу.

Фон Дитц подумал, что идея бегства в Уругвай или Аргентину сама по себе неплохая. Но что лично ему делать в Монтевидео или Буэнос-Айресе? Водить такси? Жить в съёмной конуре в трущобах? Раз в месяц покупать проститутку? Жалкая участь. Тем более что даже она теперь недоступна. У русских его ждёт пуля в затылок. В лучшем случае тюрьма или Сибирь.

— А где Лигуэт? — из полумрака спросил Клиховский.

Володя посмотрел на него с непониманием. Фон Дитц шевельнулся.

— Мне знаком ваш голос, — сказал он. — Покажитесь.

Клиховский поправил фонарь, чтобы его лицо попало в луч.

— А, это вы... — протянул фон Дитц. — Восхищён вашей потрясающей живучестью! Значит, не напрасно я избавил вас от петли в Штутгофе.

— Где Лигуэт? — бесстрастно повторил Клиховский.

— Ваша игрушка у Людерса, — печально улыбнулся фон Дитц. — Этот простак намеревается снова торжественно вручить её гауляйтеру.

— Про что вы го-говорите? — вклинился Володя.

— О, это такая давняя история... — вздохнул фон Дитц. — Господин солдат, дайте мне сигарету. Только мою, пожалуйста, русские не для меня.

Володя раскрыл портсигар фон Дитца и вынул сигарету.

— Разрешите я сам возьму, — виновато сказал фон Дитц. — Чужие пальцы, знаете ли... Я брезглив.

Володя фыркнул и протянул портсигар. Фон Дитц поднял связанные руки, неловко выколупал сигарету и сунул в рот. Володя чиркнул зажигалкой.

Лицо немца, озарённое огоньком зажигалки, внезапно исказилось. Рот страдальчески изогнулся, и сигарета выпала. Глаза полезли из орбит, точно их изнутри выпирала какая-то сила. Фон Дитц захрипел, оседая набок.

«Яд!» — понял Володя. В сигарете адъютанта была ампула с ядом!

Володя схватил немца за одежду на груди, словно мог удержать от смерти, как от падения. Но фон Дитца уже трясло в агонии.

А Клиховский смотрел на умирающего адъютанта с мистическим ужасом. Клиховского словно опять возносило на какой-то тёмной и мощной волне. Всё это уже однажды произошло! Когда-то он уже терял проводника к Лигуэту!.. Ощущение можно было принять за дежавю, но Клиховский совершенно точно знал: пробуждённое воспоминание — не из его жизни. Оно из жизни предка, из родового наследия... или из родового проклятия. В перемещении смутных пространств и неясных образов медленно всплыло забытое имя: Хубберт!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В этой келье даже в полдень царил полумрак: тонкие роговые пластины в резном переплёте каменной рамы почти не пропускали света. В замке было зябко и летом, а зимой зуб на зуб не попадал, и перед работой Сигельд отогревал чернильницу на груди под накидкой-юбервурфом. Иней затягивал тёмные углы каморки, свод зарос изморозью, и багровые кирпичи от стужи казались сизыми, как мороженое мясо. Но Рето не роптал и ни о чём не жалел. Может, его согревала близость Сигельда. А может, солнце Палестины.

Всё вокруг меркло, и сквозь страницы хроник Рето видел синее море и сказочную Акру — её грязные дома, рынки, мечети, порт и башни крепости. Рыцарское войско осаждало город, изнывая от жары и зловония, ползущего из трупного рва у Проклятой башни. Крестоносцев косила малярия, не щадившая ни вельмож, ни епископов. Под стенами Акры купцы из Бремена и Любека устроили лазарет для соотечественников. Его разместили в старом корабле, брошенном у прибоя. Вокруг лазарета сложилось братство немецких рыцарей. Оно и стало Тевтонским орденом — третьим орденом в Святой

земле. Рыцари ордена Храма, тамплиеры, разделили с тевтонцами долг борьбы с язычниками, а рыцари ордена Святого Иоанна, госпитальеры, — обет спасения немощных.

Рето читал Сигельду орденские хроники и думал, что в каком-то смысле Сигельд тоже немощный. Он слаб духом. Он боится. Как брат Тевтонского ордена, Рето обязан защитить и спасти его.

Рето не мог забыть поцелуя, которым одарил его Сигельд, когда погибал Средний замок. В том порыве, несомненно, приоткрылось нечто большее, чем простая благодарность. И однажды вечером, прощаясь после долгой работы над рукописями, Рето вернул Сигельду то, что получил от него в армато-риуме.

С тех пор в их келье было тепло, хотя декабрь не обратился в июль. Рето иногда гладил друга по волнистым волосам, в которых горели искры от свечи, и чувствовал, что душа итальянца доверчиво предаётся его душе, будто ищет убежища. Ничего иного не случалось, но уста Сигельда безмолвно тяжелели.

Сигельда угнетала осада замка. Понятно, что от поездки в Пруссию он не ожидал такой опасности. Рето представлял себе благословенную Италию, где никогда не бывал. Там всё в цветах и зелени, а храмы и крепости как бы воздушные — сотканые из хрупких каменных кружев. Итальянские рыцари изящны и учтивы; они окованы тонкой и блестящей фигурной бронёй и не сражаются, а танцуют, кланяясь своим благородным соперникам.

— Мы погибнем? — как-то раз тихо и печально спросил Сигельд.

Вот тогда Рето и обнял его, ощущая себя огромным и могучим:

— Нет, мы не погибнем.

Он не хотел, чтобы причиной их любви стал страх смерти.

— А кто нас спасёт? — Тоскующие глаза Сигельда умоляли о надежде.

Рето знал, в чём заключается надежда. В Ордене об этом знал не он один, хотя посвящённых было немного: магистр, комтуры и капеллан брат Этцель.

— Если хочешь понять, надо читать хроники, — мягко пояснил Рето.

Всё началось там, на Святой земле, ровно двести лет назад. Тогда Акру охватило безумие — война христиан. Алчные торговцы Венеции разодрались с ненасытными торговцами Генуи. За генуэзцев вступились госпитальеры, а за венецианцев — тамплиеры и тевтонцы. По кривым улочкам Акры двинулись огромные осадные машины, разваливая дома на груды кирпичей. Тучи пыли и дыма заволокли знойную синеву небес, и над плоскими крышами полетели камни, выброшенные баллистами. Отряды латников рубились на глинобитных площадях перед мечетями, соборами и синагогами. В конце концов генуэзцы и госпитальеры потерпели поражение. В разорённой обители святого Саввы тевтонские рыцари обнаружили святыню госпитальеров, брошенную теми при бегстве, — меч Лигуэт из сокровищницы Тивериады.

Сигельд внимал затаив дыхание. А Рето забыл о полутёмной келье и тающем огоньке свечи. Он был сейчас на другом краю земли, в изнурённом жарой Леванте, в страстных временах крестоносцев. Он не слышал, как за окном вдоль багровых стен Мариенбурга свистят холодные жулавские ветры.

Тевтонцы укрыли заветный меч в своей резиденции — в замке Монфор, что стоял среди высоких холмов Галилеи, заросших ливанскими кедрами, на крутом и скалистом отроге. Но уединённому замку стали угрожать мамлюки султана Бейбарса. Бешеные воины с тюрбанами вокруг острых шлемов брали твердыни крестоносцев, будто срывали яблоки с яблони. Вскоре они осадили Монфор. Они влезли по склонам холма и обрушили переднюю стену замка. Тевтонцы отступили в цитадель. Силы были неравными, а подземные кирпичные цистерны Монфора обсохли без воды. Но сокровищницу Ордена оберегал рыцарь Конрад фон Фейхтванген. Он и взял в руку Лигуэт.

— Чем мог помочь один меч против тысяч? — удивился Сигельд.

Глаза Рето зажглись тёмным пламенем торжества. О, сокровище Ордена! Меч, рассекающий всё на свете и освобождающий от вины!.. Но не только!

— Этот меч создаёт воинов, которым нет равных, — прошептал Рето. — Греки называли их анастифонтами. Если вонзить Лигуэт в сердце человеку, то человек умрёт и станет анастифонтом. Он исполнит любой приказ того, кто владеет священным мечом. Он не изменит, не обессилит и ничего не убоится. А когда Лигуэт принимает в своё сердце немец, он воскресает тевтоном.

Двенадцать рыцарей в осаждённом Монфоре открыли сердца для удара Лигуэта, и защитники замка были спасены. Как дикие демоны самума, двенадцать тевтонов прорубили для товарищей путь сквозь ряды мамлюков, и рыцари Монфора вырвались из окружения. Они вынесли с собой и Лигуэт.

— Войну не выиграют даже великие воины, — сказал Рето. — И народ не покорить единственным ме-

чом, пусть и священным. Но Лигуэт — перо ангела. Порой достаточно и лёгкого пера, чтобы чаша весов перевесила. И слабому человеку всегда нужна вера, что это перо, когда надо, опустится в его чашу.

— Тот ангел был падшим.

Рето не заметил, что Сигельд знает больше, чем ему было рассказано.

— Вот потому Лигуэт хранится в соборном реликварии, а не вложен в ножны у пояса Верховного магистра.

Конрад фон Фейхтванген понял, что мамлюки изгонят крестоносцев. Он забрал Лигуэт и покинул Палестину. Он возглавил войско Ордена в Пруссии. В этой дикой стране Конрад увидел новое отечество для тевтонцев. Потеряв один замок — Монфор, он основал другой — Мариенбург. Через несколько лет племянник Конрада, Верховный магистр Зигфрид фон Фейхтванген, перевёл столицу Ордена в Мариенбург и поместил Лигуэт в реликварий собора.

— Он и сейчас там? — спросил Сигельд. — Его никто не брал?

— Его извлёк только Генрих фон Плауэн. И я рассказывал тебе зачем.

— Он отстоял Мариенбург после поражения под Танненбергом?

— Да, — кивнул Рето. — Фон Плауэн взял меч и создал четырёх тевтонов, которые во время штурма отбили у поляков Резную и Войтовскую башни. Тех тевтонов поляки изрубили на куски, но защитники замка вернули себе ворота и спасли свой дом. Однако для старых рыцарей, которые не видели страшного поля под Танненбергом, поступок фон Плауэна был святотатством. И магистра бросили

в тюрьму. А священный Лигуэт и ныне лежит, где и должно.

Сигельд вскочил из-за стола и прижался горячим лбом к холодной стене.

— Скажи, любимый, — глухо попросил он, еле сдерживая рыдания, — если придёт беда, магистр Людвиг осмелится поднять Лигуэт и спасти нас?

Рето подошёл сзади, обнял Сигельда и поцеловал в висок.

— Я не знаю, мой свет, осмелится ли ради нас брат Людвиг, — прошептал Рето. — Но я ради тебя осмелюсь.

Каетан уже ни о чём не спрашивал — дьяволу самому хотелось поболтать. Отсюда, из Мальборка, в дурных снах Каетан опять переносился в корчму при форбурге замка Бальга, где в очаге застыли языки огня, а хель не проливался из падающего кувшина. Каетан покорно слушал рассказы Бафомета.

— Знаешь, сколько я его ищу? — усмехаясь, говорил Бафомет. — Столько и Мафусаилу не прожить! А два века назад я решил, что его забрали тамплиеры, когда ограбили госпитальеров во время драки за Акру. Но как пробиться через кресты храмовников? И тогда я напустил на Акру мамлюков султана Халиля.

Полчища мусульман окружили Акру. Четыре недели «чёрные быки», баллисты Халиля, обстреливали город валунами и тёсаными ядрами. Наконец башни крепости расшатались под ударами каменных глыб и начали рушиться. Мамлюки хлынули за стены. Крестоносцы сражались за каждую площадь, за каждую улочку и за каждый двор. Пыль смеша-

лась с кровью в бурое тесто. Звенела раскалённая сталь, трещали пробитые щиты, вопили раненые. Воины карабкались по кучам шевелящихся тел. В схватке за Проклятую башню были повержены магистры тамплиеров и госпитальеров. Белый плащ с красным крестом и красный плащ с белым крестом одинаково были втоптаны в грязь. Последние тамплиеры укрылись в замке Тампль — цитадели храмовников. Мамлюки пошли на приступ, и тамплиеры сами обрушили замок, похоронив и себя, и своих врагов. Так завершилась кровавая сказка Крестовых походов.

— Я думал, что Лигуэт лежит под руинами замка, — вспоминал дьявол. — Десять лет как батрак я ворочал обломки Тампля, пока не увидел, что меча там нет! Значит, кто-то из храмовников ещё до падения Акры увёз его в Европу!

Орден тамплиеров не развеялся как пепел по ветру. Он возродился во Франции под покровительством двуличного короля Филиппа Красивого.

— Я всё равно добрался до них, — с удовольствием сообщил Бафомет. — Я оклеветал их. Смешно признаться, мой друг, но я обвинил тамплиеров в том, что они поклоняются мне, а не Тому, Кого я не называю. И пало чёрно-белое знамя Босеан. В пятницу тринадцатого, в мой любимый день, воины короля схватили магистра Жака де Моле. Его бросили в тюрьму и подвергли пыткам. Я сам вбивал клинья в «испанские сапоги» магистра, слушал его звериный вой и доподлинно выяснил, что Лигуэта у храмовников действительно не было. Де Моле сказал мне, что моим мечом, должно быть, завладели тевтонцы.

Дьяволу пришлось начать поиск заново. А задача оказалась непростой. Дьявол упёрся в рыцаря

Бурхарда фон Швандена, мужа сурового и упрямого.

— Я тебе со всей прямою скажу, мой друг: честь хуже веры! — доверительно вздохнул Бафомет. — Веру можно обмануть, а честь не обойти.

Фон Шванден был избран магистром Тевтонского ордена за несколько лет до гибели Акры. Он жил одной страстью — освобождением Палестины. Но Орден примерялся к другой стране — к Пруссии. Немцы покорили её холодные пуши, подавили восстания, и пришло время пожинать плоды. Делами Пруссии занимался комтур Конрад фон Фейхтванген, хранитель Лигуэта. Он отказался помогать магистру войсками. Его заботила война в Ливонии, а не в Леванте.

Оскорблённый в своей вере, фон Шванден отринул звание Верховного магистра и сбросил с плеч герренмантель с чёрным лапчатым крестом. Он вступил в орден госпитальеров. А вероломных тевтонцев он проклял: предрёк им распад их братства и бесприютные скитания до бесславной смерти. Но через год мамлюки завоевали Акру, изгнав крестоносцев со Святой земли, и без пристанища остались не тевтонцы, а тамплиеры и госпитальеры.

Дьявол решил, что Лигуэт находится у фон Швандена. Всё-таки тот был магистром! В подземельях Парижа ещё метались крики тамплиеров, которых на пытках палачи рвали клещами и жгли огнём, а Бафомет легко переместился на лучезарное Средиземное море. Здесь госпитальеры вели очередную войну за своё будущее отечество и выбивали греков из белокаменных крепостей острова Родос. Бафомет отыскал старого фон Швандена в воинском лагере под стенами главной твердыни острова. Бывший магистр не испугался дьявола. Он вы-

ставил дерзкое условие: если госпитальеры получат крепость — новую столицу для своего ордена, он, Бурхард, скажет, где спрятан меч Сатаны.

— Вы, рыцари, все одинаковы, — сказал Бафомет Каэтану. — Фон Шванден поменял мне меч на Родос, а ты хочешь поменять на Мальборк. Скучно это!

Дьявол наслал на защитников Родоса мор и язву. Греки не выдержали испытаний и открыли ворота крепости. Так госпитальеры полностью овладели островом — обрели родину. Однако фон Шванден всё равно не выдал Бафомету тайну библейского меча. Тевтонцы хоть и отступники, но тоже христиане! Для крестоносца натравить на христиан Сатану — это поругание чести.

— Упрямый был старикан, — рассыпался в смехе Бафомет. — Думал, мне его никак не взять. Стану пытаться — умрёт, и душа его улетит в рай. Но я и не таких ломал. Гордыня — вот путь к падению любой праведности.

Бафомет пробрался к Бурхарду и рассказал ему о тевтонцах. Рассказал, что Конрада фон Фейхтвангена избрали Верховным магистром; рассказал, что тевтонцы, как и госпитальеры, тоже обрели новую родину — Пруссию и вошли в новую столицу — Мариенбург. Всё у них прекрасно: страна — огромная, враги разбиты, море под боком, а столица неприступна. И бывший магистр уже не сумел стерпеть такой обиды от судьбы. Он заболел, слёг и вызвал Бафомета к смертному одру. Если небо глухо, пускай преисподняя покарает изменников! Бурхард сказал, что Лигуэт увёз из Монфора Конрад фон Фейхтванген. Потом Бурхард фон Шванден закрыл глаза и умер. Это было 27 июля 1310 года.

А дьяволу надоело носиться за Лигуэтом, и он сотворил инкуба. Инкуб получил ровно сто лет — этого должно было хватить, чтобы вернуть меч.

— Не хватило? — с потаённым злорадством спросил Каетан.

— Не хватило! — развёл руками Бафомет в искреннем изумлении.

Встречи с Бафометом тяготили Каетана. Да, связь с дьяволом не была сделкой, и он, Каетан, ничем себя не обременял: за него всю работу выполнит суккуб. А тевтонцев ему не жаль. Они заслужили кару. Однако в праведной мести он, Каетан, оказался на стороне Царя Тьмы — это и угнетало.

Высокий замок был окружён четырьмя линиями крепких кирпичных стен, и Орден отступил на первую линию, включавшую фортификацию ворот, две башни, могучий данцкер с боевой галереей и мельницу. Просторная луговина за Ногатом опустела: король Казимир не выдержал осадной скуки и увёл свои войска, оставив с таборитами надёжную Торуньскую хоругвь.

Рето иногда поднимался на бургфрид и с высоты смотрел на зимние тучи и тёмную реку, изгибающуюся среди оголённых перелесков и белёсых лугов. С болью и обидой Рето думал, что поляки считают орденские порядки ржавой рыцарской цепью, опутавшей их вольность. Но Орден — отец этому простору. Он покори́л Пушу и Поморье, он даровал веру, мир и процветание. Он не тратил себя в усобицах, не дробил владения между наследниками, не распылял богатство в затеях тщеславия. Да, Орден суров. Отец и должен быть суровым, как Ветхий Завет. Но люди погрязли в гордыне. И сей-

час Данциг куёт золотой топор, чтобы разрубить святую цепь. Король ждёт денег Данцига. Табориты ждут денег короля. А чего ждут рыцари? Божьего заступничества? Видит ли его знамение Дева Мария, что стоит на всех ветрах у стены собора? Есть ли надежда в её огромных каменных очах, или там только лёд и гнев?

В тот страшный день, когда бесповоротно поднялся мост над сухим рвом, Рето протащил Сигельда через входной тоннель Высокого замка в клуатр — открытый двор, окружённый двухъярусными галереями. Магистр Людвиг и рыцарь Хубберт остались сражаться в Среднем замке возле магистерского дворца. Рето уже готов был оплакивать их, но брат Этцель, капеллан, сердито встряхнул его за плечо: старые воины не отдадут свои жизни богемцам! Так и вышло. Через час магистр и Хубберт, шатаясь от усталости, тоже выбрались в клуатр из винного погреба. Мечи их были иззубрены, латы иссечены, а плащи-герренмантели превратились в лохмотья, бурые от чужой крови.

...Отбиваясь, они пятились в глубь дворца. В тупике под капеллой Святой Екатерины они сдвинули сундук, и под ним открылся подземный ход. Магистр лампадой из капеллы освещал себе дорогу по галерее с кирпичными стенами, а полуслепой Хубберт знал путь на ощупь. Он заранее заготовил тут бочонок с порохом. Магистр поставил на него лампаду. Когда рыцари впотьмах добрались до лаза, ведущего в винный погреб Высокого замка, до них донёсся отдалённый гул взрыва и мощного обрушения. Подземный ход был завален.

Магистр фон Эрлихсхаузен, как и прежде, возглавил оборону замка.

Замок был прекрасно снабжён всем, что нужно для долгой осады. Вино, масло, солёное мясо, мешки с зерном и горохом, дрова, сотни арбалетов и связки толстых стрел, испанские аркебузы и французские кулеврины... Водой обеспечивал колодец в клуатре. Для обороны не хватало только людей.

Всех свободных от караула магистр Людвиг собрал в зале конвента.

— Мы — немцы, — сказал он, — и потому ни в чём не уступим мятежникам. Замок будет жить по Статутам. Послабления недопустимы.

И жизнь замка подчинилась прежнему уставу. Колокол-кампан на бургфриде отбивал время. Братья сходились на мессы и выполняли работы. При скудных трапезах чтецы читали о подвигах доблестного Гюнтера фон Арнштайна. Магистр приказал не обогревать dormitorio, общие спальни рыцарей, и братья спали в холоде, чтобы всегда быть наготове. Никто не имел права на снисхождение: если брат на трапезе просил добавку, то на следующей трапезе получал ещё меньше; если был недоволен заношенным юбервурфом, то при следующей смене одежды принимал ещё большую рвань; если желал передышки в трудах, ему увеличивали урок. Так сурово тевтонцы жили всегда.

Все обязаны были нести караул. Однажды в галерее, ведущей к данцкеру, Рето увидел призрак польской княгини Жулиты. В открытые бойницы галереи врывалась вьюга, летучий снег закрутился столбом, и в нём проступили черты прекрасной жены. Это и была Жулита. Когда-то её супруг попал в плен и сидел в «железной келье» Мариенбурга; любящая княгиня хотела освободить его и пробралась в замок в одеяниях монаха, но её разоблачили и замуровали в стене галереи заживо. С тех пор мя-

тежный дух Жулиты и бродит здесь по ночам. Он может проклясть рыцаря преступной любовью. Но Рето не боялся призрака.

Да, братьям Ордена любовь к женщине была запрещена. Нельзя обнимать даже сестёр и матерей. И ничто не в силах отменить этот закон. Когда магистр Конрад фон Юнгинген умирал от желчекаменной болезни, лекарь сказал ему, что исцеление — в близости с женщиной. Господь простит. Но магистр сам не позволил себе отступничества от обетов и умер. Способен ли Рето на такое?

Для рыцарей Ордена избавлением от терзаний была святая Варвара. Дочь финикийского царедворца Диоскура, она славилась своей красотой. Высокое взывает к высокому, и Варвара приняла веру в Христа. Диоскур же впал в неистовство: обнажив деву, он истязал её и бичевал кнутом, а потом отсек ей голову. За это Диоскура сожгла молния. Рето колотила дрожь, когда он думал о блистающей наготе Варвары. Для братьев Ордена эта мученица была той Прекрасной Дамой, которой поклоняются рыцари в миру. Рето уповал, что когда-нибудь на него снизойдёт милость небес — к нему явится Варвара и удостоит облобызать колено или десницу. Но явился трепетный Сигельд.

Караулы отогревались у воротной арки, закрытой поднятой плоскостью большого моста. Здесь стояла жаровня с тлеющими углями. Рето протягивал к теплу замёрзшие ладони и рассматривал свисающую сбоку цепь с чугунными шарами — противовесами малого мостика для пешех. В аду ликующие демоны повесят на него, на Рето фон Тиендорфа, такие же ядра, чтобы он бесконечно тонул в огненной и бездонной геенне, принимая возмездие за свой грех.

Орден был строгим, но великодушным. Он умел прощать тех, кто кается. Прощение исключалось только за три греха. За трусость обезглавливали. За переход в магометанство изгоняли. За содомию бросали в темницу до конца жизни. А несчастный Рето уже прелюбодействовал в сердце своём.

Рето не мог поверить, что он — содомит. Его никогда не прельщали юные послушники, не тянуло покориться воле зрелого мужа. Но неужели в его душе пряталось отравленное семя, которое сейчас взросло ядовитым цветком? Не может быть! Он так истово молился — разве не уловил бы смрада греха? Нет, он слышал только благоухание. Сигельд был слаб, словно дева. В осаждённом замке он казался обречённым на гибель, как святая Варвара в доме Диоскура. И Рето хотел всего лишь защитить друга от угроз. Рядом с ним Рето ощущал себя не козлоногим сатиром, распалённым похотью, а доблестным Гюнтером фон Арнштайном! Да, он брат-священник, а не брат-рыцарь, но любой брат Ордена — всегда воитель. Он, Рето фон Тиендорф, вскормлен историей Ордена, и он не может не быть воином, воином духа! Любовь к Сигельду не сокрушала его добродетель, а укрепляла его доблесть! И что же ему делать? Что делать?..

Бродячим таборитам редко выпадало зимовать с таким удобством. Обоз разместился в Нижнем замке, а войско — в Среднем. Табориты заняли гостевые палаты, покои комтура и магистерский дворец, а полякам Торуньской хоругви уступили опустевший фирмарий. Продовольствия и пива, фуража и дрон захватчикам хватило бы на целый год. В замке имелись пекарня, кухня и баня. Печи-гипокаусты подо-

гревали полы. И нужники у немцев были устроены в башнях, чтобы не мёрзнуть с голым задом на ветру. Только вот потребовалось отмыть кровь с каменных плит и заколотить досками разбитые окна.

Ульрих Червонка поселился, разумеется, в жилище магистра. Он так и не выяснил, как эта девка попадает к нему. Нетопырем влетает в окно? Впрочем, даже если она призраком проплывает сквозь кирпичную кладку — плевать.

— Ты ведьма? — как-то раз спросил её Червонка.

— Хочешь — считай ведьмой, — отмахнулась Сигельда.

Для Червонки она сделалась потребностью, подобно человеческой крови для упыря. Упырь ведь не бросался на любого встречного. На глухих дорогах Валахии или Шумавы упыри держат постоянные дворы и любезно привечают путников, не причиняя зла, но рано или поздно они всё равно вынуждены кого-нибудь убить. И Червонка тоже по нескольку дней жил обычной жизнью, но в нём неотвратимо копилась угрюмая жажда, а Сигельда освобождала его.

— Чего тебе надо от меня, сука? — спрашивал Червонка.

— Высокий замок! — смеялась Сигельда, блестя во тьме зубами.

Высокий замок угрюмо нависал над Средним замком, непроницаемый, как заколдованная скала. Внутри сидели рыцари-мизгири, но стены их убежища невозможно было пробить. И золото эти стены тоже не разомкнёт.

— Мы расчищаем подземный ход, по которому сбежал их главный паук.

— Твои воины там не пройдут. Немцы встретят их и перебьют поодиночке.

— Ты дура. Ты не знаешь нас, таборитов.

— Я знаю, как легко слетает с плеч любая голова. Моя уже слетала. И я открою тебе другой путь к мизгирям. — Сигельда запустила пальцы в кудри Червонки. — Будь готов. Но первой в замок должна войти Торуньская хоругвь.

— Почему это?

— Среди поляков — тот, кому я служу.

— Он твой любовник? — тотчас хищно насторожился Червонка. — Кто он?

— Никто.

— Я завтра же перебую всех поляков прямо здесь!

— Тогда польский король не заплатит тебе ни гроша, а я уйду. — Сигельда ухмыльнулась. — Лучше не ревнуй, рыжий. Сделай, как говорю, и тогда я твоя.

— Потом я тебя разорву, дрянная девка, — хрипло прошептал таборит.

— Это я тебя разорву.

Конечно, Ульрих Червонка не догадывался, что его любовница — суккуб, поднятый из могилы на Кладбище Обезглавленных в Кёнигсберге. А Каетан помнил об этом и не обманывался ни на миг, даже когда суккуб менял личины.

Шляхтичи Торуньской хоругви расположились в фирмарии — приюте для престарелых и лазарете. Сводчатые покои здесь пропахли травами и воском, но это благоухание перебила кислятина пролитого на попойках вина. Панам рыцарям было скучно. Они бражничали, играли в кости и сражались на тупых мечах. Плиты пола затоптали грязью, а в углах валялись объедки. Обычно к середине ночи молодые паны утомлялись и падали на свои ложа. Оруженосцы стаскивали с рыцарей сапоги и залезали спать под кровати. А Каетан тайком прокрадывался

в башню Курья Нога, соединённую с фирмарием галереей.

Сигельда залезала в разбитое окно, хотя это окно находилось на высоте восьми сажен над оборонным рвом. Иной раз она втаскивала в башню какого-нибудь полуживого человека — так лиса втаскивает в нору изловленного зайца. Наверное, пленниками были жители Мариенбурга. Сигельда бросала жертву на пол, гибко наклонялась к горлу, прокусывала яремную вену и пила кровь.

— Я должна есть живое, жалкий падальщик! — зло шипела она Каетану.

Каетан смотрел как заворожённый. Что случится, если перекрестить эту тварь?.. Но руку он не поднимал. Не для этого он связался с дьяволом.

— Как ты не издохла? — спрашивал Каетан. — Замок — это же монастырь!

— Я — зверь своего Господина. За мной — воля Ваала! Я всё вытерплю!

— И святую воду? И причастие? И крестное знамение?

— Меня не убить вашей благодатью. Причастие — просто пойло и корки. Кресты — деревяшки. Молитвы — бред. Святая вода — кухонные ополоски.

Каетан не верил. Демоны тоже уязвимы. Инкуб, созданный дьяволом до Сигельды, не уступал ей в силе и хитрости, но не справился, хотя кружил вокруг Мальборка целое столетие. Об этом Каетану поведал сам Бафомет. Тот инкуб даже убил магистра, но кто-то из тевтонцев всё равно уничтожил его.

— Ты лжёшь, — убеждённо сказал Каетан. — Тебя можно победить.

Сигельда жадно сосала кровь жертвы. Человек, умирая, крупно задрожал. Сигельда наконец оторвалась от его горла и поглядела на Каетана:

— Пускай Тот, кого мы не называем, спустится сюда и сразит меня — и я паду. Но он не спустится к немцам. Он от них отвернулся. А на его вещи я не покушаюсь. Я разыскиваю другую вещь, не его. И ты её добудешь.

— Ты уже нашла Лигуэт? — вскинулся Каетан.

— Я узнала, где он. — Сигельда вытерла кровь с лица. — В вертепе, в ящике с безделушками. Скоро я открою путь в замок, а Червонка пропустит вперёд поляков. Ты возьмёшь меч моего господина и потом отдашь, как обещал.

Сигельда принялась облизывать окровавленные ладони длинным языком. Из темноты разбитого окна тянуло могильным холодом.

— Ты служишь Сатане лучше, чем я — Богу, — горько признался Каетан.

Сигельда встала и за шкуру приподняла мертвеца — трупы она уносила с собой, иначе рыцари заподозрят, что в Курьей Ноге творится неладное.

— Я бы всё сделала и без тебя, сама, — торжествуя сказала она. — Но я не могу прикоснуться к вещи моего хозяина. А ты не служишь никому, кроме себя. Ты забыл, что ради твоего господина у моего хозяина ничего не просят.

Тьма почти поглотила его, но Хубберт не горевал. На что смотреть? Как всё мельчает и гибнет? Тьфу! Когда молодого Хубберта опоясали рыцарским мечом, когда его плечи окутал белый герренмантель с чёрным крестом, Орден был грозным и могучим. Весь мир преклонялся перед ним. Магистр головой касался небес. А что потом? Потом была битва под Танненбергом, в которой дьявол выкосил славу Ордена. И быть зрячим Хубберту больше не хотелось.

Он готовился к смерти. Он уже исповедался и причастился, осталось дожидаться полночного звона с бургфрида. Именно туда заманивает его дьявол. Понятно, почему. Замок полон людей, и прикончить старика втайне от всех дьявол может только в пустой башне. Он, Хубберт, давно убеждал магистра, что дьявол пробрался в Мариенбург под личиной итальянца, но магистр не верил. Однако старый Хубберт с Божьей помощью сам изгонит Князя Тьмы.

В его появлении Хубберта окончательно убедило полнолуние.

Полная луна сияла и в канун сражения под Танненбергом. Тогда многие воины видели знамение на диске волчьего светила: тень короля сражалась с тенью монаха, и король победил — сбросил монаха вниз. Небесное ристалище предвестило торжество Люцифера. Похоже, что на такую же яркую полночь дьявол уповает и ныне. Это выдало его с головой.

Вчера дьявол остановил Хубберта возле рефектория, обеденного зала.

— Не сочти за дерзость, брат мой. — Дьявол смиренно поклонился. — Я скорблю о твоей слепоте. Но есть способ избавления. У нас в Италии небесные тела спелые, как райские плоды, и мудрецы применяют их огонь в целительстве. Бельма снимают полной луной. Прошу тебя, попробуй моё средство. — Дьявол протянул какую-то бумажку. — Надо в двенадцатый час на самой высокой башне семь раз прочесть вот эту молитву святой Елене. Я переписал её для твоего зрения большими литерами. Равноапостольная жена поможет.

Хубберт сложил листок вчетверо, сунул в рукав и ухмыльнулся. Напрасно Сатана полагает, что старый рыцарь выжил из ума и попадётся в его ловушку!

Хубберт сидел в своей каморке без лампы, точил кинжал-мизерикорд и размышлял. Он сразу опознал в итальянце Зверя — ещё когда тот припёрся в часовню, чтобы полюбоваться могилой Ульриха фон Юнгингена, сражённого им под Танненбергом. Хубберт мрачно вспоминал давнюю великую битву.

Такого огромного войска Орден не собирал никогда. Чёрно-белые ряды тевтонцев под жарким солнцем июля вытянулись по зелёным холмам близ деревушки Танненберг и благородно ждали три часа, пока враги построятся. Польский король Ягайло, тоскуя, дважды отслужил мессу, а князь Витовт, грубый литвин, потерял терпение и кинул своих всадников в атаку.

Оба войска неудержимо втянулись в сражение. Рыцари топтали латников конями, поляки рубили рыцарей секирами, кнехты сшибались со шляхтой. Сеча перемалывала людей целыми кучами, словно медведь лапами загребал малину. Над бранным полем метались птицы, оглушённые звоном железа, лошадиным ржанием и рёвом тысяч людей. Верховный маршал Фридрих фон Валленроде смял фланг поляков. Упала алая хоругвь Ягайло с коронованным белым орлом. Казалось, что полякам конец. Но князь Витовт ответил ударом на удар, и литовское копье пронзило маршала фон Валленроде — по томка проклятого магистра Конрада. Ярость поляков утроилась: по кровавым травмам и мёртвым телам воевода Зындрам, вздымая хоругви, начал теснить тевтонцев. Окружённый врагами, рухнул Великий комтур Куно фон Лихтенштейн.

Орден ещё мог переломить ход сражения. Молодой рыцарь Хубберт был рядом с магистром Ульрихом и слышал, как тот приказал рыцарскому резерву идти в прорыв на шатёр короля. Но среди рыцарей словно из-под земли вдруг появился вражеский во-

ин. Выставив копьё, он сквозь войско полетел прямо на магистра. Хубберт навек запомнил лицо этого ратника — ясное и страшное, как сама смерть. Копьё вышвырнуло магистра из седла, будто стенобитное орудие.

Без магистра битва была проиграна. Это произошло 15 июля 1410 года.

Старый Хубберт точил оружие в темноте, но по его суровому лицу словно пробежали пятна июльского солнца — отсветы того давнего дня.

Он отплатил дьяволу за гибель магистра. И его плата не запоздала. После разгрома Ордена комтур Генрих фон Плауэн собирал уцелевших рыцарей, чтобы оборонять Мариенбург. Дьявол выдал себя за воина из танненбергской битвы и таким образом проник в замок. Хубберт случайно встретил его на стене у Воробьиной башни — и тотчас узнал. Они смотрели друг на друга всего одно мгновение, а потом оба выхватили мечи. И молодой Хубберт оказался быстрее. Он первым вогнал сталь в горло врага. Дьявол рухнул на колени, с изумлением глядя на победителя, и почти беззвучно произнёс странные слова:

— Сто лет прошло?..

Тотчас его тело начало истлевать и разваливаться, словно труп и вправду было сто лет. И вскоре в упавшей кольчуге остались только гнилые кости.

Хубберт был уверен, что убил дьявола. Оказалось — лишь изгнал.

Он ковылял по тёмным подвалам замка — эти камеры, залы и переходы, ступени и сводчатые проёмы Хубберт знал так, как знают разве что крысы. В темноте он безошибочно добрался до винтовой лесенки и поднялся в галерею клуатра, а оттуда прошёл в нижний ярус бургфрида. Здесь сидел караульный. Из отверстия в потолке спускалась ве-

рѣвка, привязанная к рычагу колокола на верхнем ярусе. В нужное время караульный дѣргал за верѣвку, отбивая часы.

— Не спи, мерзавец! — Хубберт пихнул сторожа. — Кто в башне?

— Никого, брат! — испуганно ответил мальчишка-конверс. — Я не сплю!

Слепота обострила все чувства Хубберта. В верхнем помещении он сразу понял, что морозные потоки воздуха из оконных арок ещё не потревожены. Он медленно измерил камору шагами, запоминая пространство для предстоящей схватки. Он не сомневался, что уловит даже самый лёгкий шорох врага, идущего вверх по лестнице. Ладонь чутко лежала на мизерикорде.

Дьявол возник ниоткуда — будто висел под потолком рядом с колоколом, как нетопырь. Он тяжко рухнул Хубберту на плечи, огромный и непонятный в движениях, словно был окутан жѣсткими плащами, но старый рыцарь успел припасть на одно колено и в развороте всё же всадил мизерикорд во врага.

— Сдохни! — прохрипел Хубберт.

Беспощадный удар отшвырнул его к простенку между окон. Оглушѣнный Хубберт зашарил руками по кирпичам, пытаясь найти опору и встать.

— Хороший нож, пригодится. — Хубберт услышал, что дьявол усмехается.

— Однажды я уже сразил тебя!.. — Хубберт еле шептал.

— Это был инкуб, у которого истѣк его срок. Ты много возомнил о себе.

Но Хубберт ничего не хотел узнавать о своём былом промахе.

— Убей меня! — с ненавистью выдохнул он. — Сверни мне шею!

— И не надейся, дурень! — глумливо ответил дьявол. — Ты мне нужен живым! Я унесу тебя, и ты покажешь таборитам подземный ход в замок.

— Не покажу! — в ужасе замотал головой Хубберт.

— Покажешь, — уверенно заявил дьявол. — Под пыткой не смолчишь.

Хубберт застонал от невыносимой досады. У него теперь не было даже кинжала, чтобы воткнуть себе в сердце! А могучая сила внезапно подняла его и легко выдернула из башни сквозь оконный проём прямо в стылую пустоту. Хлопнули, расправляясь, просторные пепельные крылья.

В бездне полночного неба на гранях звёздных изломов сияла нагая луна, окружённая бледным кольцом. Внизу на острых башнях, наклонных кровлях и отвесных стенах замка лежали плоские треугольники света, словно луна болезненно вывихнула мрак и удвоила замок перекошенным отражением. Крылатый демон нёс по воздуху старого рыцаря, а рыцарь отчаянно бился в цепких когтях, пытаясь освободиться, потому что плен был страшнее смерти.

Демона с его непокорной ношей потянуло в сторону собора, где в арке на выпуклости пресвитерия стояла огромная статуя Девы Марии. Библейские очи Девы зажглись багровым и гневным огнём. Двойная молния полыхнула в inferнальной тьме и хлестнула по демону, словно кнутом по бешеной собаке. В беззвучии зимних небес раздался треск и взвился вопль; запорхали тлеющие перья. Обожжённый демон метнулся куда-то назад и от боли разжал когти.

Старый рыцарь полетел сначала вверх, а потом вниз и плашмя упал на кровлю оборонной стены. Уже мёртвый, он съехал по скату и как тряпичная кукла свалился в снег перед усыпальницей магистров Тевтонского ордена.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Клиховский прекрасно знал историю Тринадцатилетней войны, когда прусские города во главе с Данцигом восстали против Тевтонского ордена. Знал, как табориты осадили замок Мальборка. Но дядя Леось, доктор Леон Козловский, рассказал совсем другой сюжет — о рыцаре Хубberte и армариусе Рето. Сюжет о шляхтиче Каетане, который сговорился с дьяволом и поднял из могилы суккуба. Здесь, в кафе под Журавом, Винцент впервые услышал о библейском мече. Отец не открыл тайну рода никому из трёх своих сыновей.

— Он просто не верил, — пояснил дядя Леось. — А тебе надо верить, Вицек.

С Теодором Клиховским, отцом Винцента, дядя Леось дружил с далёких двадцатых годов. Оба они, Леось и Теось, при Львовском университете занимались археологией энеолита. На раскопках древних поселений Покутья, сидя ночью у костра на берегу Черемоша, Теось рассказал другу предание о проклятии рода Клиховских. Рассказал как забаву, как шутку.

Мальчишек Теодора Леон водил на рыбалку и в кино. Отцовскую стезю выбрал только Вицек, млад-

ший сын. Его увлекла история Тевтонского ордена, и дядя Леось помог Вицеку получить место научного сотрудника при Высшей политехнической школе Данцига. В Политехнике Вольного города работали лучшие специалисты по изучению Ордена. Ректор Политехники прислушался к рекомендациям профессора Козловского — премьер-министра Польши.

Винцент полюбил этот город — то ли польский, то ли немецкий. Узкие улицы с цветными фасадами старинных домов: лепнина и завитушки барокко, окна в затейливых переплётках и фигурные фронтоны, скульптура и каменные крылечки. Острые шпили костёлов. Мрачные тевтонские башни. Кованые решётки с тритонами. Набережные каналов и Мотлавы, дребезжащие трамваи, кафетерии, модные пассажи, гудки пароходов и древний звон колоколов.

Здесь Винцент женился на Марии, своей студентке, — на Марутке, на Мышке, на Рысе. В тридцать седьмом у них родился Берчик, Альберт, через два года — Людвичек. Винцент не обращал внимания на шествия нацистов — коричневых штурмовиков и чёрных эсэсовцев, не придавал значения призывам гауляйтера Форстера: «В объятия рейха!», посмеивался над митингами на Майском лугу. Он исхитрился не заметить, как нацисты сожгли синагогу на Михаэлисвег, как покорно опустели витрины многих лавок и магазинчиков, перечёркнутые готическими надписями: «Еврейская свинья».

Утром 1 сентября 1939 года Данциг проснулся от канонады. Германский броненосец «Шлезвиг-Гольштейн», навестивший город с визитом дружбы, из орудий главного калибра громил «Вестерплатте», польскую военно-морскую базу. Гарнизон занял оборону, но не мог одолеть огромного стального дракона, что вторгся в Вольную гавань. А в самом

городе доморощенные эсэсовцы с пулемётами и броневиками осадили польскую почту на площади Гевелиуса. Почталёны, операционисты, кассиры и курьеры отстреливались, укрываясь за баррикадами из посылок и мешков с письмами. Началась Вторая мировая.

Немцы перешли в наступление по всей границе, ударили Польше в спину танками из Мариенбурга. Красная Россия выждала немного и тоже ринулась в Польшу. Большевики и нацисты встретились на линии Керзона. За месяц они разорвали Польшу пополам и уничтожили Польское государство.

— Я навёл справки о судьбах Алека, Теося и Стефы, — сказал Винценту Козловский. — Прими мои соболезнования, Вицек.

Александр, старший брат Винцента, служил в кавалерийской бригаде армии «Лодзь». Сколько Винцент помнил Алека, тот всегда мечтал о ратной славе гусар. В первый же день войны в полях под городом Клобуцк польская кавалерия контратаковала немцев. Немцы ещё не видели такого: на их танки под гордую песню боевого горна неслись всадники с саблями и карабинами. Танки попятись. Но Александр остался лежать в истоптанной пшенице.

Профессор Теодор Клиховский с женой Стефанией жил во Львове и потому оказался на территории советской Украины. Немцы вошли во Львов 30 июня 1941 года. Триумф рейха начался с евреев, повешенных на фонарях, затем айнзацкоманды принялись вылавливать профессоров. Их привозили в парки, некоторых — вместе с семьями, и там пули разбивали польские головы, набитые бесполезным хламом: законами медицины, математики, физики и филологии. 5 июля 1941 года на Вулецких холмах

в кусты шиповника упали супруги Клиховские, историки. Они умерли, так и не узнав о гибели сыновей — Александра и Хенрика. О всех смертях узнал только Винцент.

А дядя Леось, старый друг Теодора и Стефании, переметнулся к немцам. Он считал, что это правильно, и сейчас предлагал Винценту поступить так же.

Из Политехники Винцента выгнали в октябре тридцать девятого. Он же был поляком — недочеловеком, «унтерменшем». Не помогло даже то, что он занимался Тевтонским орденом. Из хорошей квартиры возле Дворца кино семья Винцента переехала в полуподвал, в бедные кварталы у судоверфей. Винцент устроился работать такелажником на слипе, а по вечерам вёл занятия в нелегальной польской школе: преподавал историю и язык. Мария сидела со своими и соседскими детьми, ей за это немного приплачивали. В 1941 году у Клиховских родился третий сын — Цезариуш, Чарусь. Семья еле сводила концы с концами. Но стойкая Мышка ни на что не жаловалась.

Когда за Винцентом явились агенты, он решил, что это арест. Однако в отделе СД его встретил дядя Леось. Оказывается, он уже заказал столик в кафе...

В Старом городе Клиховский не бывал года два — полякам сюда соваться не стоило. А в кафе он не входил с начала войны, то есть почти четыре года: полякам запрещалось посещать кафе, рестораны, музеи, библиотеки, театры и кино. На Рыбацкой набережной, как прежде, стояли столики под полотняными навесами, скользили официанты, и оркестрик играл вечную «Лили Марлен»: «Пускай убит я где-то в неведомой дали. / Сбегу я с того света, к тебе, моя Лили. / Ты только позови меня, моя Лили Марлен...» По Мотлаве проплывали прогулочные теплоходики.

Пахло речной водой, гниющей древесиной, дымом и жареной сельдью. Клиховский присел так, чтобы видеть Журав — древнее и доброе чудище славной эпохи Ордена и Ганзы. Две круглые кирпичные башни в колпаках из красной черепицы сжимали чёрный дощатый зоб и бревенчатый клюв, нависший над променадом: это был допотопный подъёмный кран.

Дядя Леось остался всё таким же интеллигентным и грустно-ироничным. Он поправил круглые металлические очки:

— Всё невесело, Вицек. Наверное, ты уже знаешь о Хенрике. Посмотри.

Козловский положил на столик раскрытую брошюру со свастикой. Одна строка была подчёркнута пером. Не читая, Винцент понял, что там написано: «Хенрик Клиховский, поручик» — и данные воинской части Хенрика.

Хенрик, средний сын в семье Клиховских, вслед за братом Александером тоже пошёл в армию. В сентябре 1939 года, когда Россия напала на Польшу, польские войска, стоявшие восточнее линии Керзона, подчинились приказу и без боя сдались русским. Через Красный Крест осенью и зимой Хенрик прислал несколько писем: сообщил, что находится в лагере военнопленных. С весны 1940 года писем больше не было. Отец и мать продолжали верить, что Хенрик жив, а Винцент почувствовал, что случилось самое страшное.

Весной 1943 года немецкая полиция обнаружила в Катынском лесу под Смоленском огромные братские могилы. В могилах лежали тысячи польских офицеров. Большевики бестрепетно расстреляли их, чтобы не осложнять свои отношения с нацистами. Одним из немногих опознанных оказался майор — сослуживец Хенрика: Хенрик упоминал о нём

в письмах. Про Катынскую бойню немцы сообщали в газетах и по радио, чтобы поляки не вступали в партизанскую Гвардию Людову. В брошюре, которую принёс Козловский, были опубликованы результаты немецкого расследования.

— Это геббельсовская пропаганда, — угрюмо сказал Винцент.

— Тут Геббельс не лжёт, — возразил дядя Леось. — Ему незачем, Вицек.

На другом берегу реки вплотную друг к другу громоздились гигантские фахверковые склады — шпайхеры. Их старинные белёные стены, расчерченные балками на квадраты и диагонали, закатное солнце окрасило в багряный цвет.

— Зачем вы разыскали меня?

Козловский наклонил голову и поверх очков посмотрел Винценту в глаза:

— Твой отец не поверил, Вицек, а ты поверь, что пятьсот лет назад твой предок дал обещание дьяволу. Доказательство тому — гибель твоих братьев. Ты должен вернуть Лигуэт. Если ты не сделаешь это, два твоих сына погибнут, а третий, как и ты, останется в одиночестве, чтобы вернуть долг вместо тебя.

— А вам-то что? — спросил Винцент. — Вы же всех предали, дядя Леось.

Склонный к театральности и драматизму, фюрер называл свою ставку «Волчьим логовом», но в оперативных документах она значилась как «объект „Озеро“». Гауляйтер Кох считал большой удачей, что ставка находится в его владениях. Она укрывалась в мазурских лесах неподалёку от городишка Растенбург. За минными полями, линиями дотов и ограждением из колючей проволоки под старыми деревьями,

будто гигантские ледниковые валуны, лежали два десятка бетонных бункеров. Их упрощённые, сглаженные формы напоминали даже не пирамиды фараонов, а зиккураты шумеров, посвящённые Мардуку, Ниргалу и Таммузу. Впрочем, фюрер и сам ощущал себя демиургом. Управление государством казалось ему делом слишком приземлённым. Нет, он повелевал великими стихиями, ходом времён, дрейфом континентов. А его подчинённым дозволялось бороться друг с другом, как младшим богам.

Заложив руки за спину, фюрер шёл по дорожке от своего бункера мимо офицерского казино к бункеру фельдмаршала Кейтеля. Кох приотставал на полшага. Дорожка была пятнистой от солнца, просеянного сквозь листву.

— Кох, вы должны помириться с Розенбергом! — не оглядываясь, говорил фюрер. — Хватит соперничества! Я устал от интриг! Мои силы на пределе!

Нервное лицо фюрера страдальчески дёрнулось.

— Ради нации я живу в этой бетонной тюрьме как аскет! Сплю на жёсткой койке солдата! Ем из одного котелка с охраной! Я два года не был в опере!

Фюрер повертел головой, словно освобождал свою шею от петли.

— Простите, мой фюрер, — смиренно ответил Кох.

Розенберг был рейхсминистром восточных территорий. Кох подчинялся ему как рейхскомиссар Украины, но как гауляйтер имел доступ к фюреру поверх Розенберга и добивался таких преференций, какие рейхсминистр не одобрил бы никогда. Например, Кох вывозил ценности с Украины не в Германию, а к себе в Восточную Пруссию, и немалая часть этих богатств оседала в фонде «Эрих Кох Штифтунг». Розенберг знал, что Кох — мошенник.

— Между мной и Розенбергом существуют некоторые разногласия, — осторожно сказал Кох. — Разрешить их можете только вы, мой фюрер.

— Какие разногласия могут быть у борцов за общую идею?

— Я полагаю, что из польских территорий, которые не вошли в генерал-губернаторство, следует организовать что-то вроде Польского государства...

Этот замысел Кох вынашивал уже давно: если он создаст и возглавит такое государство, то избавится от контроля и доносов Розенберга.

— Вы фантазёр, Кох! — почти закричал Гитлер. — Польша?! Я не знаю такой страны! Где она? Покажите мне! Польши не существует! Польского народа не существует! Это историческое недоразумение!.. Для германской нации нет других народов, есть только другие территории!.. Усвойте это, Кох!

— Прошу прощения, мой фюрер! — снова поспешно извинился Кох. — Я выразился недостаточно ясно... Конечно, я не имел в виду бывшую Польшу... Можно я объясню это просто — как сам понимаю?..

— Уж извольте! — язвительно и недовольно ответил Гитлер.

Они повернули назад от бункера Кейтеля, укрытого маскировочной сетью с листвой из бакелита. Охрана объекта меняла сети в соответствии с сезоном: весной и летом листва были зелёной, зимой — серой, осенью — жёлто-бурой.

— Я думаю, что рейх должен возродить государство Тевтонского ордена — страну немецкого господства на северо-востоке, — сказал Кох. — Для нас, жителей Восточной Пруссии, это дело чести, восстановление исторической справедливости. Вы сами говорили, мой фюрер, что СС — рыцарский ор-

ден нашей эпохи. Давайте вернём этому ордену его собственность!

— Какую? — быстро спросил Гитлер.

— Часть рейхскомиссариата Остланд и рейхсгау Западная Пруссия.

— Вы хотите обобрать не только Розенберга с рейхскомиссаром Лозе, но и гауляйтера Форстера? — усмехнулся Гитлер.

— Такова историческая правда, — важно ответил Кох. — К тому же вы знаете, мой фюрер, что я был против передачи в рейхсгау Форстера моих провинций Мариенбург и Мариенвердер.

Гитлер задумался.

— Кто вас надоумил, Кох? — с подозрением спросил он. — Вы — рейнский немец. Откуда вам знать историю Тевтонского ордена?

— Восточная Пруссия стала моей родиной!

Восточная Пруссия, по сути, и являлась державой Тевтонского ордена. В 1525 году тридцать седьмой магистр Ордена Альбрехт Бранденбургский-Ансбах перешёл из католичества в протестантизм и преобразовал орденовое государство в светское герцогство Пруссия со столицей в Кёнигсберге.

— Я задал вам ясный вопрос! — раздражённо сказал Гитлер.

— Моим консультантом является доктор Козловский, — признался Кох.

— А, тот безумец из банды Пилсудского? — сразу вспомнил Гитлер.

Ещё до Первой мировой краковский студент Леон Козловский вступил в революционную организацию подпольщика Пилсудского. Во время войны сражался в легионе будущего диктатора. Пилсудский запомнил добровольца. В 1930 году Козловский получил приглашение войти в правительство Польши.

Через четыре года профессор археологии из Львова стал премьер-министром. Но в кресле премьера он просидел весьма недолго: его вытеснили соперники. Козловский был уязвлён вероломством коллег, однако оспорить ничего не мог — Пилсудский умер. Козловский вернулся во Львов. Осенью 1939 года город заняли большевики. Они арестовали бывшего главу правительства панской Польши, и два года Козловский провёл в самых страшных тюрьмах.

Его освободила война. Козловского отправили в штаб генерала Андерса, который в глубине России собирал польскую армию для борьбы с немцами. А Козловский не верил в победу над Германией. Он мечтал вернуться к власти над Польшей под крыльями германского орла. Из степей Заволжья он бежал к немцам: преодолел тысячевёрстный путь по чужой стране и в районе Тулы перешёл линию фронта. Появление Козловского в рейхе стало сенсацией.

— Чего хочет этот неудачник? — спросил фюрер у Коха.

Кох усмехнулся. С Козловским ему всё было ясно.

— Хочет власти, мой фюрер.

Козловский надеялся возглавить коллаборационистское правительство, однако нацисты не удостоили Польшу такой чести. Нацисты расчленили её и разделили куски между несколькими гауляйтерами, а центральную часть объявили генерал-губернаторством. И губернатор Франк не желал уступать свою власть какому-то бродяге. В Берлине Козловского поселили в роскошном отеле «Алемания» и дали работу по профессии — в Этнографическом музее.

О беглом премьерe вспомнил Геббельс: на ямах Катыни ему потребовался свидетель-поляк. Изучая

документы расследования, Козловский наткнулся на сына старого друга. Мысли покатались — Теось, проклятие, Лигуэт, Орден... Козловского осенило: надо предложить немцам не марионеточную Польшу, а государство Ордена! Ведь рейх может восстановить исторические владения тевтонцев на землях Поморья! С этой идеей следовало обратиться уже не к Франку, а к Эриху Коху. Если Кох будет магистром новотевтонской державы, то Козловский станет Великим Комтуром. Почти премьером, как и раньше.

Козловский сумел пробиться к гауляйтеру. И тот оценил хитрый план Козловского. Фюреру, конечно, понравятся рыцари с железными ведрами на башках, а он, Эрих Кох, с помощью рыцарей приберёт к рукам новые ресурсы.

И фюрер действительно был впечатлён. Его бурная фантазия закипела образами романтической старины. Тевтонцы с мечами, замки, бронированные кони, белые плащи и чёрные кресты... Это подлинный дух Германии!

Фюрер выдохнул, возвращаясь к реальности, и посмотрел на Коха. На тупого рейнского железнодорожника. Да, конечно, Кох — верный солдат, но ему не хватает мистической глубины личности. И всё же пусть дерзает.

— Вы — преданный боец партии, Кох, — сказал фюрер, — но вы не знаете, как устроена история. Думаете, достаточно попросить меня — и ваше желание исполнится? Нет! Я должен понять, что миссия возложена историей именно на вас! Мне нужен знак! Символ! Предъявите мне указание судьбы, что вы — тот человек, который вернёт нации силу и славу древнего рыцарского Ордена!

Кох был озадачен:

— Как мне это понимать, мой фюрер?

Гитлер предпочёл не углубляться в толкования:

— Идите, идите, Кох! Я уже всё сказал. Не мешайте моим мыслям!

Над кудрявыми мазурскими лесами в синеве плыли солнечные облака. Гауляйтер шагал к воротам «Волчьего логова» и мрачно прикидывал: доктор Козловский, этот польский гешефтмахер, должен придумать своими учёными мозгами, как убедить фюрера, что Эрих Кох — тевтонский магистр.

Клиховский не поверил в проклятие своего рода и в магию потерянного меча тевтонцев, но предложение найти Лигуэт он понял правильно: это приказ. Дядя Леось казался человеком интеллигентным и мягким, однако не стоило обманываться — хватка у него была железная. Будучи премьером, дядя Леось организовал в городишке Берёза под Брестом первый польский концлагерь.

— За семью не беспокойся, Вицек, — заверил Клиховского дядя Леось. — Вам всем оформят документы фольксдойче. Марии дадут хорошую работу.

— Неужели я так нужен вам? — мрачно спросил Клиховский.

— Ты молод. У тебя прекрасное историческое образование. Ты говоришь по-немецки. А самое главное — у тебя есть веская личная причина отыскать Лигуэт, — пояснил Козловский. — Для тебя и для меня большая удача, что я наткнулся на имя твоего брата в документах о катынском расстреле.

Козловский привёз Винцента в Кёнигсберг на аудиенцию к Эриху Коху. Гауляйтер жил на вилле в местечке Гросс-Фридрихсберг за чертой города. Новый двухэтажный дворец был окружён молодым парком, зданиями служб и оградой из колючей про-

волоки с пулемётными вышками по углам. Парадная лестница спускалась с пригорка к идиллическому пруду Филиппстайх. Холл был увешан медвежьими шкурами и старинными гобеленами, в тёмных нишах замерли рыцари, электрические лампы выглядели как шандалы из замка.

Гостей встретил Гуго фон Дитц — адъютант гауляйтера.

В рабочем кабинете Коха стоял большой стол с мраморным чернильным прибором и телефонами. Похоже, гауляйтер отгораживался от Клиховского пространством стола, словно гость был зараженным. А Клиховский впервые с начала войны ощутил странную защищённость: даже всесильный гауляйтер не осмелится причинить вред тому, у кого особые обязательства перед Сатаной.

Винцент разглядывал Коха. Крепкое лицо. Заглаженные назад волосы. Галстук, песочного цвета френч с дубовыми листьями на вороте, нарукавная повязка со свастикой и цветной нацистский значок — «золотой фазан».

— Доктор Козловский сообщил мне о вашем.. э-э... — Кох замялся.

— Проклятие, — спокойно подсказал Клиховский.

— Вы чувствуете какую-то свою связь с той вещью?

— Почувствовал после гибели братьев.

Клиховский отвечал так, как посоветовал дядя Леось. Удивительно, что перед врагом лицемерие не потребовало насилия над совестью. Никакой связи с Лигуэтом Клиховский не чувствовал. Магия меча заключалась в другом — в готовности чванливого нацистского бонзы играть в средневековую забаву, лишь бы выслужиться перед своим фюрером. Винцент уже знал: Лигуэт нужен Коху, чтобы Гитлер, мистик и психопат, увидел в нём, в Эрихе Кохе, ма-

гистра Тевтонского ордена. Увидел — и отдал гауляйтеру орденские земли.

— Я полагаю, господин гауляйтер, что наш поиск надо начать с архивов Ордена, — напомнил о деле Козловский.

— Да, — согласился Кох. — Гуго, пусть оберфюрер Бёме обеспечит условия для работы господина Клиховского. Передайте доктору Фризену и доктору Гёрте мою просьбу о сотрудничестве. Подготовьте заявку в шестой отдел РСХА в Берлине на пропуск для господина Клиховского по территории рейха. Удачи вам, господа историки. Жду результатов.

Из партийных фондов Клиховскому выделили небольшую квартиру в районе Амалиенау и назначили содержание. Клиховский не знал, следят ли за ним, да это было и не важно. Он мог свободно переписываться с Марией и посылать ей деньги почтовыми переводами. На первом этапе главной его целью стали хоть какие-то свидетельства о существовании Лигуэта.

Свои поиски Винцент начал с архива Прусского музея. Музей занимал первые этажи в трёх крыльях Королевского замка Кёнигсберга. Доктор Гёрте, директор, не позволил странному поляку рыться в древних пергаментях и бумагах, но предоставил их светокпии. О Лигуэте в этих документах не было ни слова. Доктор Фризен, провинциальный хранитель памятников Восточной Пруссии, посоветовал Клиховскому продолжить изыскания непосредственно в резиденции Ордена. Она располагалась в чешском городишке Фрейденталь...

...Эта поездка показалась Винценту ирреальной. Война грохотала где-то вдали, в России. Под безмятежным небом осени из красных и золотых лесов тяжко вздымались хвойно-зелёные горбы Судетских

гор. Посреди пряничного городка стоял большой нарядный дворец — последний орденсбург тевтонцев. На площади перед дворцом Клиховского остановили часовые. В резиденции Ордена сейчас размещалось какое-то управление люфтваффе. Нацисты выбросили тевтонцев отсюда как бесполезный хлам истории.

Тевтонский орден давно утратил рыцарский статус — даже в ритуальном, церемониальном смысле. Он превратился в некрупную религиозную общину, занимающуюся духовным окормлением паствы и благотворительностью. Её содержали жертвователи-фамилиары; небольшой доход давала собственность — сдача в аренду лесов, мелкие курорты и рудники, типография. Оккупировав Судеты, нацисты отобрали всё. Ордену осталось только древнее грозное имя.

В соседнем городке Троппау при костёле Клиховский нашёл шестьдесят первого магистра тевтонцев — отца Роберта Шэльцкого. Это был молодежавый старик священник с упрямым взглядом. Клиховский и магистр присели на скамеечку возле кирпичного костёла с надстроенной башней-звонницей.

— Декрет о ликвидации нашего ордена был подписан первого сентября тридцать восьмого года, — рассказал Шэльцкий. — Седьмого октября вермахт занял наш замок. А вскоре приехали Гитлер и Геринг. Им любопытно было увидеть Фрейденталь. Однако они не снизошли до разговора со мной...

По брусчатке площади промчался мальчик на велосипеде.

— Я сам поехал в Берлин, побывал на приёмах в министерстве по делам церкви, в министерстве внутренних дел и юстиции, в партийной канцелярии — всё напрасно. По какой-то неведомой мне причине рейхсляйтер Мартин Борман оказался на-

строен к Ордену крайне враждебно. В феврале тридцать девятого года Орден был упразднён. Семьсот пятьдесят лет истории были оборваны одним росчерком пера уголовного преступника.

Кленовые листья лежали на брусчатке, словно красные заплаты.

— А я полагал, что руководство рейха относится к вам благосклонно, — признался Клиховский.

— В судьбах Тевтонского ордена руководителей рейха привлекает лишь военная экспансия на восток и борьба со славянами. Неслучайно танковый батальон СС получил название «Герман фон Зальца», — невесело продолжил магистр. — Рейхом правят оккультисты. Их речи о тевтонском духе касаются не рыцарей, а язычников-тевтонов, древних германцев, победивших римлян. Геббельс и Розенберг уничтожили репутацию нашего братства.

Клиховский не выразил сочувствия. В этой войне случились потери и пострашнее. Но магистр не заметил холодности собеседника.

— Скажите, святой отец, вам знакомо это название — Лигуэт? — осторожно подступился Клиховский.

— Конечно, — кивнул Шэльцкий. — Меч, которым обезглавили Предтечу. Легендарная запретная святыня Ордена.

— Почему запретная? — тотчас спросил Винцент. — Потому что от Сатаны?

— Нет. — Шэльцкий усмехнулся. — Крест Иисуса и копьё Лонгина тоже не от доброты людской... Лигуэт обладал властью и над материей, и над духом. Он мог рассечь что угодно и обращал человека, поражённого им, в раба своего убийцы. Но дело даже не в том. Своему обладателю он даровал освобождение от расплаты. От Божьего суда. Человеку с Лигуэтом Господь не страшен и не нужен. Такое ору-

жие использовать нельзя никому. Это понимал даже Сатана.

— Меч спрятан в Мариенбурге? — Клиховский глядел магистру в глаза.

— Пятьсот лет назад милостью небес или гневом преисподней наш Орден был избавлен от тягостной миссии обладания, — тихо ответил магистр.

В кафе под Журавом, при самом первом и самом важном разговоре с Козловским, Винцент понял, что Мариенбург для него неизбежен.

За три столетия после ухода тевтонцев замок Мариенбурга изменился до неузнаваемости. Равнодушные каменщики ломали и переделывали старинные палаты и галереи. Хлопотливо заселялись, а потом бестолково съезжали какие-то учреждения. В конце концов неприютные стены были заброшены. Никто не знал, что делать с этой грандиозной, непонятной и нелюдимой руиной. В XIX веке через Ногат перекинули новый мост, и Нижний двор пересекла железная дорога; когда-то призрачные кони Грюнвальда по ночам проносились по рву и влетали в Лихновскую башню, а теперь по их пути круглосуточно катились поезда, и башню окутывал дым паровозов. Замок погибал в обыденности.

По примеру жителей Кёльна, которые пожелали достроить свой собор, жители Данцига учредили Комитет по спасению тевтонского замка. Возглавил его архитектор Конрад Штейнбрехт. Сорок лет он по кирпичику перебирал и восстанавливал твердыню Ордена в её изначальном величии. В 1922 году Штейнбрехт уступил свой пост Бернхарду Шмидту — хранителю памятников Западной Пруссии. Возрождённый замок тевтонцев стал гордостью Высшей по-

литехнической школы Данцига, потому что историки, вернувшие к жизни столицу Ордена, преподавали в Политехнике на факультете архитектуры.

Клиховский появился здесь уже после смерти Штейнбрехта, но прекрасно знал Бернхарда Шмидта. Под его руководством преподаватели Политехники каждый год вывозили своих студентов на летнюю практику в Мариенбург. Там, на стенах замка, Винцент и познакомился с юной Марией, своей будущей женой. Она размешивала строительный раствор, а он катал тачку.

Между мировыми войнами город Мариенбург принадлежал Восточной Пруссии. 1 мая 1933 года, в день национального праздника немецкого народа, над бургфридом взвился флаг со свастикой. Нацистам замок достался почти готовым: оставалось только расчистить рвы фон Плауэна. Это было сделано на деньги СС. Рейхсляйтер Розенберг выступил во Дворце магистров с речью, в которой уподобил стремление рейха на «лебенсраум» Крестовым походам Тевтонского ордена в Пруссию и Литву. Розенберг пообещал воздвигнуть возле мариенбургского замка гигантский тингплац — амфитеатр под открытым небом. Нацисты грезилы обычаями древних тевтонов, когда обитатели селений устраивали тинги — сходы всего племени; в Германии было запланировано возведение тысячи помпезных тингплацев. Но в Восточной Пруссии на эту надменную затею не хватило средств, и рабочие, подневольные бойцы Имперской службы труда, были переброшены на другие объекты рейха.

Осенью 1939 года Германия растерзала Польшу. Данциг стал центром рейхсгау Западная Пруссия, и Эрих Кох, гауляйтер Восточной Пруссии, был вынужден передать район Мариенбурга под управление гауляйтера Форстера. Клиховскому тогда бы-

ло не до рыцарей — его, поляка, выгоняли с работы в Политехнике, и Бернхард Шмидт не сказал ни слова в защиту коллеги.

Клиховский встретился со Шмидтом в декабре 1943 года в Мариенбурге. Встретился уже как эмиссар гауляйтера Коха.

— Простите меня, старика, — покаялся Шмидт. — Я был близорук, господин Клиховский. Не догадался расспросить вас о ваших немецких корнях.

Шмидт сожалел, что вовремя не увидел в Клиховском фольксдойче и не предположил, что Клиховский может оказаться нужным нацистской партии.

Старинные тевтонские замки нацисты превращали в «орденсбурги» — школы партийной молодёжи. Юнкеры здесь занимались спортом, осваивали все виды оружия, изучали историю и расовые законы. «Орденсбург» разместился в Высоком замке. Светловолосые юноши с ясными лицами жили в рыцарских dormitorioх, принимали пищу в рефекториях, сидели на занятиях в залах Конвента и Капитула, строились и кричали «Зиг хайль!» в соборе Девы Марии.

Символическую мощь Мариенбурга гауляйтер Форстер использовал сполна. Через полгода после падения Польши — в канун дня рождения фюрера — Альберт Форстер и Ганс Франк, генерал-губернатор Польши, устроили в замке торжественное возвращение тевтонских знамён, потерянных Орденом в Грюнвальдской битве. Правда, возвращались не подлинные реликвии из храма на Вавеле, а копии, зато речи Форстера и Франка радио широко разносило по всей Германии. И вскоре сам фюрер как хозяин уже показывал Мариенбург адмиралу Хорти, правителю Венгрии. Рейхсканцелярию в Берлине украсил гобелен с изображением обороны Мариенбурга Генрихом фон Плауэном.

Из Мариенбурга ездить в Данциг к семье Клиховскому было удобнее, чем из Кёнигсберга, поэтому он провёл в замке зиму и весну сорок четвёртого. Его поселили в бывшем фирмари — в казарме караульного батальона. Пятьсот лет назад в фирмари жил Каетан Клиховский. Порою по ночам, когда завывали жулавские ветра, Винценту казалось, что за окном по-прежнему пятнадцатый век. Если пробраться в башню Курья Нога, то можно наткнуться на суккуба — прекрасную крылатую девушку, пьющую кровь из горла своей жертвы.

...Тот Мариенбург, в котором он встретил Марию, был летним и жарким. Здесь пахло травой и свежим кирпичом, смеялись и влюблялись студенты, а солнце сверкало в цветных витражах. Но всё развеяла война. И нынешний Мариенбург был увешан кровавыми знамёнами со свастикой. На валу фон Плауэна стояли зенитные батареи, из широких ворот Карвана торчали рыла бронетранспортёров, мимо Лихновской башни катились эшелоны с танками, укрытыми брезентом, и перед Дворцом магистров офицеры вермахта каждый день принимали присягу новобранцев. А ночью лучи прожекторов шарили по низким тучам. На мостах стояли часовые. По стенам ходили патрули. Однако никакая охрана не могла справиться с призраками былого. Тени рыцарей скользили сквозь аркады. Над Мариенбургом мелькали тёмные крылья зла.

Доктор Шмидт, теперь сама любезность, открыл Клиховскому архивы Ордена, хранившиеся в замке. И Клиховский наконец-то нашёл в документах уже знакомые имена: Хубберт Роттенбахский, Рето фон Тиендорф и Ульрих Червонка. Но понять судьбу Лигуэта древние записи ему не помогли.

Он проработал в замке до 20 апреля — до дня рождения фюрера. В этот день в большой трапезной традиционно проводили церемонию приёма в гитлерюгенд: мальчики вступали в Юнгфольк, девочки — в Юнгмедельбунд. С утра у Новых ворот — ворот Гинеденбурга — объёмистые автобусы «бюссинги» высаживали опрятно одетых детишек под присмотром школьных учителей. Над замком из репродукторов звенело «Наше знамя реет впереди». Ясноликие юнкеры из «орденсбурга» принимали группы и вели на экскурсию по замку. Детишки с восторгом смотрели на древние башни, стены, бойницы и рвы. Облака плыли над бургфридом. Юнкеры рассказывали, как гордый Орден победно шагал по языческим чащам Польши, Пруссии и Литвы. Клиховский почувствовал, что нацисты отняли у него не только будущее, но и прошлое.

А вскоре ему приснился Козловский. Они опять были в Данциге — сидели на набережной в том же кафе с полотняной крышей. Над могучим Журавом летали чайки, по Мотлаве мимо высоких амбаров-шпайхеров плыли светлые прогулочные судёнышки, оркестрик наигрывал «Лили Марлен». Козловский мягко улыбался. И говорил он во сне совсем не то, что говорил при встрече.

— Мы больше не увидимся, Вицек. Во всяком случае, наяву.

— Почему? — насторожился Винцент.

— Я погиб. В Берлине при бомбардировке. Что поделать, мне не повезло. Но ты не прекращай поиски Лигуэта. Попробуй в замках Восточной Пруссии.

— А какое вам теперь дело, дядя Леось? — усмехнулся Клиховский.

— Мне — никакого, я мёртв, — лукаво согласился Козловский. — Но считай, что ты — это Каетан, а я — Бафомет.

▲ ▲
●

Замок Рагнит и замок Мемель, Лабиау, Тапиау и Гермау... Клиховский ездил по городам Восточной Пруссии, которые после падения Мариенбурга остались под властью Тевтонского ордена, и перебирал архивы магистратов, но чувствовал, что это бесполезно. Орден спрятал Лигуэт так, чтобы никто и никогда не нашёл его, и потому не стоит рассчитывать на какие-то записи.

В ратуше Инстербурга не сохранилось ни одной бумаги времён Людвига фон Эрлихсхаузена. Архивариус выдал Клиховскому увесистый фолиант XVIII столетия с экстрактами орденских документов XV века; сами документы давным-давно были перевезены в Кёнигсберг. Клиховский листал книгу, не надеясь на удачу. За соседним столом что-то читал и делал выписки некий пожилой господин в очках. Клиховский поймал его осторожный взгляд.

Господин в очках дождался Клиховского у выхода из ратуши.

— Конрад Хаберлянд, — представился он, приподняв светлую летнюю шляпу. — Бывший бургомистр города Пиллау, а ныне — его летописец.

— Да, я читал вашу книгу, — припомнил Клиховский. — «Морской город Пиллау и его гарнизон» — так, если не ошибаюсь?

— Всё верно, — подтвердил польщённый Хаберлянд. — Простите, что лезу не в своё дело, но вас интересует магистр Людвиг фон Эрлихсхаузен?

— Почему вы спрашиваете? — удивился Клиховский.

— Я изучаю судьбу мессира де ля Кава, коменданта крепости Пиллау. Вы удивитесь, но ваш магистр и мой мессир странно связаны друг с другом, хотя и разделены двумя веками. Возможно, вы объясните мне характер этой связи.

— Вы говорите слишком расплывчато, — заметил Клиховский.

— Дело в том, что де ля Кава считали безумцем. По преданию, он лишился рассудка, когда открыл склеп, запечатанный магистром фон Эрлихсхаузенем.

Клиховского словно умыли холодной водой.

— Я хочу знать эту историю, — твёрдо сказал он.

— Прогуляемся? — предложил Хаберлянд.

Пьер де ля Кав жил во второй половине XVII века. Гугенот, он бежал из Франции и поступил на службу к прусскому курфюрсту. Курфюрст назначил его комендантом крепости Пиллау. Пруссия решила завести морской флот, и де ля Каву поручили реконструировать Шведскую цитадель, которая охраняла пролив и гавани. Мессир принялся за дело с недюжинным рвением. Для крепости требовались камни и кирпичи, и де ля Кав приказал разбирать на стройматериалы старинные орденские замки в Лохштедте и Бальге. В подвале Бальги работники наткнулись на замурованный склеп с печатью магистра фон Эрлихсхаузена. Де ля Кав бестрепетно сломал печать и спустился в гробницу.

— Он вышел обратно живым и невредимым, но с белой головой, — рассказывал доктор Хаберлянд. — И с тех пор начал проявлять болезненный интерес к смерти. Точнее, к существованию человеческого тела после смерти.

Хаберлянд и Клиховский неторопливо шагали по тротуару мимо витрин и полотняных навесов летних кафе, где за лёгкими столиками сидели офицеры с подругами. По мостовой катились блестящие «опели» и «хорьхи», изредка, притормаживая, проезжали большие армейские грузовики в камуфляже.

...В Пиллау шептали, что комендант увлёкся каббалой. В городе пропали несколько девушек; вестовые утверждали, что видели, как комендант сжигает

в камине женские платья. По приказу де ля Кава в недрах цитадели соорудили тайную крипту. В ней, по слухам, и находились забальзамированные тела исчезнувших девушек — это был загробный гарем коменданта. Пьер де ля Кав распорядился, чтобы после смерти его тоже положили в том склепе: якобы он всё равно будет жив. Мессир повелел, чтобы гарнизонный барабанщик по утрам бил побудку над склепом и возглашал: «Подъём, господин комендант!»

— Я думал, что это легенда, — говорил Клиховскому Хаберлянд. — Однако шесть лет назад я нашёл склеп мессира! Туда вёл подземный ход из кирпичи!

Склеп оказался пустым. Но загробный гарем коменданта не был сказкой. Де ля Кава наградили имением Дидлаккен близ Инстербурга, и здесь мессир тоже построил кирху и склеп, а в склепе упокоились две его жены. Жители Дидлаккена были уверены, что комендант сам умерщвлял своих жён и затем производил с их трупами некое действие, которое останавливало естественный распад. Покойниц де ля Кав уносил в подземелье на руках, словно невест.

— И чем закончил этот естествоиспытатель? — спросил Клиховский.

— Восьмого мая тысяча шестьсот семьдесят девятого года слуга нашёл Пьера де ля Кава в постели мёртвым. Мессир сам по доброй воле совершил с собой то страшное действие, которому подвергал трупы своих жён.

— Кошмар! — выдохнул Клиховский.

Хаберлянд улыбнулся с видом хранителя великой тайны:

— Тело коменданта тоже не поддаётся тлению. Я сам освидетельствовал его. Оно и ныне лежит в склепе в Дидлаккене, хотя миновало почти триста лет.

Сквозь шум автомобилей и музыку из кафе до Клиховского и Хаберлянда доплыл перезвон курантов. Часы били над площадью Альт Маркт.

— Что же, по-вашему, делал Пьер де ля Кав?

— По легенде, в гробнице замка Бальга он увидел останки некоего рыцаря. Рыцарь держал в руках меч. Де ля Кав взял этот меч, а останки вдруг ожили, зашевелились и протянули руки к коменданту. Де ля Кав изрубил мертвеца на куски. Потом, уже в Пиллау, опытным путём мессир установил, что удар этого меча ввергает человека в странное состояние *не-жизни* и *не-смерти*. И в таком состоянии человек существует ещё очень долгое время, пока окончательно не обветшает, как ветшает любая вещь. Посредством меча Пьер де ля Кав задумал продлить свои дни на земле. И продлил. Слуга нашёл его с мечом в груди.

Клиховский уже не сомневался: комендант крепости Пиллау наткнулся в замке Бальга на Лигуэт. Чудеса де ля Кава под силу только Лигуэту.

— А где меч коменданта? — Клиховский старался не выдать волнения.

Доктор Хаберлянд наслаждался интересом собеседника.

— У меня, — наконец сказал он. — Точнее, в музее Пиллау. Я забрал его из кирхи Дидлаккена как артефакт, имеющий отношение к истории моего города.

У Клиховского закружилась голова.

— Уверен, этот меч был какой-то святыней Тевтонского ордена. Печать магистра на дверях склепа означает, что меч был оставлен в Бальге намеренно и, так сказать, под присмотром охранника. Об этом я и хотел расспросить вас. Знаете ли вы что-нибудь о мече Людвига фон Эрлихсхаузена?

— Мне надо осмотреть вашу находку, — сдавленно сказал Клиховский.

— Конечно, приезжайте! — радушно пригласил Хаберлянд. — Буду очень рад принять вас и услышать объяснения специалиста!

— Завтра я — в Кёнигсберг, а послезавтра — к вам, — пообещал Клиховский.

Сначала он хотел своими глазами увидеть тело Пьера де ля Кава.

Гордостью Инстербурга был необычный вид транспорта — троллейбус. На следующее утро Клиховский сел в красивый и просторный вагон, идущий в Дидлаккен. Дорога занимала полчаса. Мягко гудел электромотор; троллейбус катился по шоссе мимо чистых перелесков, мимо добротных фольварков и полей зрелой пшеницы, по золоту которой скользили голубые тени облаков.

В Дидлаккене пастор взял с гостя две рейхсмарки — стоимость осмотра, вручил ручной фонарик и старинным ключом отомкнул замок на двери склепа — маленького кирпичного домика за алтарём простой сельской кирхи.

— Жители нашего селения уже давно похоронили тела фрау Кирстен и фрау Труди, — сказал пастор. — А сам господин комендант пока здесь

Клиховский спустился в прохладный сумрак.

На каменном возвышении стоял длинный гроб, закрытый сверху стеклом. Клиховский посветил и увидел в гробу жуткое лицо Пьера де ля Кава, сухое и рельефное. Не бумажно-слоящееся, как у египетских мумий, и не смоляное, как у церковных мощей. Доктор Хаберлянд подобрал верное определение — «обветшавшее». Обветшавшее, но живое. Жизнь ещё теплилась в мертвеце, будто уголь тихо тлел изнутри. И Клиховский понял, кто лежит в гробу.

В гробу лежал анастифонт.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Гестаповцы ждали за дверью. Едва он перешагнул порог своей квартиры, ему заломили руки. Ничего не объясняя, его поволокли обратно по лестнице и закинули в автомобиль. Поиски Лигуэта оборвались, когда оставалось лишь приехать в Пиллау и взять меч. Потом Клиховский понял, почему так вышло. Англичане и американцы открыли Второй фронт и высадились на пляжах Нормандии, а полковник Штауффенберг вместе с заговорщиками из вермахта едва не взорвал фюрера прямо в его «Волчьем логове»; после таких событий вопрос о новом тевтонском государстве отпал сам собой. Гауляйтер Эрих Кох больше не нуждался в историчке, и Клиховского отправили в концлагерь.

Штутгоф находился неподалёку от Данцига. Его построили для поляков — противников режима. Считалось, что гестапо спрятало их здесь от народной расправы. Через три года этот концлагерь перешёл в ведение СС, и в нём появились евреи, военнопленные русские и немцы. Городок из полусотни дощатых жилых блоков опоясывала надёжная ограда: колючая проволока под током и вышки с пулемётами. В двухэтажном кирпичном корпусе поме-

щались комендатура с канцелярией и рабочий отдел. С близкого моря наплывали бесконечные осенние дожди. Дымила труба крематория.

Клиховскому, как и прочим заключённым, выдали деревянные башмаки на ремешках — клумпы и ветхую полосатую одежду — робу и штаны. Одежду только что сняли с покойника, и она кишела вшами бывшего хозяина. На грудь и на бедро приказали нашить лоскут с номером и красный треугольник. Красные метки полагались политическим узникам; они сидели в заключении до конца войны, как и сектанты-бибельфоршеры с фиолетовыми нашивками. Зелёные нашивки носили уголовники «бефау»: грабители и воры в лагере ждали завершения своих судебных сроков. У гомосексуалистов были розовые треугольники, у евреев — жёлтые звёзды Давида; эти заключённые обязаны были умереть в Штутгофе и больше не портить человеческую природу.

Эсэсовцы-охранники, уголовники и капо били заключённых за любую провинность, да и просто так, но узники не обращали внимания на побои. Важнее было сохранить свою пайку жидкой баланды. Те, кто лишался пайки, становились доходягами и теряли человеческий облик: искали в помойной яме гнилую брюкву и картофельные очистки, ели конский навоз, глодали кости из отходов эсэсовской кухни. Доходяги умирали за неделю. Обычные узники жили месяца два-три. Самые бесстыжие или удачливые могли протянуть год.

Бесстыжие воровали и прислуживали эсэсовцам, удачливые работали на территории лагеря в мастерских. Из остальных формировали аузенкоманды и каждый день выгоняли за ограду на строительство дорог, каналов и цехов авиазавода, на щебёночные и песчаные карьеры. Аузенкоманда

Клиховского таскала брёвна с лесоповала. Клиховский быстро усвоил правила жизни в концлагере: всегда двигайся, даже если ничего не делаешь, — бездельников жестоко бьют, и никогда ничему не сопротивляйся — за это вообще убивают. В прежней жизни — при всей ненависти к нацизму — Клиховский не поверил бы, что нацисты создают чистилища, подобные Штутгофу, где сначала в людях истребляют человечность, а затем всех отправляют под нож.

Оказалось, что истребление человечности даже страшнее физического уничтожения. Побои, голод, холод и непосильный труд выжигали изнутри, не оставляя ничего. Существованием человека руководили не его желания, а приказы капо. Голодный волк, увидев кусок мяса у соперника, без колебаний бросался в драку, а голодный узник без всякого протеста смотрел, как эсэсовец кормит овчарку хлебом с мармеладом. «Мютцен аб!» — кричал капо, и все тотчас сдёргивали грязные береты. «Цузаммен гэен!» кричал шарфюрер, и заключённые маршировали в лад, одинаково клацая клумпами. И ни о чём другом, кроме выполнения приказа, думать не получалось. Клиховский знал, в кого он превращается: в анастифонта. Прикажут умереть — и он умрёт.

Смерть здесь не имела никакого величия и ничего не пугала — ни палачей, ни жертв. Каждый день умирали десятками. Смерть была просто невезением, да и то не для всех. Погибали на работах, подыхали от болезней, замерзали в строю на поверке. Плотам в холодных блоках в кучах заключённых, спящих на нарах, всегда обнаруживались покойники. Мертвецов сразу обшаривали на предмет ценных вещей — корки хлеба или иголки с ниткой. Потом санитары-пфлегеры раздевали трупы догола, хими

ческим карандашом писали на груди номер и уносили в штабель покойников у крематория. Если трупов не хватало для полной загрузки печей, то нужное количество заключённых отправляли в газовую камеру, чтобы не расходовать понапрасну кокс. Рутинная умерщвления в Штутгофе ни у кого не вызывала никаких чувств. Охранники без колебаний добивали упавших. Смерть утратила значение таинства, а казни были рядовой и немного насильственной процедурой вроде выдёргивания гнилых зубов.

Клиховскому не повезло под Рождество. В праздник охрана концлагеря забавлялась тем, что «наряжала ёлку». «Ёлкой» служил столб с вифлеемской звездой на верхнем конце и с кронштейнами, торчащими во все стороны как ветки. На них и вешали узников, сразу человек по шесть: это были «ёлочные игрушки». Узников выстроили на «апель» — на поверку. Штутцлагерфюрер Майер прошёлся вдоль ряда, игриво рассматривая подопечных, и выдернул шестерых — тех, кто приглянулся. Одним из них и оказался Клиховский.

Он был измучен и слаб и принял приговор безропотно и бестрепетно. Той бескрайней вселенной, в которой живёт любой человек, в Клиховском уже не осталось: ему нечего было покидать и не о чем сожалеть. Приговорённые сами влезли на ящики из-под консервов. Эсэсовец принялся надевать петли. Клиховский ощутил колючую верёвку, окрутившую горло. Ветер с Балтики раздувал на нём тонкую полосатую робу. По небу ползли тучи. Стоя в петле под кощунственной «ёлкой», Клиховский понял, что дьявол реален.

За весельем благосклонно наблюдало начальство. Среди офицеров лагеря стоял гость — Гуго фон

Дитц, адъютант гауляйтера Коха. Он удивился, узнав Клиховского. У фон Дитца не было никакой причины выручать этого поляка из беды, да поляк и не просил. Но всё же фон Дитц чуть наклонился к уху коменданта Гоппе и что-то негромко сказал. Гоппе в недоумении поднял брови и взмахом руки в перчатке остановил действие. Шутцлагерфюрер Майер стащил с Клиховского петлю и согнал с ящика. Фон Дитц улыбнулся. За эту бесподобную улыбку Гуго фон Дитца, мужественную и немного грустную, белокурые невесты Кёнигсберга были готовы отдать всё что угодно.

Фон Дитц оказался в Штутгофе не случайно. Гауляйтер дал ему выходной на Рождество, и фон Дитц приехал к подруге — фройляйн Дженни Баркман. Они познакомились три года назад в Данциге. Дженни работала фотомоделью. Между красавицей и аристократом вспыхнул короткий и яркий роман. Пламя пылало недолго, но дружба осталась. Дженни, девушка хваткая и деятельная, попросила фон Дитца помочь ей с карьерой. Фон Дитц устроил Дженни в СС.

В Штутгофе имелось и женское отделение. Ресурс пропадал впустую, а охранники бегали по вдовушкам в окрестных деревнях или удирали с работы к подругам в Данциг. Комендант Гоппе принял разумное решение: открыл при женских бараках публичный дом. Во главе этого учреждения и поставили Дженни Баркман. За акт любви в кассу лагеря платили две рейхсмарки.

Но простых солдат не стоило равнять с офицерами. Дженни потребовала, чтобы за оградой лагеря построили несколько кукольных домиков, где лучшие экземпляры евреек стали обслуживать офицеров и гостей Штутгофа. Дженни сама отбирала ма-

лодых и милостивых узниц. В этот эдемский сад время от времени и наведывался фон Дитц. Он пристрастился к одалискам Штутгофа, словно к кокаину: ничто не могло сравниться с любовью, сквозь которую гипнотически мерцала смерть. Срок службы евреек у Дженни был недолгим: беременность или триппер быстро отправляли наложниц в газовую камеру.

Наверное, по этой причине фон Дитц и помиловал Клиховского. Он не успел застать Эсфирь, которая так понравилась ему в предыдущий визит: Эсфирь уже превратилась в дым из крематория. Гуго фон Дитца охватила какая-то элегическая печаль. Хотелось сделать что-то хорошее. Он и сделал.

В начале славной эпохи Бисмарка из Кёнигсберга до Пиллау дотянулась железная дорога. Германия тогда возрождалась: мелкие немецкие княжества, королевства и герцогства с лязгом сцеплялись в единый Второй рейх. Новая Германия решила сделать морской город неприступной крепостью. Старинная Шведская цитадель уже не справилась бы с обороной канала Зеетиф и гаваней.

Рядом с цитаделью за парком Плантаже, в недрах Мельничной горы и возле селения Нойтиф за проливом началось строительство мощных фортов. Приземистые кирпичные крепости выросли в плотные пески разветвлёнными и узловатыми корнями многоэтажных катакомб. Форт на косе Фрише Нерунг называли Западным, форт за парком — Восточным, а форт в Мельничной горе в честь генерала инженерных войск получил имя «Штиле».

Ко времени Третьего рейха кайзеровские твердыни устарели. Нацисты оставили Западный и Восточ-

ный форты в качестве укрепленных баз, а форт Штиле модернизировали: закрыли сверху слоями железобетона, соорудили траверсы и систему элеваторов — лифтов под боеприпасы, электрифицировали, наладили принудительную вентиляцию, построили новые бункеры и тоннели. В форте Штиле разместился военный завод. Здесь морские мины и торпеды начиняли смесями тринитротолуола. Подземная железная дорога соединила завод с гаванью. Состав из вагонеток с мотовозом перевозил боеприпасы.

С начала польской кампании на заводе работали заключенные. Лагерь при форте являлся подразделением Штутгофа, но условия жизни здесь были куда лучше: не следовало доводить до бунта тех, у кого в руках взрывчатка.

Самый большой морской арсенал на Балтике находился в заливе Фриш-Гаф на мысе Пайзе. К концу войны здесь скопились десятки тысяч торпед. Когда русские подошли к границам Пруссии, вермахт обнаружил, что ему не хватает противопехотных и противотанковых мин. Было решено доставлять торпеды с мыса Пайзе обратно на завод форта Штиле, вытапливать из них тротил и заливать в корпус мин. Эту работу тоже выполняли узники.

После заступничества фон Дитца Клиховского перевели в лагерь форта Штиле. До Клиховского не сразу дошло, что он попал в Пиллау — в Пиллау, где доктор Хаберлянд отыскал Лигуэт!

Клиховского взял под опеку пожилой бельгиец Морис, бывший штабной майор, попавший в плен ещё в 1940 году. В бараке Морис указал Клиховскому место на нарах рядом с собой, а на работе принял в свою бригаду. Он был капо.

Бригада Мориса собирала и монтировала детонаторы на шутцен-фугасах. Заключённые сидели за длинными верстаками в особых спецовках; у каждого имелись свои слесарные тиски и набор пронумерованных инструментов; мины и детали подъезжали на резиновой ленте транспортёра; рабочее место было ярко освещено лампами. Сборочный цех располагался в кирпичном каземате с цилиндрическим кирпичным потолком. Прохаживались контролёры. Гудели вентиляторы. Смена продолжалась одиннадцать часов.

Несколько дней Морис присматривался к Клиховскому. По вечерам в бараке заключённые пили кофе-суррогат, и Морис наконец решил поговорить с новичком. Он отвёл Клиховского в сторону и достал из кармана маленькую металлическую детальку — рычажок из спускового устройства детонатора.

— Понимаете, — сказал Морис, — хотя бы каждая десятая такая вещь должна быть изогнута вот так...

Морис пальцами изогнул рычажок.

— Тогда мина не взорвётся? — догадался Клиховский.

Майор Морис не ответил и спрятал рычажок.

— Если контролёры обнаружат дефект, меня расстреляют.

— Да, — согласился Морис. — Но если вы донесёте, то всё равно не избежите расстрела. Правда, вас расстреляют вместе со мной и всей бригадой.

— Я никого не выдам, — пообещал Клиховский. — Но и участвовать в ваших диверсиях не буду. Я хочу вернуться домой. У меня три сына.

— Никто из нас не вернётся, — возразил Морис. — Когда русские подойдут к Пиллау, немцы нас уничтожат. Это случится месяца через два.

В лагере при форте Штиле сидели военнопленные европейских армий — бельгийцы, французы, англичане. Содержали и кормили их неплохо, они получали посылки от Красного Креста. Охрана относилась к ним по-дружески, угощала сигаретами. От охранников заключённые Штиле узнавали новости. В середине января русские начали наступление на Восточную Пруссию — на Инстербург и на Эльбинг. Вскоре немцы оставили Варшаву. Все понимали, что рейх обречён. Нацисты проиграли войну, и капитуляция — вопрос времени.

— Вы — бывший военный, майор Морис, — зло сказал Клиховский. — Вы плохо сделали своё военное дело, и нацисты вас победили. А я — историк, и я хочу сделать своё дело хорошо. Не мешайте мне.

Уязвлённый майор Морис перевёл Клиховского на работу в другой цех — на выгрузку и транспортировку боеприпасов. В этом деле пригодились навыки такелажника, полученные Клиховским на судовой верфи Данцига. В длинном каземате — на конечной станции железной дороги — был сооружён перрон. Через металлические ворота мотовоз вталкивал в каземат вагонетки с минами и торпедами. С помощью талей заключённые перекладывали боеприпасы на спецтележки и дальше вручную развозили по разным цехам.

Двадцать пятого января, принимая торпеду, майор Морис тихо сказал Клиховскому:

— Запомните, дружище. Тоннель, который ведёт к гавани, пересекается с большой галереей. На пересечении находится поворотный круг железной дороги. Путь направо — к станции, где сходятся все подземные коммуникации. Путь налево — к Лохштедту. Лохштедская часть ветки сейчас не используется, но кое-где там есть вентиляционные колодцы.

— Зачем вы это мне говорите? — удивился Клиховский.

— Просто имейте в виду, — ответил Морис.

Много позже, узнав все обстоятельства, Клиховский восстановил картину того дня. Морис и его товарищи совершили самоубийственную диверсию: взорвали свой цех. Взрыв был такой силы, что разворотил утробу Штиле — на месте строений и катакомб образовался гигантский дымящийся кратер. По лесам расшвыряло бетонные обломки, град из кирпичей издырявил крыши Пиллау, снег вокруг форта пожелтел от распылённого тротила. Контуженные заговорщики, уцелевшие в дальних цехах, в кромешной тьме набросились на охранников, колотили отвёртками и резали заточенными железками. Конечно, шансов у них не было никаких. Они лишь хотели хоть чем-то помочь Красной армии, которая взламывала рубежи обороны Восточной Пруссии. И утром на берегу залива немцы расстреляли тех, кто остался жив после взрыва и бунта.

А в каземате, где находился Клиховский, ударная волна повалила всех на пол. Вагонетки, будто перепуганные овцы, от толчка дружно покатались по рельсам и выбили ворота; густая туча пыли хлынула из транспортной потерны и затопила каземат. Клиховский не растерялся. Кашляя, он пополз в сторону ворот и выбрался в тоннель. Свет здесь уже не горел. Клиховский поднялся на ноги и, шатаясь, побежал по шпалам куда-то в тёмную глубину. Его догнала ударная волна от второго взрыва — в цехах форта ещё что-то сдетонировало. Упругое сотрясение грунта расколело бетонную трубу тоннеля, и Клиховского смела и поглотила осыпь из кусков бетона, песка и каменного крошева.

Под обвалом он пролежал, наверное, несколько часов. Первым его чувством был ужас от погребения заживо. Он извивался в давящей угловатой тесноте и ворочался, раскачивал и отталкивал неподъёмные глыбы. Каким-то чудом ему удалось протиснуться в щель и высвободиться. На четвереньках, ощупывая шпалы, он упрямо двинулся вперёд и дотацился до поворотного круга, освещённого красным фонарём. Морис говорил, что надо налево.

Путь по тоннелю подземной железной дороги показался Клиховскому бесконечным. Он не ощущал ни времени, ни пространства, только сплошная тьма, а под ногами — шпалы и рельсы. Неизвестно откуда плыли призрачные, еле различимые шумы. Холод пробирал до костей, саднили колени и ладони. Клиховский не останавливался: он боялся, что сделает паузу в движении — и перепутает направление вперёд и назад. Он ковылял и ковылял. Он знал, что дорога не бесконечна. И наконец почувствовал на лице лёгкое прикосновение снежинки. Снег просеивался сквозь решётку, закрывающую вентиляционный колодец. Подняв голову, Клиховский ничего не увидел — на улице была ночь.

Под колодцем он просидел до рассвета, а потом переждал ещё и весь день. У него было время подумать. И он придумал, что ему делать на свободе.

Клиховский рассказывал о себе кратко и чётко, но без лишних эмоций и подробностей. Володя слушал. Клиховский был уверен, что контролирует этого русского солдата, однако солдату вскоре всё равно придётся принимать решения самостоятельно, значит, он должен знать о Лигуэте. Не ведая сути библейского меча, он может совершить ошибку

Клиховский не делал тайны из Лигуэта, ведь не важно, обладает Лигуэт магическими свойствами или нет. Важно, чтобы солдат Володя понимал цели Клиховского.

Они снова забрались в деревянный сарай во дворе дома Людерса и затащили за собой труп Гуго фон Дитца. Близость покойника их не смущала — оба уже вдоволь насмотрелись на мертвецов. Небо на востоке осветилось красным и жёлтым, словно в Кёнигсберге продолжалась война, и в предрассветном синем сумраке проступили розовые, выщербленные стены квартала.

— Почему вы не хотите сотрудничать открыто? — спросил Володя.

— Вы забываете, что Лигуэт — оружие, — усмехнулся Клиховский. — Его не отдадут частному человеку. Всегда найдётся магистр. Особенно у вас.

— Жаль, что вы так плохо относитесь к русским, — искренне сказал Володя. Ему и вправду было обидно. — Это из-за брата?

— У моего брата вы забрали жизнь. А у моей родины — свободу.

— Мы изгнали на-нацистов. У вашей родины долг перед моим народом.

— Нам его навязали, — жёстко ответил Клиховский.

Володя почувствовал, что упёрся в непреодолимую стену.

Конечно, поляк был прав. Но он судил с высоты каких-то недоступных людям небес. А здесь, на земле, не могло получиться иначе. Польша никогда бы не победила фашистскую Германию. Её мог победить только Советский Союз. И Польша должна была это принять. Но не желала. Да и никто не желал. И в глухие леса, где ещё прятались фашистские недо-

битки вроде «Вервольфа», уходили бойцы Армии Крайовой и «зелёные братья» Прибалтики.

А что делать победителям? Конечно, вооружённое сопротивление нужно искоренить. И его, без сомнения, искоренят. Но люди вроде Клиховского лишь укрепятся в своём озлоблении против русских. Как с ними быть? И Володя знал ответ. Никак. Просто никак. Надо относиться к таким людям как к равным себе и оставить им их право на нелюбовь. Это очень несправедливо. Это даже похоже на оскорбление. Но таково бремя победителя. Надо научиться жить с этим бременем. А иначе война не закончится никогда. Так что пускай Винцент Клиховский горит изнутри от ненависти и к русским, и к немцам, он, Володя Нечаев, будет поступать как победитель — как тот, кто сильнее ненависти.

— Нам потребуется объяснить госпоже Луданной появление этого трупа. — Клиховский хмуρο кивнул на мёртвого фон Дитца.

Бледный свет из окошка обрисовал застывшее лицо адъютанта.

— Предпочитаю го-говорить правду, — сказал Володя.

— Правду, что вы стояли здесь в карауле, оберегая покой возлюбленной?

— Давайте без не-неуместной иронии, — поморщился Володя.

Клиховскому невыгодно было терять секрет Хельги — без этого секрета он не мог полагаться на Володю.

— Предлагаю такой вариант, — сказал Клиховский. — Вы были у меня в гостях. Я вышел вас проводить и на улице в случайном прохожем опознал фон Дитца. Мы с вами погнались за ним и настигли

у подъезда Людерса. Далее всё как было. Только фон Дитц шёл за племянником, а не племянницей.

Володя помолчал, прокручивая ситуацию, обрисованную Клиховским.

— Ну, х-хорошо, — неохотно согласился он.

Лгать ему было неприятно, и неприятно было находиться в зависимости от женщины — от Жени, однако иначе он больше никогда не увидит Хельгу.

— Не забывайте о главной задаче — найти проход в катакомбы, — напомнил Клиховский. — Людерс не вернётся, а Кох уже готов сбежать из Пиллау. У нас остался последний способ прорваться в подземелья...

— Какой?

— «Вервольфовец» Зигги.

Тяжёлая волна гнева опять подступила Володе к горлу.

— Нет, — глухо сказал Володя.

— Почему? — тотчас спросил Клиховский.

Володя тщательно взвешивал свои слова:

— Допустим, я его в-возьму. Но будет ли он говорить? Я же не стану его пытаться, я не фа-фашист. И не отдам его Жене, потому что он скажет о Хельге.

Клиховский посмотрел Володе в глаза:

— Есть ещё один способ узнать...

— Не тяните! — раздражённо произнёс Володя.

— Позвольте этому парню повести Хельгу в катакомбы, а сами проследите за ними. У входа можете пристрелить соперника. Или просто отбейте девушку.

Володя криво ухмыльнулся:

— Ду-думаете, следует использовать Хельгу как на-наживку? Вы легко играете людьми, Клиховский. Мораль для вас ма-мало что значит?

Для Клиховского мало что значили переживания русского и немки.

— Не я управляю историей. Свои претензии адресуйте дьяволу.

Солнце уже поднялось и осветило дома во дворе до первых этажей. В листве ободранного дерева зачирикали проснувшиеся пичуги. Лёгкий ветерок тронул занавески в выбитых окнах. В гавани загудел корабль, огибающий мол. Скоро закончится комендантский час и можно будет выйти на улицу.

Володя достал портсигар адъютанта, вытащил сигарету, пощупал фильтр, проверяя, нет ли ампулы с ядом, и закурил.

— История — борьба к-классов, а не Бога и дьявола, — негромко сказал он. — Вы, Клиховский, и-историк. Но верите в Бога. Ищите святыню. Это нелепо.

— Если бы вы увидели то, что увидел я, то по крайней мере не усомнились бы в Сатане, — ответил Клиховский.

— Я видел бо-больше, чем вы.

Володя и вправду видел куда больше, чем этот поляк. Видел штурм Инстербурга, штурм Кёнигсберга и штурм Пиллау. А ещё в экспедициях по енисейской тайге он видел Сибирь: посёлки спецпереселенцев, лагеря и рудники. Но объяснить ужас увиденного происками Сатаны — значит, ничего не объяснять. Немецкие эсэсовцы и русская вохра доказали, что Бога нет.

— Не собираюсь просвещать вас или переубеждать, Владимир, — устало ответил Клиховский. Предпочитаю действовать проще — шантажом.

Русским или немцам он никогда не стал бы верить. После расстрельных котлованов Катюны и окровавленных скверов Львова — никогда.

— Я бы по-помог и без шантажа.

— Сомневаюсь, — тихо рассмеялся Клиховский.

Володе нечего было возразить, и Клиховскому стало даже немного жаль его. В сущности, этот солдат — славный человек.

— Откуда вы так хорошо знаете немецкий? — спросил Клиховский. — В вашей речи я слышу саксонский диалект.

— Отец и дед у меня были ге-геологами. Дед до революции преподавал во фрайбергской го-горной академии в Саксонии, там и же-женился. Бабушка — немка. Дед привёз её в Петербург. Ба-бабушка учила меня языку. Из-за неё мне всегда ка-казалось, что все немцы — прекрасные люди, работающие и добрые, и они любят пугать детишек разными страшными ск-казками про крампусов, нахцереров и д-доппельгангеров.

— Со страшными сказками у немцев всё в порядке, — кивнул Клиховский.

— Кстати, я видел замок в Ма-мариенбурге. На фотографии, конечно. Его брали наши соседи — Второй Белорусский фронт. Об этом писала «Красная звезда». В по-политотделе комендатуры должны быть подшивки номеров.

— Я посмотрю, — пообещал Клиховский.

— Но вряд ли вас что-то порадует. От замка остались то-только руины.

— У меня от всей жизни остались только руины, — ответил Клиховский. — Катастрофу с замком я как-нибудь переживу.

До наступления комендантского часа Женя о Володе не беспокоилась. Мальчик культурный, придёт. Но потом начала тревожиться: почему его

нет? Какое-нибудь ЧП вроде нападения «вервольфовцев» или подрыва на mine? Она бы знала. Встретил приятеля и перебрал трофейного шнапса? На него не похоже. А вдруг он уже давно в общезитии, только к ней не явился?

Володю поселили в комнате на восемь коек, и Женя не могла просто взять и посмотреть, на месте ли он. Поползут слухи, что Луданная сама гоняется за мужиками. Ей такого не нужно. Женя спустилась на КПП и пролистала журнал регистрации. Сержант Нечаев в общежитие не возвращался.

Женя стояла на лестничной площадке и курила возле открытого окна. Сзади подошёл Перебатов и тоже закурил. Темнота за окном дышала майской свежестью. От вокзала доносились перестуки буфетов, лязг и гудки машин.

— Зря ты связалась с молокососом, — сочувственно вздохнул Перебатов. — Он небось с какой-нибудь медсестрёнкой сейчас милуется.

— Гэ шляфен, Коля, — холодно ответила Женя. — У меня всё хорошо.

Окурок Перебатова звездой пролетел у Жени над плечом в окно.

— Знаешь, Женька, я хоть и простой мужик, зато верный. А этот молодняк ещё до войны всякого блядства в ниверситетах нахватался.

— Где нахватался? — не оглядываясь, переспросила Женя.

— В ниверситетах, говорю.

Женя невесело усмехнулась. Майор плотно придвинулся к ней сзади, крепко взял за талию и наклонился к уху.

— А я ведь тоже барышне ножки целовать умею, — прошептал он.

— Отвали, Перебатов! — поморщилась Женя.

В своей комнате, бывшем кабинете, Женя лежала на кожаном диване одна и думала о Володе. Вспоминала выражение его лица и прикосновения его рук. Володя был не такой, как Перебатов. Коля брал её жадно — просто хапал, будто обжирался с голодухи. Но обжираются только для себя. А Володя хотел, чтобы хорошо было ей, Жене. Он по своей натуре был бережный, внимательный.

Женя решительно отбросила сомнения и ревность. Медсестрёнкам ли тягаться с ней, капитаном СМЕРШа? И дело даже не в СМЕРШе. Нужно уметь быть в постели как в бою, а у медсестрёнок на такое духа не хватит. Впрочем, скорее всего, никакой подруги у Володи нет. Но даже если есть, то Женя все эти ниточки без колебаний оборвёт. Славный мальчик Володя — её трофей, и она никому его не уступит: ни медсестрёнкам, ни Перебатову.

Женя лежала, глядела в белый потолок, слушала дальше громыхание с вокзала и представляла над собой Володю — его внимательные тёмные глаза, его жёсткие губы и мягкую юношескую щетину, представляла его осторожные и чуткие движения, его сдержанную силу, тяжесть его тела. Она не заметила, что уснула. Ночной ветер шевелил её распущенные волосы.

Володя разбудил Женю в шесть пятнадцать утра. В шесть заканчивался комендантский час, и патруль открывал проход по мосту через канал Грабен. Володя почти бежал до бывшей Школы подводников, а потом вместе с Женей они почти бежали обратно на улицу Проповедников к дому Людерса.

Женя с брезгливым любопытством разглядывала труп фон Дитца в сарае:

— Это точно адъютант гауляйтера?

— До-документов при нём, ко-конечно, не имелось, но Клиховский уверяет, что п-прекрасно знал фон Дитца. Зачем ему врать?

— Поляк — мутный тип, — сказала Женя.

Володя не мог не согласиться. Он протянул Женю портсигар адъютанта:

— Там ещё остались си-сигареты с ампулами...

Женя повертела портсигар и убрала подальше.

— Не переживай, что не взял живъём, — снисходительно сказала она. — У нас и матёрые волкодавы, бывало, теряли агентов при задержании.

Жене следовало сердиться, что Володя по неопытности допустил гибель ценного информатора, однако Женя не сердилась. Наоборот, она была рада, что Володя жив и здоров, что он провёл ночь с Клиховским, а не с подругой.

— Повтори-ка мне про гауляйтера.

— Не помню до-дословно, но этот а... а... адъютант говорил, что гауляйтер сидит в ка-катакомбах и готовится на лодке добраться до какого-то судна в море... Ждёт на-назначенное время... Людерс нужен ему как лоцман.

— Ясно... — Женя задумалась.

Теперь она твёрдо знала, что Эрих Кох находится в Пиллау. И ей надо торопиться, потому что Кох может ускользнуть в море, словно рыба.

— Опять всё зависит от доступа в катакомбы! с досадой сказала Женя.

Володя помедлил перед главным разговором. Чтобы не глядеть Жене в глаза, он глядел на труп фон Дитца. Конечно, он не собирался лгать, но всё равно как бы обманывал Женю. Ему не было дела до Эриха Коха. И до Жени тоже. Он просто хотел оказаться рядом с Хельгой. Однако он — солдат.

и здесь, в Пиллау, он пребывает на птичьих правах, на милости у командира — у Жени.

— Людерс не уйдёт без ма-мальчика... — сказал Володя. — За мальчиком опять пришлют человека.

— Опять? — прищурилась Женя.

Володя кивнул.

— Это хорошо. Тогда мы устроим засаду.

Володя отрицательно покачал головой.

— Не... не-н-надёжно, — еле выговорил он.

— Почему? — сразу спросила Женя.

— Са-сама подумай...

Женя подумала. У неё нет людей. Её группа — три учёных литовца. Даже если она выпросит бойцов у Перебатова, как она потом всё объяснит майору, чтобы не выдать свой план с поимкой гауляйтера? А засада и вправду дело ненадёжное. Фон Дитц вылез из катакомб и пропал — вероятно, погиб, — и немцы теперь будут куда осмотрительнее. Удастся ли Жене взять нового посланца гауляйтера живым? И вообще, успеет ли она?

— Что-то хочешь предложить? — догадалась Женя.

— Пускай ма-мальчишку уведут... Я прослежу куда.

— Почему ты? В этом деле нужны навыки контрразведки, а не пехоты.

— Са-сама ты не сумеешь. На тебя обращают в-внимание. Ты ка-капитан СМЕРШа... и красивая женщина.

Володя не хотел строить аргументы на лести, так само получилось. Но Женя и не клюнула на этот крючок.

— Похоже, ты всё уже обмозговал, — с подозрением заметила она.

Володя почувствовал себя в деревянном сарае, как в тюрьме, и устало присел на ящик, на котором ночью сидел Клиховский.

— А если потеряешь немчика?

Володя закурил. Женя ждала. Её лёгкое настроение развеялось.

— Он сам ве-вернётся, — с трудом выдал Володя. — Он хо-хороший...

— С чего ты взял? Это гадёныш. Гитлерюгенд.

— Во-война всех озлобила... Но он с дядей остался с-с-здесь. Они оба сложили оружие. Я уговорю его ве-вернуться из катакомб и по-показать нам вход. Мо-может, он и Людерса выведет...

— Чушь! — отрезала Женя.

— Не чушь. — Володя покачал головой, подбирая слова. — Они бы-были при штурме П-пиллау... Та-такого никому больше не надо. Им уже не нужна война. Им не нужен га-гауляйтер.

— Людерс же ушёл.

Володя пожал плечами: ну и что? Людерса могли вынудить. Но Хельга-то не ушла с Зигги. А сейчас весь расчёт Жени только на неё.

— Мы не можем доверять им, Нечаев, — жёстко сказала Женя.

— По-понимаешь, Женя... — Володя с болью смотрел ей прямо в глаза, чужие и холодные, будто оптические прицелы. — Это не мы до-должны доверять им... Это они до-должны доверять нам.

Днём Клиховский спал, а ближе к вечеру отправился в комендатуру. Он хотел найти газетную статью, о которой упоминал Володя, с фотографией разрушенного замка в Мариенбурге. По-русски Клиховский не читал и почти не говорил, однако на-

деялся, что как-то сумеет объясниться с работником политотдела. Ему повезло: в коридоре комендатуры в толкучке он встретил Пакарклиса. Тот приходил за обеденными талонами для своей группы.

— Сегодня в цитадель должно пожаловать командование Балтийского флота, — пояснил Пакарклис. — Охрана выдворила и нас, и военнопленных. Так что сейчас я к вашим услугам, Винцент.

— Буду благодарен за помощь. — Клиховский прикоснулся к шляпе. — Если не ошибаюсь, Мариенбург взяли в самом начале февраля.

Политотдел занимал три большие комнаты, тесно заставленные столами и шкафами. Всюду сидели офицеры: писали, сверяли документы, говорили по телефонам. Плыл дым сигарет, секретарши стучали на машинках. Пакарклис отыскал дежурного с повязкой, и вскоре тот принёс большой и тонкий том-скоросшиватель. Пакарклис и Клиховский пристроились за столом в углу.

Клиховский раскрыл папку и принялся переворачивать затрёпанные листы «Красной звезды» — главной армейской газеты Советского Союза.

— Винцент, вы знаете слово «ZIF»? — спросил Пакарклис.

— Нет. А почему вы спрашиваете?

— Вчера мы обнаружили необычное подземелье. Ходами оно соединяется с кордегардией и кирхой. Судя по кирпичам стен и сводов, это семнадцатый век, время основных работ по возведению цитадели. Но архитектурно это типичная усыпальница из орденового замка. Что за странная причуда?

Клиховский распрямился, будто на пружине. Он сразу догадался, какое помещение отыскал литовец. Об этом помещении говорил доктор Хаберлянд.

— Вы наткнулись на склеп Пьера де ля Кава, коменданта крепости. В нём что-то было? Меня интересуют зелёные ящики с экспонатами музея Пиллау.

— Нет, нацисты там ничего не укрывали. Интересно другое, Винцент. Судя по всему, при модернизации цитадели уже в годы войны немцы включили эту старинную гробницу в систему современных коммуникаций. В полу склепа мы увидели большой люк. Трогать его не стали — вдруг заминирован? На нём было написано «ZIF-2». Что это может означать?

— Понятия не имею, Повилас. Здесь полным-полно таких секретов.

На развороте газеты Клиховский наконец увидел страшную фотографию Мариенбурга. Закопчённые стены и башни, все в дырах и выбоинах, словно скорчились от огня — так на средневековых кострах в корчах обугливались еретики. Газетный снимок беззвучно вопил. Уродливые очертания обгорелых руин, будто диаграммы излучений, запечатлели в себе всплески той ярости, с которой русские штурмовали древнюю твердыню. Верхний ярус Высокого замка был съеден обстрелом. От бургфрида остался обломанный клык. Вместо алтаря в соборе чернел огромный провал — разверстая полость грудной клетки.

— Бесстыжий ужас — как на пытке, — негромко сказал Клиховский.

— «В логове псов-рыцарей», — перевёл заголовок статьи Пакарклис.

Он читал, а Клиховский слушал. Мариенбург обороняли миномётчики, наземные части люфтваффа и пехотно-гренадерский батальон. Русские танки целый день лупили по замку из пушек, но не могли продолбить тевтонскую кладку. Тогда привезли ба-

тарей с бетонобойными снарядами. На вторые сутки замок пал. Корреспондент «Красной звезды» с искренним восторгом сообщил, что воины маршала Рокоссовского превзошли витязей Александра Невского: былинные витязи всего лишь утопили войско псов-рыцарей в Чудском озере, а солдаты маршала вонзили свой карающий меч прямо в тевтонское сердце фашизма. Что ж, победители опять подправляли историю.

Клиховский знал: битва на Чудском озере была одной из многих и многих стычек той эпохи и не решила никаких стратегических задач. Да и не тевтонцы нападали на Псков. Под тевтонским крестом шли рыцари-меченосцы из Риги и Дерпта, насильно включённые Папой Римским в состав Тевтонского ордена. Но это не важно. Тевтонцы были такими же, как тамплиеры или госпитальеры, не лучше и не хуже. Не лучше и не хуже них были поляки, литвины, русские, шведы и датчане. Все, кто сражался за шумящие пущи Прибалтики.

Однако тевтонцам не повезло. Именно их нацисты провозгласили своими предтечами. Безродные нацисты вызвали тени тевтонцев из небытия, желая вращать в глубину истории, желая стать венцом эволюции. Они рассчитывали переиграть судьбу Ордена заново. А получилось — повторить.

Это очень важная мысль — о повторении...

Разволновавшись, Клиховский стоял возле комендатуры и смотрел на канал Иннехафен. По каналу шёл русский эсминец — длинный, как штык-нож, с бронированной трёхъярусной надстройкой, с низкими скошенными трубами и орудийными башнями. Полузатопленные суда у берегов пролива будто бы угловато отшатывались от хищной надменности боевого корабля. Вдали над корпусами

завода «Шихау» поднимался дым — там запускали котельную.

Винцент думал, что ему тоже угрожает повторение планид: если он не вернёт Лигуэт, с Берчиком, Людвичеком и Чарусем произойдёт то же самое, что случилось с ним и его братьями. Дьявол установил этот закон для рода Клиховских как некую точку симметрии. Но если повторяется наказание, то повторяется и преступление. Значит, он, Винцент, блуждает среди множества повторений, точно в лабиринте из зеркал. То, что сейчас свершается с ним, с Винцентом, однажды уже свершилось с его предком — шляхтичем Каетаном.

Вечернее солнце висело у горизонта, и бессолнечное небо над Пиллау подобно огромной линзе сфокусировало свой свет на Винценте.

Катакомбы Пиллау — это подземный Мариенбург. И там спрятан Лигуэт. Каетану путь в замок должен был указать рыцарь Хубберт Роттенбахский, но он изловчился покончить с собой, а Винценту путь в катакомбы должен был указать адъютант Гуго фон Дитц, и он тоже сумел добраться до яда.

Хубберт был другом магистра фон Эрлихсхаузена, а фон Дитц был первым помощником гауляйтера Коха. Значит, Эрих Кох — магистр!

Доктор Хаберлянд был подобен канонику Яну Длугошу! Длугош открыл Каетану доступ в Мариенбург, а потом сбежал. И доктор Хаберлянд привёл Винцента в Пиллау, а потом уехал в эвакуацию.

А суккуб... Его роль исполняет, конечно, Хельга Людерс. Каетан выкопал демона из могилы на кладбище Обезглавленных в Кёнигсберге, а Винцент вытащил Хельгу из-под обломков во время первой бомбардировки Пиллау. Суккуб — существо двойной природы: в рыцарском Мариенбурге он был

сразу Сигельдом и Сигельдой. А Хельга, девочка, выдавала себя за мальчика.

И несчастным влюблённым, армариусом Рето фон Тиендорфом, сейчас был русский сержант Володя Нечаев.

Клиховский смотрел, как эсминец швартуется возле корабельной стенки верфи «Шихау». Перед комендатурой толпились офицеры, разговаривали и курили, водители дремали в «доджах» и «виллисах», автомеханики возились с мотором грязной полуторки, задрав мятую крышку капота. Из распахнутых окон доносились телефонные звонки, голоса и треск пишущих машинок.

В обыденном и ничем не примечательном настоящем беззвучно, как вода, проступало прошлое. События не совпадали точь-в-точь; мерцающие времена отражали друг друга неявно и расплывчато, будто акварель сквозь акварель. И всё же созвучие времён не было самообманом. Да, пьесы оказались на разных языках, и актёры в них играли не те, и драматурги не ведали друг о друге, но символ, порождающий действие, всегда выстраивал свой неизменный родовой сюжет: если роза — то любовь, если крест — то распятие, если меч — то война.

Он, Винцент Клиховский, знал, как сложилась история Каетана. Выходит, он знал, как складывается его собственная история. И он должен отыскать в сюжете тот заколдованный поворот, который увёл его предка к поражению. И на этом повороте он, Винцент, должен пойти в правильную сторону.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Зимняя ночь, когда погиб старый Хубберт, оказалась самой страшной и самой прекрасной в жизни Рето. Он сидел в рабочей келье один. Потрескивала оплывающая свечка, озаряя пергаменты. По жёлтым листам бежали чёрные готические строки хронографа. На цветных миниатюрах беззвучно кричали сражающиеся рыцари. Искрился иней в дальних углах. Шуршали мыши.

Дверь распахнулась, и в келью, шатаясь, ввалился Сигельд. Рето еле успел подхватить его — итальянский грамматик обмяк и повис на руках товарища.

— Я ранен... — прошептал он и потерял сознание.

Потом Рето не мог вспомнить, что он делал и как метался по келье. В памяти сияла другая картина: две составленные скамьи и книжный ящик, а на этом ложе вытянулся Сигельд, раздетый до застиранных нижних штанов и окровавленной рубашки-камизии. В куче брошенной одежды блестит кинжал — мизерикорд Хубберта. Рето раскрывает рубашку Сигельда и видит глубокий порез на боку.

Просто порез, а не смертельную рану. И ещё Рето видит нежную и бледную девичью грудь. Сигельд — вовсе не юноша. Он — Сигельда, девушка!

Той ночью Рето совершил первую в жизни кражу: унёс с кухни полотенце и ковш с горячей говяжьей похлёбкой. Разорвав полотенце на ленты, Сигельда заматывала порез, а Рето, стоя на коленях, смотрел, как под камизией качаются её груди. Потом Сигельда, постанывая, облачилась в свои одежды. Кровь запеклась и была незаметна на чёрной ткани. Сигельда глянула Рето в глаза.

— Ты не выдашь меня? — тихо спросила она.

— Никогда! — пылко поклялся Рето.

Он знал, какое наказание ожидает женщину, которая посмеет пробраться в замок. Её заживо замуруют в стене, как замуровали польскую княгиню Жулиту, что пыталась спасти своего мужа из заточения. Рето встречал призрак княгини Жулиты. Он не хотел, чтобы Сигельда тоже стала призраком.

— Расскажи, что случилось? — попросил Рето. — Кто ударил тебя ножом и как попал к тебе кинжал старого Хубберта?

При свете огарка Рето любовался тонким и чистым лицом Сигельды.

— Хубберт меня и ударил, — ответила Сигельда. — Он хотел меня убить. Но его глаза давно уже затемнели, он промахнулся и только ранил меня, да ещё выронил мизерикорд. Он потерял меня во мраке, а я ослабела от боли и страха и не могла его остановить. Он ушёл, влез на бургфрид и сбросился оттуда.

— Хубберт мёртв? — ужаснулся Рето.

— Он лежит у часовни Святой Анны. Его найдут, когда взойдёт солнце.

— Но почему, почему?!

Той ночью Сигельда ответила на все вопросы Рето, Девятнадцать лет назад в Моравии, в городе Знайме, скончал свои дни король Сигизмунд, властелин Чехии и Венгрии, Ломбардии и Германии. Он умер, сидя на троне как император Священной Римской империи. Его тело погребли в бенедиктинском аббатстве рядом с могилой святого царя Ласло.

Долгие годы Сигизмунд был другом Тевтонского ордена. И магистр Пауль фон Русдорф, взяв с собой лучших рыцарей, отправился в город Дьёр, чтобы почтить память императора. Среди тех рыцарей был и Хубберт, муж доблестный, зрелый и праведный. В епископском замке Дьёра делегация из Мариенбурга встретила с делегацией от папской курии. Римских прелатов сопровождала целая толпа слуг и служанок. Среди них оказалась кружевница Консолета. И медное сердце Хубберта расплавилось от её красоты.

Но страсть над могилами длилась недолго. Отдан дань памяти почившему Сигизмунду, делегации разъехались. Итальянская кружевница и немецкий рыцарь расстались навсегда. На следующий год, уже в Риме, Консолета родила девочку, которую называли Сигельдой. Её отдали в монастырь. В этом судьбы Сигельды и Рето совпадали. Консолета посвятила свою обездоленную любовь Всевышнему. Она постриглась в монахини и со временем стала аббатисой, весьма уважаемой многими прелатами. Через семнадцать лет она отыскала дочь и открыла ей тайну рождения. Она же и помогла Сигельде за получить бреве Папы Римского и отправиться в Пруссию на свидание с отцом.

— Я ничего не хотела от него, — вытирая слёзы, рассказывала Сигельда. — Просто хотела сказать ему, что я есть. Я боялась его. Я всего здесь боялась.

Рето обнимал Сигельду и прижимал к себе, задыхаясь от сочувствия.

Этой ночью Сигельда призналась отцу, кто она. Однако сердце Хубберта Роттенбахского давно очерствело в гордыне тевтонца. И Хубберт не желал, чтобы существовало свидетельство его давнего грехопадения. Хубберт решил убить свою дочь. Ему помешала слепота. На свидании в тёмном подвале замка Хубберт кинулся на Сигельду с кинжалом, но только порезал её, а не сразил насмерть, и обронил оружие. Что оставалось злему старику? Девка больше не подпустит, а былая праведность низвергнута в прах. Охваченный безумием и спесью, Хубберт поковылял на башню и уничтожил себя — и тело, и душу.

Рето внимал как в горячке и думал: в чём виновата несчастная Сигельда? Ни в чём! Жажда узнать отца единоприродна жажде обрести Бога: нельзя за это укорять. Сигельда попала в Пруссию в плохое время, застала Мариенбург в осаде и не имела другого способа увидеть Хубберта, кроме как проникнуть в замок под чужой личиной. Зато чужая личина Сигельды позволила бы Хубберту сохранить тайну давнего отступничества... если бы он покаялся и благословил свою дочь. А Хубберт предпочёл мизерикорд. И не справился. И умножил немалые свои грехи окончательным грехом самоубийства.

И всё же Рето был неимоверно счастлив. К чёрту проклятую ненавистную ложь! Хубберт лгал всю жизнь — и пускай катится в ад, туда ему и дорога! Да, он, Рето, нарушил обеты, поддался соблазну — соблазну любви. Он не одолел той высоты духа, к которой так искренне стремился. Но и не пал так низко, что нет прощения! Он не содомит! Он просто человек! Вопреки рассудку и опыту, он естеством

своим почуял иную природу грамматика Сигельда — женскую природу, спрятанную под одеждой монаха и видимостью ватиканского посланца. Он, Рето, не оскорбил Божьей заповеди, воспрещающей мужчине делить ложе с женщиной. Он всего лишь не исполнил того, что пообещал Богу в наивном неведении жизни. Он полюбил девушку. Господь его простит.

Такое ведь не раз случалось с братьями Ордена. Однажды некий рыцарь из замка Торн полюбил юную горожанку. Утаить любовь не получилось. И рыцаря наказали — хотя не тюрьмой до смерти, конечно, а трудной работой. Его обязали в одиночку построить башню для городских укреплений, только эта башня должна быть такой же кривой, какой была добродетель рыцаря. И Кривая башня доныне возвышается над берегом Вислы в городе Торне — поляки называют его Торунем. Рыцарь искупил свою вину. Рето тоже искупит. Но потом. Не сейчас, когда они с Сигельдой вдвоём в уединённой келье.

От слёз у Сигельды опухли и глаза, и губы.

— Мой отец был плохим человеком, — шептали эти губы. — И я ни капельки его не жалею. Он всё равно бы умер. Мы ведь все здесь скоро умрём, да?

Рето сотрясаясь от странного и страшного освобождения. Освобождения от угрозы оказаться содомитом. От неизбежной расплаты за недозволенную любовь. И от напрасных надежд на спасение. Сигельда права. Мариенбург обречён. Никто не придёт на выручку — ни германские рыцари, ни ливонские братья. Гибель Мариенбурга — лишь вопрос времени. Табориты убьют всех.

— Но пока мы ещё живы!.. — хрипло ответил Сигельде Рето.

Она была и нежна, и сильна и цепко оплетала его собою, как цветущая жимолость, и разум его помрачался от благоухания, а тело таяло от зноя. В утробной глубине огромного замороженного замка в потаённой камерке словно вспыхнуло маленькое жгучее солнце, а вокруг замка в непроглядной тьме всё так же неслись, обгоняя друг друга, стальные жулавские ветра.

Старого Хубберта нашли раньше, чем встало солнце. В замке поднялся переполох: в галереях зазвучали торопливые шаги и взволнованные голоса, заскрипели дверные петли. Сигельда быстро выскользнула из объятий Рето, соскочила с ложа из двух скамеек и книжного ящика и принялась одеваться.

— Как страшно отпускать тебя даже на мгновение! — прошептал Рето.

Сигельда не ответила. Она открыла дверь и пропала в темноте.

Вскоре на западной стене замка, до которой не дотягивался свет луны, из малого окошка вывалился суккуб и тотчас хлопнул в воздухе расправленными крыльями. Он тенью полетел вдоль стены, отыскивая другое окно, и нашёл его — мерцающее огоньками свечей окно в покоях магистра. Как нетопырь, суккуб ухватился за края кирпичного проёма и наполовину влез в нишу, прикинув к стеклу. В комнате магистра никто не заметил незваного гостя.

Людвиг фон Эрлихсхаузен разговаривал с капелланом Этцелем.

— Нам нужно решить, что скажем братьям, — мрачно произнёс капеллан. — Я не могу поверить, что наш Хубберт дерзнул на грех самоубийства.

— Я знаю его двадцать лет, — кивнул магистр. — Хубберт не сотворил бы такого над собой. Может, у него были враги? Каким он был на исповеди?

— Разум его давно помрачился. Лишь Господь понимал, в чём наш брат каялся и от чего предостерегал. Не является ли причиной всему немощь ума?

— Он не настолько спятил, чтобы забыть о заповедях, — буркнул магистр.

— Брат Харман, что стоял на карауле, утверждает, что Хубберт был один.

— Значит, Харман плохо караулил! Или ему колдовством отвели взгляд!

При упоминании колдовских чар капеллан опасно поёжился.

— Хубберт хотел быть погребённым рядом с Дитрихом фон Логендорфом. Они дружили, и Хубберт любил башню Дитриха. Он должен был помнить: если поднимет руку на себя, то не упокоится ему рядом с другом.

— Я тоже думал об этом, — согласился магистр. Старик не желал покидать замок и после смерти, значит, он не убивал себя. Мы должны похоронить его, как подобает рыцарю, павшему в битве. Только вот с кем он бился?

Суккуб вылез из оконной ниши и бесшумно понёсся прочь.

На рассвете у тела Хубберта, лежащего в сугробе, собралась толпа. Братья крестились и кутались в юбервурфы. Солнце всплывало в морозной дымке. Здесь, на террасе между оборонной стеной и стеной замка, хоронили самых достойных рыцарей. Хубберт упал с неба на кладбище словно по какому-то высшему замыслу. Глаза Рето при виде старика наполнились слезами: Хубберт был грё-

шен, однако всё равно он часть Ордена, и терять эту часть больно.

Магистр вышел из часовни Святой Анны вместе с братом-тресслером.

— Горько, что смерть сразила последнего воина Танненберга, — сурово сказал магистр. — Но такова воля Господа. Преклонимся перед ней.

— Объясни, брат Людвиг, как это случилось, — попросил кто-то из толпы.

— Я не знаю. Но обязательно узнаю. Хубберта убили.

По толпе пролетел вздох облегчения: душа Хубберта будет спасена!

— Среди нас скрывается убийца Хубберта Роттенбахского, — подвёл итог магистр. — Мы будем искать его, братья.

Рето поймал взгляд магистра и молча содрогнулся.

В середине дня Людвиг фон Эрлихсхаузен вызвал армариуса на разговор.

Зал Капитула занимал половину второго яруса северного крыла Высокого замка. Рето вошёл и почувствовал себя маленьким и ничтожным. В этом зале полтора века решались судьбы Ордена. Тонкие колонны упирались в острые и ребристые своды. Сквозь стрельчатые окна сеялся тихий свет. С росписей на Рето взирали бывшие Верховные магистры. Вдоль стен стояли резные скамьи для участников Капитула — главного собрания повелителей тевтонцев. Людвиг фон Эрлихсхаузен сидел в кресле. Больше в зале никого не было.

— Ты знаешь, кто мне нужен, брат Рето. — Магистр смотрел испытующе. — Мои подозрения падают на итальянца. Хубберт считал его дьяволом.

— Сигельд — смиренный слуга Святого Престола... — еле ответил Рето.

— У него были причины желать Хубберту смерти?

— Никаких!.. Хубберт лишь единожды почтил Сигельда своим вниманием — когда показывал над гробом в часовне Святой Анны. Это было ещё летом.

— Прошедшей ночью ты видел грамматика?

— Он спал в дормитории, как и все...

В холодных дормиториях братья спали в одежде. Часы отдохновения у них не совпадали, а собственное место никто не имел — так требовали Статуты Ордена в дни осады. Братья не знали, кто занимает соседний лежак.

Рето лгал магистру впервые, однако ложь давалась так легко, словно стала сутью души, и Рето ужаснулся неведомой бездне, разверзающейся в его сердце. Но что делать? Сигельда не убивала Хубберта, а доказать это Рето не мог, иначе погубит Сигельду другим её преступлением. Оставалось лгать.

— Дозволено ли мне выразить своё мнение? осторожно спросил Рето.

— Конечно, мой мальчик, — отозвался магистр с необычной мягкостью.

— Думаю, что старый Хубберт потерял надежду на спасение Мариенбурга. Ту надежду, с которой в молодости он служил Генриху фон Плауэну.

Глаза магистра потемнели от ожесточения, но Рето уже замолчал.

— Ты считаешь, что Хубберт пренебрёг спасением души?

— Орден был для него важнее души. Хубберт не хотел видеть падения нашего главного замка. Хубберта погубила гордыня.

Магистр погрузился в мрачные размышления. Рето ждал.

— Ступай, — тяжело отослал его магистр.

В келье за рабочим столом сидела Сигельда. Точнее, грамматик Сигельд, словно бы ночью ничего и не было. Но Рето уже не мог забыть о той тайне, которую он изведal во вчерашней тьме. Теперь под привычными одеждами Сигельда Рето неотступно видел очертания девичьего тела. Это знание жгло разум куда сильнее, чем укоры совести за ложь. Рето жаждал снова окунуться в безумие, которое могла даровать бесстыдная и ненасытная плотская страсть.

— Я только что солгал брату Людвигу, спасая тебя, — убито сообщил Рето.

Сигельда сжалась. Взгляд её стал затравленным.

— Хубберт сам сбросился с башни... — ответила она с тихим упрямством.

— Братья не хотят в это верить. Не хотят верить, что Мариенбург обречён. Братьям проще найти убийцу.

— Убийцей объявят Сигельда. Он чужак.

— Не для меня, — твёрдо сказал Рето.

— Только ты и спасаешь меня от казни.

Рето закрыл ладонями лицо. Ему хотелось зарыдать — то ли от горя, то ли от счастья. Внезапно он почувствовал, что Сигельда уже рядом, уже обнимает его и целует. К его плечу прижималась мягкая девичья грудь.

Сигельда выложила на стол мизерикорд Хубберта.

— Я всё понимаю, любимый, — нежно прошептала она. — Просто я боюсь казни... Боюсь того последнего наклона, чтобы меч отсёк мне голову... Боюсь тесноты, когда меня заложат кирпичами... Убей меня ты. Из милосердия. По любви. Потом скажешь, что я напала и ты защищался... Я тебя благословляю.

Я приму смерть от тебя с благодарностью... А ты будешь свободен.

Рето отнял руки от лица.

— Как ты могла подумать о таком! — воскликнул он с гневом и болью. — У меня теперь нет ничего дороже тебя! Ты — моя святая Варвара!

— Меня все бросают! — не выдержав, заплакала Сигельда. — Мать оставила меня, отец хотел убить.. А ты... Ведь я тебе никто!..

Рето вскочил и подхватил её, лёгкую и тонкую. Он не позволит Сигельде погибнуть! Он в одиночку станет для неё всем Тевтонским орденом!

Плотская страсть Червонки не знала насыщения, а девка не ведала стыда. Узкое целомудренное ложе магистра давно развалилось, и Червонка выбросил его на двор — для костра дозорных. Червонка валял и катал свою бешеную девку по татарскому ковру, и девка порвала ковёр когтями в нескольких местах. Караульный пешек отходил от покоев магистра подальше, чтобы не слышать дикие вопли и рычание, словно там дрались два яростных зверя.

— Если я убью тебя, то сразу выпью твою кровь, тяжело дыша, поделился Червонка с Сигельдой. Ты возвращаешь мне молодость. Ты мандрагора.

От рыжего и кудлатого таборита пахло случкой весеннего гона.

— Ты вонючий вепрь, — смеясь, отвечала Сигельда. — Твои бабы — свиньи!

Она знала, что сказать. И Червонка тотчас снова превращался в вепря.

— Я посажу тебя в железную клетку голую и буду везде возить за собой, — обещал он. — Я буду кормить тебя одним сырым мясом. А к клетке на цепь

пристегну самого праведного святошу, чтобы не дал тебе сотворить чары и сбежать. Буду доставать тебя из клетки, когда хочу, драть и сажать обратно.

— Сначала возьми замок мизгирей, — остужала его пыл Сигельда. — Меня обманули с подземным ходом. Я его не нашла, не найду и не покажу тебе.

— Я сам прогрызу стену замка, как крыса.

Сигельда седлала Червонку и упиралась руками ему в грудь.

— Не надо грызть стены. Тебе опустят мост. Но помни, что первой должна войти Торуньская хоругвь.

— Скажи мне, кто там твой любовник? — допытывался Червонка.

— Он мне не любовник. Но я поклялась, что введу его в замок.

— Я всё равно его найду и убью.

— Даже не думай! А поймаю твоего соглядатая — сердце вырву.

Червонка злорадно ухмылялся:

— Ладно, твой поляк получит замок. Но я выколю ему глаза и отсеку руки.

Сигельда принималась бить Червонку по лицу:

— Ты не тронешь его руки и глаза, рыжая скотина!

Червонка мотал головой и довольно хохотал:

— Я его оскоплю! Он же тебе не любовник, сука! Ты не заметишь разницы!

Надвигающаяся весна и вправду опьяняла Червонку пробуждением сил, предчувствием свежей крови, скорой победы и грядущей дороги.

Первые оттепели растопили небесный лёд, и над замками плыли бурные облака — над сизыми и лохматыми вылезали солнечно-жёлтые, а в просветах сияла размытая голубизна. На поверхности реки пятна блеска перемешались с лазурью и бурными

отражениями стен. Черепичные крыши из багрово-рябых, заснеженных, стали мокро-красными. На валах сверкала корка наста.

В Высоком замке под опорами данцкера оттаял и зажурчал Млынувский канал. Из города прилетели чайки. На аркадах клуатра — открытого двора -- повисли неровные ряды острых сосулук. По булыжникам мостовой под уклон к колодцу бежали ручьи. На террасах вдоль оборонных стен братья лопатами разбрасывали сугробы, чтобы солнце быстрее разъело снег.

Самым отрадным звуком для Рето стал звон колокола на бургфриде, призывающий к утренней мессе. Новое утро — это новый день, который он, Рето, проведёт со своей возлюбленной, со своей ненаглядной.

Братья Ордена отказывались от обладания имуществом, поэтому в замке не было на дверях никаких запоров, но Рето выстругал клинышек из обломка доски и мог закрыть свою келью изнутри. Они с Сигельдой бросали одежды в солнечную полосу на кирпичном полу и в ней предавались любви, насколько хватало сил. Исчерпав себя, они просто лежали и тихо ласкали друг друга. Хронографы и летописи Ордена засыхали на столе, покрываясь пылью.

Рето казалось, что всё в жизни прекрасно и не случится ничего плохого. Былые мрачные мысли о падении замка развеялись без следа. Замок устоит и без помощи извне. Припасов хватает. Таборитам не взять твердыню Ордена. Они проторчат под стенами, пока не истребят всё, что захватили, а затем уйдут за другой добычей. Значит, впереди полгода осады. Полгода любви.

А что будет потом? Потом он и Сигельда сбегут. Да, он мечтал отдать себя Ордену... Но что такое Орден в сравнении с цветущей любовью? Орден — это мрачные замки и суровые рыцари. Это скудость и строгий порядок. А жизнь вокруг — огромная и разнообразная. Она переливается всеми красками. И законы Ордена вовсе не самое правильное, что создано Богом и людьми. Не самое лучшее. Ради чего тогда отказываться от мира?

Мизерикордом Хубберта Рето нацарапал на столе шахматные квадраты, а из свечного воска вылепил фигурки. Бумаги и чернил хватало, и Сигельда изготовила игральные карты. Когда она проигрывала, то исполняла желания Рето. Когда желания иссякали, они нагишом, как в раю, сидели за шахматы.

Ночью, засыпая в холодном рыцарском dormitorio, Рето словно уплывал в сказочные края. Ему снились морские волны, цветы и павлины с радужными хвостами. А Сигельда выбиралась из окна, расправляла крылья нетопыря и улетала к таборитам. Её ждал Ульрих Червонка. Или Каетан Клиховский.

С Каетаном она теперь встречалась в отдалённой и пустой башне Фурта.

В тот раз Каетану пришлось ждать суккуба до пятого звона с бургфрида. Запахнув кунтуш, Каетан стоял у амбразуры. Прямо перед ним, утопленная в густой и влажной синеве, чернела огромная глыба замка. Справа виднелась узкая башенка Дитриха, луна посеребрила одну грань её шатра. Влево от замка отходило грузное плечо галереи и данцкера. Ни одно окно не светилось.

На нижнем ярусе Фурты раздался сдавленный крик. Каетан оглянулся и положил ладонь на руко-

ять меча. Из лестничного проёма в полу поднялась Сигельда. Она держала какое-то круглое яблоко, капающее чернилами.

— Кто там был? — тревожно спросил Каетан.

— Лазутчик таборитов, — пояснила Сигельда. Червонка ищет того, кому я служу. То есть тебя. А я предупреждала, чтобы он не посылал соглядатаев.

Сигельда откусила от яблока. Каетан понял, что это человеческое сердце.

— Вот поэтому ты назначила Фурту вместо Курьей Ноги?

— Курья Нога слишком на виду.

Каетан всмотрелся в лицо Сигельды. Наверное, при жизни она была очень красивой девушкой. А сейчас — демон. Осталось ли в нём что-то человеческое?

— Долго ли ещё будет тянуться осада? — с раздражением спросил Каетан.

— Я должна была зацепить своего дурачка покрепче.

— Какого дурачка? Того рыцаря, которого ты соблазнила?

— Он не рыцарь, — с презрением поморщилась Сигельда. — Так, орденский писец. Но мне надо, чтобы он влюбился без памяти. Это он опустит мост, по которому вы прорвётесь в замок.

— И когда же это случится?

— Рано утром послезавтра.

Каетан вздрогнул. В груди что-то тяжело заворочалось.

— Будь готов со своей хоругвью. — Сигельда вытерла окровавленную пятерню о кирпичи простенка. — Когда начнётся свалка, я приведу тебя к моему писцу. Лигуэт будет при нём.

— Хочешь, чтобы я убил того, кто для тебя пожертвует всем?

Сигельда уже забиралась в окно.

— Лучшая участь для дурачка! — усмехнулась она и выпала наружу.

Раскинув крылья, она сделала в воздухе большой круг над Фуртой, потом пронеслась мимо башни Дитриха, отбросив распростёртую тень на лунную грань шатра, и плавно снизилась перед порталом усыпальницы магистров. Мощно работая крыльями, она зависла над тем местом, где когда-то лежал Хубберт Роттенбахский. Перевернувшись в воздухе вверх ногами, чтобы не оставить следов, Сигельда руками зарыла в снег какую-то смятую бумажку.

После утренней мессы, когда ранее солнце нежно высветило зубчатую верхушку бургфрида, братья разошлись исполнять свои обеты и уроки. Рыцарь Мейнард фон Бах, разбрасывая лопатой уже разрытые сугробы на могилах у часовни Святой Анны, увидел под серыми комьями снега смятую бумагу. Фон Бах поднял её, на бумаге темнели письмена. Читать рыцарь не умел и потому понёс находку капеллану Этцелю. Капеллан расправил мокрый лист и прочёл.

Вскоре он уже стучал в двери магистерских покоев.

— Это молитва святой Елене об избавлении от бельм, — сказал магистр.

— Сей лист обнаружили на месте падения Хубберта, — ответил капеллан. — Похоже, он вылетел из одеяния покойного.

— Значит, с его помощью Хубберта заманили на башню и столкнули?

— Хубберт погиб в полнолуние, когда и следует взывать к святой Елене.

— Кто же мог написать эту молитву? — Фон Эрлихсхаузен задумчиво посмотрел в глаза Этцелю. — Не так много братьев знают грамоту...

— Мы, немцы, пишем швабахером, — вздохнул капеллан. — А буквы сего письма начертаны ротундой. Так пишут латиняне. Послание составил ватиканский скриптор. Он и есть убийца Хубберта. Амен.

Четыре брата-рыцаря с обнажёнными клинками по сводчатым галереям и узким лестницам быстро пошагали в дальний и высокий угол замка — там располагалась уединённая келья грамматиков. Магистр и капеллан спешили за рыцарями. Низенькая дверь кельи не открылась на толчок руки, хотя никакого запора грамматикам иметь не дозволялось. Один из рыцарей ударил в дверь тяжёлым плечом. Доски треснули. И рыцари узрели чудовищную картину: оба юных грамматика, полунагие, валялись на полу в обнимку. А самое страшное — о дьявол! — заключалось в том, что злодей-итальянец оказался девицей!

Магистр и капеллан, не желая осквернять взоры, ожидали в галерее, слыша звуки борьбы, грохот мебели и крики Рето фон Тиендорфа:

— Нет! Нет! Не касайтесь её!..

Два рыцаря вынесли итальянку, безвольно обвисшую в их лапах.

— В подвал её! — приказал магистр.

Два других рыцаря выволокли армариуса с разбитым лицом.

— Что ты наделал, брат мой? — горько спросил магистр.

Рето, потрясённый, дёргался в руках рыцарей. Глаза его, сейчас тёмные и дикие, точно у зверя в последней схватке, пылали болью и одержимостью.

— Помилуй невинную! — прохрипел Рето магистру.

— А его — в «железную келью», — распорядился магистр.

Рыцари потащили Рето по галерее. Рето бешено забился, сопротивляясь.

— Не разлучайте нас!.. — завопил он.

Один из рыцарей в досаде ударил его кованым наручем по затылку, и Рето, оглушённый, наконец затих, как и Сигельда.

«Железной кельей» назывался главный каземат замка Мариенбург. Он находился в первом ярусе прямо под залом Капитула — через стену от тоннеля, что вёл из клуатра к подъёмному мосту. Просторное сводчатое помещение с одним маленьким окошком, над которым висело медное распятие, понижу было обшито листами железа. Свою броню каземат носил примерно сотню лет, и за прошедшие годы она сплошь покрылась толстой ржавчиной.

Бесчувственного Рето бросили на пол «кельи» и заперли дверь.

В «железной келье» сидели все знаменитые узники Ордена: мстительный мемельский рыцарь, зарезавший магистра Вернера фон Орзельна, польский князь, супруг призрачной ныне Жулиты, и сам Генрих фон Плауэн. Век назад здесь оказался князь Кейстут — сын Гедимина и повелитель Литвы.

Это было в славные времена великого магистра Винриха фон Книпроде. До обретения заветного

кольца фон Зальцы Винрих служил комтуром Бальги, Эльбинга и Данцига. Став магистром, он привёл Орден к высшему расцвету. Орден дружил с Польшей и Ганзой, а смертельным врагом тогда была Литва. Она якобы приняла крещение, но ложное: литвины почитали жреца Криве в тайном лесном городе Ромове, а изловленных рыцарей сжигали в ямах заживо и на конях. Винрих провозгласил: «Нечистая вера — не вера, нечистая кровь — не кровь», и Папа благословлял Крестовые походы на Литву.

В Мариенбург, как некогда в Акру, приезжали лучшие воины Европы. В Среднем замке пели трубы герольдов, гремели турниры и двор замка устилала срубленные со шлемов павлиньи перья. В рефекториях магистерского дворца кружились балы, а сам магистр выводил на танцы прекрасных дам, спутниц рыцарей. Потом рыцари уходили в «рейзы» на Ковно, Вильно и Сауле и превратили пущу на пограничье Ордена и Литвы в страшную мёртвую дикру. В одном из таких «рейзов» крестоносцы взяли в плен князя Кейстута.

Его посадили в каземат, который тогда ещё не был железным. Но Кейстут в заключении просидел совсем недолго. В один прекрасный день он просто исчез. Как он выбрался — неизвестно. Решётка на окошке и окованная дверь остались совершенно целыми, неповреждёнными были и кирпичные стены.

Орденское дознание постановило: Кейстута выпустил сторож — полубрат Альф, литвин. На Альфа указал единственный свидетель — пекарь Бутовт. Во дни пленения Кейстута пекарня Высокого замка пребывала в перестройке, и Бутовт выпекал хлеба в наскоро приспособленной печи гипокауста, которая обычно подогревала зал Капитула. Гипокауст располагался в каморке, что соседствовала с казе-

матом. Из своей каморки Бутовт и увидел, как Альф ведёт Кейстута по клуатру. Но нельзя было доверять Бутовту: через пару лет он сам попытался отравить членов Капитула и, схваченный, принял яд. А полубрат Альф пропал бесследно. Кейстут, вернувший себе свободу и власть, почему-то ничем не наградил своего спасителя.

Словом, братья Ордена укрепились в убеждении, что Кейстут выбрался по колдовству Криве — тому колдовству, которое потом обрекло на смерть и проклятие магистра Конрада фон Валленроде. И стены каземата обшили освящённым железом. Так каземат стал «железной кельей».

Рето лежал в ней на полу под окном и распятием.

С лязгом открылась тяжёлая дверь с окошком, и в «келью» вступил магистр Людвиг фон Эрлихсхаузен. Он помолчал, глядя на лежащего Рето.

— Как же низко ты низвергся!.. — горько произнёс он.

Душа магистра и правда сокрушилась. Он, магистр, всегда относился к этому юнцу со скрытой теплотой. Уважал его учёность. Жаль, что Рето был братом-священником, а не братом-рыцарем. Тогда фон Эрлихсхаузен сделал бы его кумпаном — молодым помощником, а из кумпанов часто выходят комтуры, маршалы и даже новые магистры. Но Рето прелюбодействовал. Рето укрывал убийцу. Там, в зале Капитула, Рето лгал покровителю прямо в лицо.

— Она ни в чём не виновата! — усаживаясь, непримиримо прорычал Рето.

— Тогда откуда в вашей келье мизерикорд Хубберта? Только не лги мне, что Хубберт подарил его тебе или ты где-то нашёл его.

Рето вскочил. Магистр поднял руку, предостерегая безумца.

— Я всё расскажу! — страстно выдохнул Рето. — Сигельда — дочь Хубберта! Она пробралась к нам, чтобы увидеть отца! Хубберт хотел убить её и скрыть свой позор, но выронил кинжал! И тогда он убил себя, потому что уже не верил в спасение Мариенбурга!.. Это так, брат Людвиг, это так!..

Магистр покачал головой, словно убедился в своей правоте.

— И ты поверил в такое? — грустно спросил он. — Тебя обманули, мой мальчик. Тебя соблазнили.

Ему было жалко несчастного юношу. Он пал жертвой своей чистоты.

— Нет! Я сам соблазнил её!

— Ты юн и не знаешь коварства дьявола. Твоя возлюбленная — ведьма.

— Она мученица! — опять истошно закричал Рето.

Не отвечая, магистр отвернулся и открыл дверь.

— Что ты сделаешь с пленницей?

Рето бросил свой вопрос в спину магистра, будто копьё в спину врага.

— Завтра мы её сожжём.

Рето знал, что Сигельда — не ведьма, но завтра на рассвете её всё равно казнят! Рето затравленно метался по «железной келье». Душа у него горела и вертелась в груди. Но нельзя терять рассудок! Рето прижался спиной к железу, остужая себя, и зажмурился. Он должен придумать, как спасти Сигельду!..

Даже если бы он был на свободе и с мечом, то в одиночку ничего бы не добился... Ему нужны воины!.. Господи, где их взять?.. Рето вскинул глаза на медное распятие и попал взглядом в окно. А воины — они там, за окном, за стеной замка!.. Если они

ворвутся в замок, то братьям станет не до ведьмы!.. Нападение врагов отменит костёр!.. Конечно, богемцы — дикари, они могут убить пленницу или надругаться над ней, но поляки — иные! Шляхтичи помнят о своём божьем облике!.. И что же сделать, чтобы враги оказались в замке?! Что?! А средство только одно: опустить для них подъёмный мост

Рето обхватил голову руками. Напрягая разум, он ставил себе задачи — и находил ответы, но каждый ответ оказывался новой задачей. Думай, думай!

Предположим, он стоит у моста. Вернее, у двух мостов. Слева — малый, для пеших. Рето легко опустит его, потому что малый мост держится на цепи с чугунными шарами-противовесами. Но, увы, этот мост не поможет! Караул поднимет его обратно или с оружием в руках преградит узкий проход, надёжно перекрыв дорогу врагам. Значит, надо опускать большой мост!

Большой мост подвешен на двух цепях, которые наматываются на ось из цельного бревна. Ось находится в крытой галерее над воротами. Её вращают только впятером, вставляя крепкие рычаги в особые пазы бревна. И без чужой помощи Рето никакими усилиями не повернёт ось и не опустит большой мост!

Рето покрылся холодным потом. Неужто замысел неисполним?! О, если бы он мог просто разорвать огромные цепи, словно шнурок с чётками!..

А ведь он может!

Рето снова забежал по сумрачному и зябкому каземату. Да, есть оружие, которое рассекает всё! Лигуэт! Меч Сатаны! Он не только создаёт из немцев тевтонов, а из людей — анастифонтов. Он разрушает любую материю!

Если Рето возьмёт Лигуэт в соборном реликварии, то перерубит цепи большого моста. Мост упадёт. Поднять его будет невозможно. Враги влетят в Высокий замок — и не взовьётся костёр, пожирающий возлюбленную Рето!

Но достойна ли Сигельда такой цены? Да! И Рето ей о том уже говорил.

Стемнело, но Рето не получил даже малой лампы. Над ним висел густо-синий зарешеченный проём окна, призрачно озаряя свою нишу и округлый свод. Рето знал, что из окна можно увидеть только бледную от луны аркаду оборонной стены с противоположной стороны террасы. С улицы веял холод.

Рето подумал о Сигельде. Бедное создание! От неё отвернулся весь мир! Что с ней сейчас делают?! Наверное, она где-то в мрачном подвале — нагая, связанная. Конечно, брат Людвиг приказал её пытать, чтобы созналась, будто она ведьма и убийца Хубберта! Какую пытку избрали палачи? Дыбу? Клещи? Кнут? Сигельду терзают, как Диоскур терзал святую Варвару!.. Рето жаждал, чтобы Варвара явилась к нему, — и она явилась... для повторения своих мук!..

Рето заскрипел зубами. Он должен добыть свободу и взять Лигуэт! Но как выбраться отсюда?! Был только один путь. Путь литовского князя Кейстута!

Рето не верил, что Кейстут прошёл сквозь стену силой колдовства. Если бы Криве мог размыкать стены, то литвины взяли бы все орденсбургги. Нет, Кейстут сбежал как обычный человек! Рето лихорадочно крутил в памяти все подробности того побега. Многие из них были странные, будто кривые детали от непонятной машины — они кажутся просто уродливыми деревяшками, пока не поймёшь, как соеди-

нить их в механизм. Сторож Альф... Пекарь Бутовт... Обогревательные печи... Нетронутые стены... Как всё это складывается?

Без сомнения, Кейстут ушёл не через дверь: сторожам не дают ключа. И не через окно: решётка осталась на месте. И не через левую стену — это стена входного тоннеля, она толщиной с боевой воз. Не через пол или свод... Через правую стену? Но за ней раскалённый гипокауст!.. Пекарь?.. И Рето понял!

Никто не следил за пекарем в его камере. Пекарь разобрал заднюю стену гипокауста — она была и стеной каземата — и выпустил Кейстута. А сторож Альф через окошко в двери увидел, что «келья» опустела, и сбежал, чтобы его не покарали. Видно, Бутовт был лазутчиком Литвы — такое случалось. И он хотел остаться в замке, чтобы отравить Капитул. Поэтому он и отвёл от себя подозрения: заложил проём в печи обратно кирпичами и обвинил Альфа!

В своих умопостроениях Рето поймал неувязку. Сложить кирпичную стену — не доску в заборе приладить. Для кладки нужен раствор... Где пекарь взял известь для него? Как замесил, чтобы не заметили?.. Чёрт, а пекарь и не делал раствор! Он замесил хлебное тесто с песком и сложил кирпичи на тесто!

Значит, за ржавым листом железа дыра Бутовта, по-прежнему закрытая кирпичами на хлебном тесте! А тесто — не известковый раствор! Затвердевшее тесто — хрупкий сухарь, а не прочный камень! Его можно раскрошить!

Догадка обострила все мысли Рето. Он уже не метался по «келье», а чутко замер, как зверь, который нацелился и готов прыгнуть на жертву. Рето понял, как ему повторить побег Кейстута. Он вскарабкался в ледяную оконную нишу и сорвал со

стены тяжёлое медное распятие. Господь простит за святотатство!..

Братья в замке занимались чем-то своим, никто не заглядывал в дверное окошко. Распятием Рето поддел толстый ржавый лист, прибитый огромными гвоздями к стене, и принялся как рычагом отрывать его, ломая ногти и обдирая пальцы. Лист поддавался с тихим скрежетом, и появилась щель. Рето вцепился в край и отволок лист на сторону, как железное крыло. Оголилась кирпичная кладка. Уголком исцарапанного распятия Рето стал колупать раствор то в одном месте, то в другом. Он искал работу Бутовта. И распятие действительно вдруг с хрустом вошло меж кирпичей. Он, Рето, предполагал правильно!

Рето орудовал как одержимый: скрёб и пилил слои раствора и вынимал кирпичи из кладки, словно хлеба из пода. Корявая дыра, углубляясь, наконец разверзлась сквозным проёмом, из которого пахло застарелой гарью: Рето пробил путь в трубу гипокауста! Сотрясаясь от лихорадочного нетерпения, Рето расширил проём, проделанный сто лет назад ещё для князя Кейстута.

Извиваясь, Рето пролез в него и очутился в чёрном чреве обогревательной печи. Внутренние стенки её заросли сажей. Можно было выскочить в каморку истопника прямо сейчас, но Рето нашарил в кромешной тьме кованую скобу — лесенку трубочистов. Хватаясь за жирные от копоти скобы, Рето пополз вверх по кирпичной кишке дымохода, протянутой сквозь тело Высокого замка.

Он вывалился из дверки уже на втором ярусе. Здесь каморка истопников находилась между огромным залом Капитула и огромным залом собора. Рето выглянул в галерею — никого! Длинная аркада обозначилась в синеве рассвета.

Рето выскочил в галерею. Одежда его была изорвана, перепачкана сажей, ржавчиной и каменной пылью, лицо — как у дьявола из пекла, руки — в крови. Рето увидел, что внизу, в клуатре, ещё погружённом в тень, ходят братья: таскают из подвалов дрова, устанавливают столб с цепями. Братья готовились сжигать ведьму. Убивать возлюбленную Рето!

По галерее Рето понёсся к порталу Золотых ворот — входу в собор. Мудрые Девы и чудовища, вырезанные в портале, не осуждали армариуса.

Над Рето с неслышным гулом взгромоздился неимоверный объём собора. Витражи в стрельчатых окнах были ещё чёрно-серебряными. В простенках тускло отсвечивали щиты с родовыми гербами — их навеки оставляли здесь братья, вступающие в Орден. В острых сужениях сводов скопился мрак.

Затаив дыхание, Рето вошёл в реликварий. У него не было времени, чтобы преклонить колени и вознести молитву. Он знал, где искать то, ради чего он влез сюда, как вор. Он приподнял крышку сундука с изображением Страстей. Старинные потиры и алавастры, завернутые в пелены книги, ковчежцы и свёртки... И вот он — длинный ящик без всяких украшений. Рето извлёк его и бережно открыл. На ветхом платё тихо покоился короткий древний меч с немного изъеденным клинком и простой деревянной рукоятью. Рето вынул его и повернул, рассматривая в сумраке рассвета. Священный Лигуэт. Меч Сатаны.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Исчезновение дядюшки, нападение Зигги, смерть господина фон Дитца и русская контрразведка — всё это почти раздавило её. Хельга забилась в свою полуразрушенную квартиру и не выходила на улицу. Она сидела на кровати под одеялом и опять показалась Володе диким зверёнышем, что прячется под буреломом. А голодных и потерянных зверёнышей выманивают едой.

Володя огляделся. Ни книжки, ни газеты. Управление по гражданским делам при комендатуре изъяло у немцев и газеты, и книги, и радиоприёмники, и пишущие машинки, и лодки. Тогда Володя поставил закопчённый и горячий котелок с перловкой прямо на стол. Испачкает, прожжёт — да и ладно.

— Когда ты ела по-последний раз? — спросил он.

— Вчера фрау Берта приносила немного бульона...

— Это перловая каша. Ва-варёный ячмень. Наши солдаты называют его «ш-шрапнель». А полевую кухню — «моральный дух». Бе-бери ложку.

Хельга неуверенно вылезла из-под одеяла, скользнула за занавеску, брякнула там дверкой буфета и появилась с двумя тарелками и двумя ложками.

Володя наблюдал, как она ест — сдержанно и аккуратно. Стесняется? Или её так воспитали?.. Володя смотрел на её тонкие запястья, на неумытое и бледное лицо, на опущенные ресницы. И вдруг ему почудилось, что за этим немецким столом их четверо. И мама глядит нежно и грустно, ведь сына от неё уводит другая, а Светланка выжидает момент, чтобы подразнить его...

— Те-тебя никто не обидит... Я бу-буду рядом. Так надо, — хрипло сказал Володя Хельге. — Ничего не бойся.

Володя знал, что немцы очень боятся русских. Боятся истово, до безумия. В наступлении он видел страшные дороги эвакуации: гражданское население со всей Восточной Пруссии бежало в Пиллау — к морским судам и паромам через пролив. Вдоль асфальтовых шоссе, обсаженных рядами вязов и тополей, в кюветах валялись горы брошенного имущества: груды узлов и тюков; тачки и раздавленные подводы; детские коляски, набитые вещами, и велосипеды, обвешанные сумками; затоптанные в грязь перины; разбухшие в лужах семейные фотоальбомы. Они, солдаты, шли над трупами стариков, женщин и детей. Этих несчастных немцев убил страх перед русскими. А русские не хотели им сочувствовать. Они помнили своё бегство в сорок первом — оно было ещё страшнее. И всё равно ожесточённые души солдат содрогались.

В амбаре одного фольварка Володя сам наткнулся на трёх повесившихся девушек. В городе Велау Володин взвод занял дом, и бойцы долго сидели

в гостиной, дожидаясь, пока в спальне помрут старичок и старушка, муж и жена: они приняли яд. В Инстербурге пожилая школьная учительница стреляла из окна своей квартиры по русским из охотничьего ружья, пока её не убили. Немцы считали, что любые бедствия и даже смерть — это лучше, чем русские.

— По-пойдём прогуляемся, — предложил Володя Хельге.

На улице сияло весеннее солнце, зеленели уцелевшие деревья, жители и военнопленные разбирали завалы. Над грудями битого кирпича и обломков поднимались изувеченные верхние этажи, кое-где они ещё сохраняли стать и былое достоинство: карнизы, пилястры, фронтоны окон и лепные картуши. Знакомые немцы опасливо здоровались с Хельгой, и Володя почувствовал, что ей стало совсем не по себе. Её считали взятой под стражу. Обречённой.

— У те-тебя красивый город... Как мой Ленинград, только маленький...

Хельга посмотрела на Володю с недоверием. Володя щурился на солнце.

...На уроках в гимназии, по радио и в газетах им рассказывали о русских, и русские рисовались Хельге совсем другими — не такими, как этот Вольдемар. Русские, большевики — кривоногие и криво-зубые азиаты, почти животные, обросшие чёрным волосом. Эти чудовища носят будёновки, живут стадами под предводительством евреев-комиссаров, жрут сырое мясо, молятся на красную звезду, рубят всех мужчин саблями и насилуют всех женщин.

И блокляйтеры, и фрау Зибель, штаммфюрер общества «Вера и красота», и даже сам дядя Грегор — все говорили, что для русских быть приобщёнными

к делам великой нации, к делам немцев, — благо. Приобщённость превратит их в людей. «Восточных рабочих» на бирже продавали хозяевам фольварков, что окружали Пиллау. Продавали недорого, всего за тридцать рейхсмарок. Хельга потом иногда видела этих рабочих на заводах или в порту: они были тихие, вежливые, безликие, словно выдохшиеся. Они носили белые повязки с надписью «OST», им не разрешалось заходить в магазины, посещать кино и ездить на автобусе. Конечно, это были уже не настоящие русские.

Настоящие русские появились позже. Когда бои в городе закончились, их, жителей, выгнали из бомбоубежища, и Хельга впервые увидела русских самих по себе. Грязные люди в бесформенной одежде и круглых касках напоминали мешки с картофелем. В их облике не было и тени мужественной красоты солдат вермахта. Русские обшарили немцев и забрали, что понравилось, но никого не изнасиловали и не повесили. Немцам позволили вернуться обратно в бомбоубежище. Всю ночь они молились и слушали грохот последнего отчаянного сражения в Шведской цитадели. А утром к ним в подвал спустился жуткий офицер с обожжёнными лицом и молча дал две буханки хлеба.

— Нам говорили, что вы погоните нас в Сибирь, — сказала Хельга, не глядя на Володю. — А я гуляю здесь, дома, с русским солдатом...

Они шли по мосту Гинденбурга — как раз мимо фонаря, у которого пять месяцев назад, будто в песне «Лили Марлен», Хельгу обычно ждал Зигги.

— А я ду-думал, что обязательно застрелю одну не-немецкую женщину и одну немецкую девочку, — тихо сказал Володя. — А сейчас я с тобой.

— У тебя погибли матушка и сестра? — догадалась Хельга.

— Это была вся моя се-семья.

— Почему же не застрелил?

Кое-кто у Володи в полку, случалось, стрелял. Полк на две трети состоял из бойцов, узнавших Германию с её кровавой изнанки. Бывшие партизаны помнили облавы с овчарками и мотоциклы с пулемётами в колясках, помнили виселицы и пепелища деревень, где в амбарах заживо сжигали детей и баб. Бывшие военнопленные помнили голод, бараки и очереди в газовые камеры. Бывшие «восточные рабочие» помнили каторгу на заводах и плети. Так пусть немцы пожинают то, что посеяли. Пусть испытают то, на что обрекали других.

— Я не стрелял, по-потому что я увидел Германию, — с трудом ответил Володя. — Увидел, какая у вас хо-хорошая страна... Вы не фа-фашисты.

Ладные игрушечные городишки со старинными остроухими соборами и маленькими трамваями на узких улочках. Каменные сельские усадьбы — фольварки. Столбы с проводами. Мощёные дороги. Чистые леса, откуда убран весь палый мусор. Поля... В воронках от бомб солдаты находили странные керамические трубки: оказывается, они везде были закопаны под пашнями для отвода воды. В пустых домах оставались дорогая посуда и напольные часы. Артиллеристы привязывали на щитки своих орудий трофейные велосипеды. В траншеях и блиндажах теперь звучали граммофоны. Впервые за годы войны солдаты спали на подушках. Кому-то всё это казалось ненавистной роскошью врага. А Володя понял: вот так и должно жить. Вот в эти простые и понятные блага и должен превращаться неимоверный труд народа. Его народа тоже. Так, по-доброму,

А фашизм... Его придумали не те, кто пахал поля и строил дома. Тех, кто его придумал, уже разгромили, а сбежавших найдут и добьют.

Хельга привела Володю в парк Плантаже. За стволами сосен краснели бастионы форта «Восточный». Володя и Хельга присели на тёплую броню танка — вкопанного в парковую дорожку «панцера». Танк был взорван, массивная башня лежала в кустах. Володя незаметно рассматривал девушку. Её лицо то озаряло светом, то укрывало тенью от качающейся листвы осины.

— Здесь было так хорошо... — сказала Хельга. — Стояли рестораны. Играл оркестр. Гуляли туристы из Кёнигсберга и пели хором. Знаешь, у курсантов Школы подводников был особый патруль, его называли «Ловцы шляп». Если какой турист здесь, в парке, перепьёт так, что роняет шляпу в тарелку, эти патрульные брали его под руки и вели на пристань, иначе бедолага может пропустить обратный пароход в Кёнигсберг... Что мы наделали, Вольди?

В этой вязкой, глухой и бесконечной скуке ожидания даже чурбан вроде старого Грегора Людерса мог сойти за достойного собеседника.

— Пейте, Людерс. — Кох щедро налил коньяк в кружку Людерса. — Забудьте про чины. Я ведь тоже простой солдат, как и вы.

Но Людерс не мог преодолеть себя. Пятнадцать лет он видел господина Коха только на трибунах или в газетах. Кто он, лоцман, и кто гауляйтер!

— Вы думаете, я родился сразу «золотым фазаном»? — пьяно усмехнулся Кох. «Золотыми фазанами» называли высших партийных деятелей. — Нет, дружище. Первую мировую я провёл в окопах на

Восточном фронте, кормил вшей, как и все. Там, под Барановичами, я познакомился с Папой Шмитцем. Вы напоминаете мне его, Людерс. До войны Папа Шмитц был шахтёром. Он и указал мне путь к национал-социализму... А сам остался под Барановичами.

В бункере царила застойная и мёртвая, как сточные воды, тишина. В ней без следа растворился отдалённый шум дизель-генератора. Лампочка мигала вполнакала. Фюрер смотрел с портрета на стене, будто с того света.

— Фон Дитц мог предать? — спросил Кох то ли у фюрера, то ли у Людерса.

Людерс чувствовал свою вину, ведь фон Дитц ушёл за его племянницей.

— Добраться от моего дома до входа в катакомбы — задача сложная, — рассудительно заметил Людерс. — Город полон русских. Возможно, господину фон Дитцу пришлось укрываться, чтобы дожидаться следующей ночи. Пока вам не стоит беспокоиться, господин Кох.

Гауляйтер полез за пазуху, вытащил смятый листок и положил его на стол перед Людерсом. На листке были написаны географические координаты.

— Это точка рандеву. Вы сможете привести туда «морскую собаку»?

— Конечно, господин гауляйтер. Я плохо разбираюсь в управлении лодкой, но хорошо — в навигации. Я же лоцман.

Кох убрал листочек и снова взялся за бутылку.

Людерс не посмел заметить, что уже хватит пить и молча всматривался в лицо гауляйтера: полгода назад за этим человеком стояли партия, армия и вся Восточная Пруссия, а сейчас они вдвоём — у гауляйтера больше никого нет. Но кто здесь на кого надеется? Гауляйтер на лоцмана или лоцман на гауляйтера?

Господин Кох всегда казался Людерсу образцом воина и патриота. Когда русские полчища преодолели границу Восточной Пруссии, только гауляйтер противился эвакуации жителей. Никто его не понимал. Обыватели шептали, что гауляйтер — злодей, но Людерс соглашался с Кохом: немцы не должны уходить со своей земли. Побегит население — отступит вермахт. Так и вышло.

Людерс видел, что такое эвакуация. В феврале русские прижали немцев к берегу залива Фриш-Гаф. Адские «катюши» поливали огнём замок Бальгу. В ответ с Балтики по русским били орудия крейсеров. Моторизованная дивизия «Великая Германия», гордость вермахта, держала оборону и не сдавалась, потому что за спинами солдат по льду залива на косу Фрише Нерунг брели и брели сотни тысяч беженцев. Они усыпали белый лёд как чёрная крупа. Они погибали под русскими бомбами, тонули в полыньях и замерзали насмерть. Через залив протянулась жуткая полоса из трупов. Это и была эвакуация.

— Я благодарен вам, господин гауляйтер, за ваши слова о немцах, — признался Людерс. — Они воспламенили моё сердце.

— А что я сказал? — тупо удивился Кох.

— Вы сказали, что мы, когда отступаем, перестаём быть немцами.

Кох усмехнулся. Геббельсовская трескотня всегда воодушевляла дураков.

А Людерс вспоминал зиму в Пиллау и убеждался в правоте гауляйтера. Беженцы рвались попасть на суда. Страх лишил людей достоинства. Милые гимназистки, одноклассницы Хели, и добропорядочные матери отдавались морякам, чтобы их взяли на транспорт, и Людерс не раз видел, как женщины

и девушки бесстыже совокуплялись с мужчинами в тёмных подъездах, сараях и подворотнях. Исчезло даже чувство самосохранения. Эвакуационный пункт располагался в гостинице «Золотой якорь», и перед крыльцом днём и ночью стояла бесконечная очередь; когда русские штурмовики неслись с неба в атаку, строча по набережной из пулемётов, люди не разбегались, чтобы не потерять место, а просто ложились на мостовую под пули; потом они вставали и молча смыкали строй, не обращая внимания на убитых. При бомбёжках солдаты-дезертиры первыми бросались в бомбоубежища, отталкивая детей.

Для семьи доктора Хаберлянда и для Грегора Людерса с племянницей господин Кох подписал разрешение на выезд. Людерс и Хельга с вещами пришли на причал, где загружался теплоход «Марс». Власовцы в овчинных шапках охраняли сходни от истеричной толпы, а в толпе рыдали, умоляли и падали на колени, кто-то совал караульному пачку рейхсмарок. Без документа на борт принимали только матерей с грудными детьми. Людерс увидел, как с высокой кормы «Марса» на верёвке спускают корзину с младенцем. Какая-то женщина схватила дитя и побежала к сходням. Через некоторое время с кормы «Марса» опять спустилась корзина с тем же младенцем, и опять какая-то женщина схватила дитя — билет на корабль. А в третий раз что-то случилось с верёвкой, и корзина перевернулась в воздухе. Младенец бултыхнулся в воду. Людерс потрясённо смотрел на эту воду — серую, с кусками льда. За кормой теплохода плавали стулья, чемоданы, подушки и рыба, оглушённая бомбами.

Если эвакуацию не остановить даже гауляйтеру, а солдаты погибают на фронте, прикрывая бегство

гражданских, то он, Грегор Людерс, должен быть с солдатами, а не с беглецами. Людерс положил руку Хельге на плечо.

— Ты поедешь одна, Хели, — твёрдо сказал он.

Глаза Хельги распахнулись.

— Нет, дядя, — ответила она. — Я буду с тобой. Я вернусь домой.

Людерс понял, какую прекрасную девушку он вырастил. Понял, как любит её и скорбит о том, что ждёт их впереди. Но так надо для родины.

— Мы — немцы, моё сокровище, — прошептал он, обнимая Хельгу. — В нас гордая кровь тевтонов, и во мне, и в тебе. Мы никому не уступим.

Люди на пирсе думали, что этот седой краснолицый старик прощается с тонкой светловолосой девушкой, потому и обнимает её. В общем, так и было.

Людерс записался в фольксштурм. Его назначили командиром роты и отправили на обучение в Кёнигсберг, в гинденбургские казармы. Здесь располагалась диверсионная школа абвера, где готовили агентов для заброски во вражеский тыл; сейчас программа школы была переделана под новые задачи — под ведение партизанской войны на оккупированной территории.

Вернувшись в Пиллау, Людерс принял роту фольксштурма — стариков и подростков с панцерфаустами и ручными пулемётами. Из самых надёжных бойцов он сформировал тактическую группу «Вервольфа». Командование ознакомило Людерса с устройством подземного комплекса «НАСТ».

В середине апреля русские приблизились к Пиллау. Батальон Людерса оборонял второй рубеж — Лохштедтский. Людерс попросил разместить его роту под стенами замка. Он хорошо знал окрестности: он же сам привёз музей доктора Хаберлянда в Лох-

штедт и бережно расставил в подвале старинную мебель и ящики с экспонатами. В замке Людерс защищал свои сокровища.

Из траншей перед Лохштедтом он впервые увидел русских. Русские были точно такие, как про них рассказывали по радио: грязные, упрямые азиаты, не ведающие страха смерти. Среди взрывов Людерс вновь почувствовал себя молодым. Земля качалась под ногами, будто палуба крейсера «Кёнигсберг». Русские давили тупо и беспощадно. Они загнали солдат и ополченцев в замок, а потом полезли в окна. Рубеж пал. Для последних бойцов Людерс открыл проход в бункер гауляйтера и в железнодорожный тоннель.

И вот теперь всё закончилось. Война проиграна. Фюрер мёртв. В Пиллау хозяйничают враги, а он, Людерс, потерял свою группу «Вервольфа». Куда все подевались? Погибли? Отступили на Фрише Нерунг? Попали в плен?.. В душе у Людерса была только тьма, и её не мог рассеять мигающий и тусклый свет от лампочки под потолком этого каземата.

— Где Гуго? — пьяно спросил гауляйтер, глядя на Людерса.

— Он придёт, — пообещал Людерс. — Отдохните, господин Кох. Вы очень устали. Я понимаю, как вам тяжело. Но вы — последняя надежда отечества.

С северного горизонта, со стороны Скандинавии, ветер тасил сизые тучи. Небо отяжелело неизбежным дождём. Володя и Хельга вязли ногами в песок, вместо янтаря в нём порой посверкивали стреляные гильзы. Тревожно хлопал прибой, словно море к чему-то готовилось. Вдоль изрытого воронками пляжа, как надолбы, тянулись ряды обгорелых стол

бов — опор былого променада. В прибрежный холм — в древнюю дюну, остановленную корнями лесопосадок, — была вкопана бетонная батарея. Её длинную низкую стену рассекали прорези амбразур. На полукруглых выступах барбетов лежали плоские бронебашни в облезлом камуфляже. Толстые спаренные стволы дальнобойных морских орудий мёртво смотрели куда-то вкось над беспокойным взморьем, будто этой многобашенной батарее свернули все её смертоносные головы.

— Я не помню, как строили пушки, — призналась Володе Хельга. — В моём любимом Пиллау всегда было только солнце, только лето...

За батареей распростёрся пустырь с крестами — кладбище. Хоронить там начали с февраля, когда привезли тела погибших на лайнере «Густлоф». А за пустырём в море уходила стрелка мола, отороченная белым кипением волн. По другую сторону от батареи вдаль раскатывалось безлюдное побережье, на котором кое-где горбились подбитые танки, уже до бортов занесённые песком.

— И ещё раньше на море всегда были корабли... — добавила Хельга.

Большие сухогрузы шли через пролив и гудели, приветствуя цитадель. Дважды в неделю лоцманский буксир осторожно заводил в узкий Иннехафен огромный лайнер-паром «Танненберг» — белый-белый, как мечта. Казалось, что этот гигант был больше Хакена и выше Лоцманской башни. Десять раз в день в Пиллау прибывал поезд из Кёнигсберга, и шумная, пёстрая публика с чемоданами перетекала на Морской вокзал, откуда пассажирские пароходы, дымя трубами, отправлялись в Лиепаю, Мемель, Киль и Данциг. Магистрат устраивал торжества, когда из солнечного сияния выплывал

стройный крейсер «Кёльн», «покровитель» Пиллау от Кригсмарине: девушки встречали его на Курфюрстенбольверк и махали флажками красивым морякам. Юная Хельга Людерс не думала тогда, что крейсер — это хищная машина смерти.

— Если бы ты видел морской праздник, Вольди... — вспоминала Хельга.

По Зеетифу, как стая птиц, летели парусные яхты ежегодной регаты. Над многолюдными набережными с Лоцманской башни разносилась музыка. В гаванях болельщики криками ободряли участников гребных гонок: на лодках дружно мелькали блестящие от воды вёсла — это команды городских кварталов состязались с командами санаториев и пароходов. За порядком следили катера водной полиции. Рыбачьи боты катали желающих до горы Швальбенберг, чтобы издали показать стоянку субмарин, тральщиков и эсминцев. Уличные киоски торговали открытками, поделками из янтаря и морскими сувенирами. Воспитательницы следили за табунками детишек с курортов, все детишки, чтобы не потерялись в толпе, шлейками были пристёгнуты к длинному шнуру. Офицеры в белых кителях угощали гимназисток мороженым и газировкой.

— Собирается до-дождь, — предупредил Володя. — Надо в-возвращаться.

...В этой части Пиллау двухэтажные дома были попроще и стояли не плотным строем, а по отдельности, окружённые зелёными скверами. Особых разрушений тут не имелось, потому что советские танки легко проходили сквозь редкую застройку, и немцы не смогли организовать непреодолимую оборону. Сейчас всюду сновали матросы: район отдали Балтфлоту под жильё. Но Хельга словно бы ничего не видела — она вспомнила Пиллау во вре-

мя войны. И это был уже не тот город, который она любила и берегла в душе.

— Он умер ещё до того, как пришли русские, — прошептала Хельга Володе.

Заметённый снегом Пиллау заполнили толпы отчаявшихся беженцев. По утрам на тротуарах чернели трупы тех, кто замёрз в ночную стужу. Голодные люди просили хлеба. Окна были крест-накрест заклеены полосками бумаги, а дома размалёваны лозунгами: «Стены разрушаются, сердца — никогда!», «Один выстрел — один русский!». Кое-где на фонарных столбах тихо раскачивались повешенные; на груди у них — порой рядом с боевыми наградами — белели таблички с надписью: «Я дезертир!». Газеты публиковали списки казнённых за малодушие. Не умолкая, орали репродукторы. Блокляйтеры каждый день собирали жителей своих кварталов, рассказывали о скорой победе, обучали поливать большевиков из окон кипятком и заставляли кричать: «Зиг хайль!». Каждый день на променаде солдаты расстреливали мародёров, насильников и военнопленных. И каждый день с утра жители Пиллау спешили узнать, стоит ли ещё у пирса ледокол «Восточная Пруссия» — судно господина Коха.

— С-скажи, Хели, — осторожно попросил Володя, — ты ведь знаешь, что Эрих Кох се-сейчас скрывается в Пиллау?..

— Я догадалась, — тихо ответила Хельга.

На улице потемнело, начал накрапывать дождик. Володя уже понял, куда его вывела Хельга: впереди виднелись госпиталь, где совсем недавно он лежал с контузией, и остроугольные развалины церкви, разбитой бомбёжкой.

— Укроемся? — предложил Володя.

— Это кирха «Мария Морская Звезда».

Они пробрались в зал, заваленный обломками и кирпичом, и сели рядом. Дождь ощупывал и негромко простукивал всё вокруг, словно искал клад.

— Вольди, ты ухаживаешь за мной, чтобы поймать господина Коха? — спросила Хельга, не глядя на Володю.

Володе стало больно и стыдно, будто его уличили во лжи.

— Я простой со-солдат, Хели, — мягко сказал он. — И для меня га-гауляйтер — единственный способ быть рядом с то-тобой.

Хельга молчала. Над ними — над русским солдатом и немецкой девушкой — каменным крылом выгибался осколок церковного свода.

— Ты слышал песню «Лили Марлен»?

— Конечно, — кивнул Володя.

Хельга задумалась о том безымянном солдате, который поёт про свою подружку Лили. Солдат убегает из казармы, чтобы встретиться с Лили, и ничего особенного в этом нет. Потом солдата угоняют на войну и убивают. В этом тоже нет ничего особенного. Но убитый солдат даже на том свете любит Лили так сильно, что готов сбежать к ней хоть из преисподней — от дьявола, как от фельдфебеля. И простенькая песенка солдата превращается в великую Песнь. Серебряная нитка музыки вплетается в синюю пряжу дождя.

— Ты мо-моя Лили Марлен, — спокойно сказал Володя.

У Хельги не было никаких причин верить ему. Но она всё равно поверила — сразу и без доказательств. И Володя это почувствовал. Мир переотразился сам в себе, как в зеркале, оставшись прежним, но став совершенно иным.

Володя понял, что сейчас ему нет никакого дела до Клиховского с его тайнами и угрозами и до Жени Луданной с её карьерными расчётами и спесью. Ему нет никакого дела до гауляйтера Коха в глубине катакомб и до коварного «вервольфовца» Зигги Киперта. Плевать на все планы — судьба свершается по своим особым законам. Важен только майский дождик, тихо ткущийся вокруг развалин кирхи «Мария Морская Звезда». Над Володей и Хельгой, прикрывая от небесной воды, взлетали молитвенные изломы готических арок.

Володя осторожно притянул Хельгу к себе, и она легко поддалась. Губы сошлись с губами с той абсолютной законченностью движения, с какой завершается ход затвора в штурмовой винтовке, сочетание линий в архитектуре, вращение созвездий в зодиаке. Глаза у Хельги были открыты, и Володя видел в них и ожидание, и согласие, и просьбу. Володя смёл рукой мусор с каменной плиты — смахнул кирпичную крошку и стреляные гильзы, — а затем положил девушку на плиту, будто принёс её на руках издалека-издалека. Девушка смотрела на него снизу вверх, как смотрит солнце из колодца.

«Ты только позови меня, моя Лили Марлен...» Она не успела позвать. Он не успел услышать её зов. На его затылок обрушился тяжкий удар пистолетной рукоятки, и Володю швырнуло куда-то в блещущую темноту.

Ещё до начала боевых действий в катакомбах были сделаны закладки оружия, диверсионного снаряжения и продуктов. В кухонном отсеке кантины, столовой для гарнизона комплекса «НАСТ», Людерс готовил гауляйтеру походный ужин. На одном

примусе варился кофе, настоящий, турецкий, на другом доспевал омлет из яичного порошка. Людерс вскрыл банку со сгущённым молоком, распечатал пергаментную упаковку консервированного хлеба, отрезал несколько ломтей и намазал их маргарином.

Кох проспался, и теперь его мучило похмелье.

— Простите за неуместный вопрос, — подождав, осторожно заговорил Людерс, — но я хотел бы понять характер предстоящей нам деятельности. Это диверсии против русских или подпольная работа по возрождению партии?

Кох угрюмо посмотрел на старого лоцмана и шумно отхлебнул горячий кофе. «Тебе, дурень, предстоит лежать на дне моря в затопленной подводной лодке», — подумал он. Сейчас Людерс вызывал у Коха только раздражение.

— Свои планы я должен держать в секрете.

— Конечно, — кивнул Людерс. — Простите ещё раз, господин гауляйтер.

Их личное знакомство состоялось прошедшей осенью.

Грегор Людерс очень уважал усилия доктора Хаберлянда по сохранению исторической памяти Пиллау. И всё же в душе Людерс считал, что доктор не совсем прав. Для Хаберлянда главными в судьбах Восточной Пруссии были разные герцоги, курфюрсты, короли, Наполеон. А для Людерса — тевтонские рыцари. По радио доктор Геббельс говорил о тевтонской миссии Германии, а рейхсфюрер Гиммлер называл СС новым рыцарским орденом.

Древние тевтоны почитали могучих языческих богов и сражались не с римлянами, а с великими стихиями. Славный Тевтонский орден тоже сражался с великими стихиями, а вовсе не с какими-то там пруссами, литвинами или поляками. И на мятежный

Третий рейх ополчились не русские и не англичане с американцами. Людерс понял это в самом конце лета сорок четвёртого года.

Война перестала быть гулом за горизонтом. Воздушные армады врагов поплыли в небе над Кёнигсбергом, «ланкастеры» обрушили на город ливень из бомб. Горел остров Кнайпхоф, горели Альтштадт и Лёбенихт — оба здания университета Альбертина, театр, Королевский замок с его музеями, собор с могилой Канта, жилые дома и огромные средневековые амбары-шпайхеры на берегу Прегеля. Пылали военные заводы и верфи «Шихау», пылал порт с недостроенным авианосцем «Зейдлиц». Бомбы разбрасывали адское вещество — напалм. Он прилипал к стенам и крышам, разгорался от воды и прожигал всё, даже металл. Ревущее вулканическое пламя закручивалось в чудовищные вихри и пожирало кислород, убегающих людей всасывало в пожарища и испепеляло дотла, укрывшиеся в бомбоубежищах умирали от удушья. Так на улицы Кёнигсберга прорвалась из бездн титаническая стихия огня.

И в опалённой душе Людерса воскресли тени тевтонов.

Людерс слушал выступления гауляйтера по радио. Гауляйтер обещал, что варвары не переступят границу рейха. Если их не сможет остановить вермахт, то остановит немецкий народ, который поднимется непреодолимой стеной. И Людерс осознал, что господин Кох — это тевтонский магистр. Он не сдастся никогда. Пускай он останется один, всё равно не опустит оружия.

Как раз в те дни доктор Хаберлянд рассказал Людерсу о своей необычной встрече. В Инстербурге Хаберлянд познакомился с историком из Данцига,

и тот осторожно намекнул, будто меч коменданта Пьера де ля Кава, хранящийся в музее Пиллау, — легендарная потерянная святыня Тевтонского ордена. Клинок, которым обезглавили Иоанна Крестителя. Клейнод магистров.

Осенью в Пиллау приехал гауляйтер. Доктор Хаберлянд попросил его выделить новые помещения, потому что военное командование выдворило его музей из цейхгауза Шведской цитадели. Гауляйтер разрешил занять подвал замка Лохштедт, своей резиденции. Пользуясь случаем, Людерс втайне от Хаберлянда взял меч де ля Кава и отправился на аудиенцию к господину Коху.

Охрана изъяла у Людерса меч. После трёх часов ожидания, пока Гуго фон Дитц выяснял по телефону, кто такой этот странный старик, Людерса наконец пропустили в кабинет гауляйтера. Фон Дитц, пряча снисходительную улыбку, аккуратно положил тевтонский клинок на стол перед Эрихом Кохом. Людерс встал навытяжку, как стоял перед капитаном крейсера «Кёнигсберг».

— Право слово, очень неожиданно, — сказал Кох фон Дитцу. — Мы так долго искали эту реликвию, а она всё время находилась в музее Пиллау... Где сейчас тот поляк, которого привёл Козловский?

Фон Дитц не стал отвечать при Людерсе, но Кох понял.

— И что вы хотите, господин... э-э... Людерс? — спросил он.

Людерс даже растерялся. Чего он хотел? Да ничего. Точнее, он хотел, чтобы Эрих Кох принял меч, возглавил борьбу и победил всех врагов.

— Я полагаю, — с трудом произнёс Людерс, — что этот меч должен быть у вас... как знак преемственности вашей исторической миссии... Вы — новый

магистр... Святыня Ордена должна воодушевлять вас на оборону отечества.

Кох бережно взял меч в руки и осмотрел. Похоже, вещь старинная. Явно не сталь, вмятины грубой ручной отковки, бурая ржавчина... Впрочем, зачем ему теперь кривая рыцарская железяка? Фюрер верил в древние побрякушки и разные знамена, а он, Эрих Кох, — нет. Год назад он, гауляйтер, надеялся с помощью этой штуки убедить фюрера расширить территорию своего рейхсгау до пределов государства Тевтонского ордена, а заодно дать коленом под зад Розенбергу с его слезкой и доносами. Но сейчас былой блистательный план годится только на подтирку. Удержать бы то, что ещё имеется...

— Я благодарен вам, господин Людерс, — с чувством сказал Кох.

Старый лоцман и вправду выглядел трогательно. Однако у таких, как он, в башке туман: магия тевтонов, атлетика арийцев, лапчатые кресты рыцарей. Эти фантазёры ходили на факельные шествия и возлагали цветы к монументам Танненберга; для них драл глотку Геббельс, свихнувшийся паровозный гудок. Да, люди вроде старого лоцмана — славные и преданные, но полные болваны.

— Я принимаю ваш дар, — продолжил Кох. — И у меня будет к вам просьба.

— Я готов! — тотчас согласился Людерс.

— Вы должны понимать обстоятельства моей жизни, дружище. Разъезды, воздушные тревоги, перемещение фондов... Я не могу держать святыню при себе. Я прошу вас вернуть её на прежнее место и оберегать до нужного часа.

Людерс не возразил, но Кох заметил его разочарование, и ему стало жаль этого наивного мечтателя. Разве трудно его порадовать? Кстати, тевтонский

артефакт наверняка стоит немалых денег, хоть и не из золота.

— Для самых ценных экспонатов вашего музея доктор Хаберлянд желал получить более защищённое помещение. Господин фон Дитц укажет вам отсек в катакомбах рядом с моим личным сектором. Я назначаю вас ответственным за сохранность выделенного музейного собрания. Но именно вас, господин Людерс, а не доктора Хаберлянда. Такое решение вас удовлетворит?

— Да, — вздохнул Людерс.

Гауляйтер прав. Ему несподручно всюду таскать меч за собой. Магистры тоже не носили святыню в ножнах на поясе.

Бронированный лимузин Коха привёз Людерса из Лохштедта в Пиллау.

Людерс положил меч обратно — к другим раритетам музея в зелёный ящик из-под снарядов. Вскоре к цейхгаузу цитадели подъехал грузовик Имперской службы труда. Бойцы взгромоздили зелёные ящики в кузов. Сопроводять их взяли только Людерса. Доктор Хаберлянд почувствовал себя оскорблённым.

А теперь это потеряло всякое значение.

В полутёмном бункере, страдая от похмелья, гауляйтер Кох доедал омлет.

— Который час? — спросил он.

— Без четверти два. Ночь.

Фон Дитц уже должен был прийти. Что с ним стряслось? В душе у Коха закипела злоба на лопмана. Фон Дитц пропал из-за его соплячки!

— Зачем вы берёте с собой племянницу, Людерс? — с досадой спросил Кох. — Нам предстоит жестокая и опасная борьба! Девушке с нами делать нечего! Клару, свою жену, я оставил под оккупацией!

Людерс смотрел надменно, словно считал себя выше упрёков.

— В борьбу должен вступить любой немец, которому дорога родина, — веско ответил он. — А вам, господин гауляйтер, пора принять меч магистра.

Кох оттолкнул алюминиевую тарелку с омлетом:

— Не пора ли прекратить мальчишеские игры в рыцарей?!

Людерс окаменел. Его неподвижность испугала Коха сильнее гнева.

Разумеется, можно было взять этот музейный утиль и сделать вид, что вдохновлён честью, однако потакать бредням безумца Кох не желал. Когда-то ему понравилась простодушная убеждённость старика, но сейчас взбесила его абсурдная требовательность. Увы, он, гауляйтер, зависел от Людерса, и ничего тут не изменить. Что ж, хорошо!.. Людерс всё равно заплатит за свою тупость — потом, когда «морская собака» встретится со шведским сухогрузом.

— Простите, Людерс, — буркнул Кох. — Нервы. Несу чёрт знает что.

Людерс не ответил. Впервые в жизни он усомнился в гауляйтере

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Весенний воздух помнил холода зимы и до рассвета оставался стылým, как в погребе. Колодец клуатра — открытого двора — был затоплен утренним сумраком; этот прозрачный сумрак казался талой водой от чистого льда полуночи. Во дворе сновали орденские братья, ещё одинаково серые: из подвальных ниш им подавали дрова и вязанки хвороста, и братья укладывали всё это вокруг столба в основание будущего костра. Со столба свисала цепь, которой примотают ведьму. Два тёмных яруса полукруглых аркад клуатра точно предвещали клубы дыма. Ведьма должна сгореть на рассвете.

Рето подцепил брошенный кем-то из братьев юбервурф и окутал голову с плечами, чтобы его грязное и рваное одеяние не бросалось в глаза. Вслед за другими работниками он сунулся к подвальной нише, где стоял сариант.

— Не усердствуй так, — заботливо сказал сариант, увидев его израненные руки. — Ведьма того не стоит, а руки должны крепко держать меч!

С вязанкой в охапке, прикрывая хворостом лицо, Рето направился не к костру, а на выход из замка

к тоннелю. Уже под его сводом Рето услышал звон с бургфрида, это означало, что пора начинать казнь. Братьям следует завершать дела — сейчас выведут ведьму. Рето безумно захотелось помедлить, оглянуться и увидеть Сигельду, но он лишь упрямо ускорил шаг.

Тоннель протягивался наискосок под залом Капитула и выводил на мост, огороженный зубчатыми стенами. Налево и направо с моста спускались лестницы на террасы, а впереди возвышалась фортификация ворот: гранёная башенка, портал с крытой галереей и караульный дом. Оба прохода в портале, большой и малый, были снаружи закрыты задранными подъёмными рампами. Перед большой рампой у жаровни с углями отогревались четверо караульных в круглых шлемах-бацинетах. Они обрадовались хворосту:

— Славно, что принёс! Тут холодно, хоть к ведьме в костёр залезай!..

Караульные принялись разбирать вязанку, ломать хворост и совать его в угли. Пользуясь суетой, Рето нырнул в маленькую дверку гранёной башенки.

Винтовая лестница, галерея над воротами... Здесь царил мрак. Во всю длину галереи, будто огромный покойник, лежало толстое бревно подъёмного вала с намотанными цепями. Рето извлёк из-под одеяний священный Лигуэт.

Можно остановиться, пока ничто ещё не потеряно... Орден примет Рето обратно и простит... Но нет! Всё было потеряно уже в тот миг, когда он, Рето, впервые увидел Сигельду! А сейчас её привязывают к столбу, чтобы сжечь заживо, и ветерок, пока ещё холодный, треплет её волосы. И братья Ордена,

братья Рето, смотрят на Сигельду, уверенные, что всё правильно.

Священный меч перерезал обе натянутые цепи, словно те были мягкие, как из воска. Обрывки звякнули, точно последние медяки в кошеле у нищего. Под галереей раздался страдальческий скрип, треск закосневших суставов рампы, а потом всю кирпичную фортификацию сотряс сокрушительный деревянный удар упавшего моста. С кровли на Рето посеялась пыль.

С мечом в руке Рето сбежал по винтовой лесенке и выскочил из башни.

Сквозной проход под галереей бешено сиял золотом и кровью рассвета. Жаровня опрокинулась, угли рассыпались. Стражники даже не оглянулись на Рето. Они смотрели вперед. Из ворот Среднего замка по мосту на караульных уже неслась чёрная толпа врагов с хоругвью, оружием и щитами. Казалось, что враги ждали, когда мост упадёт, и тотчас бросились на приступ. Они упоённо вопили. Их жадная готовность убивать была страшнее самой смерти.

Рето метнулся назад — к тоннелю в клуатр. За спиной он услышал звон и крики: это наступающие поляки врезались в непримиримый орденский караул. Там вспыхнула отчаянная схватка — недолгая, как и само падение моста.

Топот Рето заскакал по тоннелю. А за порталом тоннеля Рето услышал перезвон с бургфрида и гомон. Братья плотно заполнили клуатр, не замечая грозного гула, наплывающего из портала. Рето не знал, что происходит на другом конце двора. Однако над головами братьев мимо аркады второго яруса поднимались, медленно шевелясь, поначалу прозрачные клубы дыма. Тонкий девичий крик взлё-

тел над головами к небу, словно ослепительный луч света.

Рето не смог бы прорубиться к Сигельде сквозь толпу — увяз бы в людях, как в лесном буреломе. У него было только несколько мгновений до того, как огненный шатёр взметнётся и поглотит Сигельду. Надо успеть прорваться к костру, расшвырять его собою и рассечь оковы жертвы. По боковой лестнице Рето взвился на второй ярус аркады — здесь у каждой арки стояли зрители — и побежал по сводчатой галерее, отталкивая братьев с дороги. Сверху он видел внизу, в клуатре, густую толпу, обступившую кучу дров, в дровах — столб, а возле него — тонкую светлую девушку, пёрышко в закипающем пламени. Он, Рето, спрыгнет в костёр со второго яруса и разрушит всё, пускай и сам сгорит.

Магистр фон Эрлихсхаузен стоял к костру ближе всех. Жар согревал его суровое лицо. Магистр смотрел на Сигельду. Эта девка достойна самой лютой казни. Она не какая-то простушка, сдуру спутавшаяся с чёртом, а матёрая и злобная ведьма. Это прояснилось ночью. Сигельду пытали раскалёнными печатями; трещала, обугливаясь, её плоть, а ведьма даже не застонала, лишь губы её надменно кривились в усмешке. Такой стойкости не бывает и у святых. Магистр приказал подать Сигельде распятие, и та плюнула на крест; слюна, пузырясь, зашипела на меди. У дьяволицы был один путь — в костёр.

Привязанная к столбу, Сигельда глазами нашла внизу в толпе магистра и снова ухмыльнулась. Сквозь трепещущий над огнём воздух она смотрела на то, о чём магистр ещё не ведал: из портала тоннеля хлынул поток поляков.

Торуньская хоругвь с разгона клином вонзилась в толпу тевтонцев — так волчья стая вгрызается в овечьё стадо. На головы и плечи братьев обрушились — словно с неба — шляхетские мечи и чеканы ратников. Тевтонцы падали, не успевая даже вскрикнуть; первыми закричали те, кто был на верхнем ярусе.

И Каетан тоже рубил спины и затылки врагов, вкладывая в удары всю силу. Сердце его колотилось у горла. Вот он — перелом судьбы! Такое долгое ожидание — и наконец-то он сечёт крестоносцев прямо в их логове! Кровь ненавистных немцев обжигала лицо. Вместе с хоругвью Каетан напал на врага с тыла, и ему показалось, будто враг уже обратился в бегство, а это победа! Аркады клуатра и красные стены замка колодцем вздымались над поляками, будто хоругвь сражалась на дне огромной ямы — на дне могилы Ордена.

Передние ряды тевтонцев повалились, изрубленные, и замедлили напор нападающих, однако хоругвь всё-таки оттеснила врагов от лестницы, ведущей на верхний ярус. Над круглыми немецкими бацинетами и гребенчатыми шлемами шляхты ветерок потащил разводья дыма от костра. Отпрянув в первом замешательстве, тевтонцы спохватились — мечи у каждого были на поясе; гнев удвоил ожесточение. Немцы упрямо разворачивались лицом к полякам. В давке и сумраке клуатра будто из ниоткуда засветились рыцарские герренмантели с лапчатыми крестами. Непокрытые головы немцев обрастали кольчужными колпаками хауберков, и кое-где вдруг выросли железные пни клёпанных топфгельмов. Вопли ужаса угасли за лязгом и звоном железа.

Прижимаясь к стене, Рето пробивался по галерее в тот её конец, откуда будет ближе спрыгнуть к ко-

стру. Навстречу бежали братья, на ходу оправляя кольчуги: они рвались в бой и толкали Рето, едва не сбивая с ног. Никому уже не было дела до ведьмы, а Рето думал только о ней и стискивал священный меч. В проёмах арок он видел разгорающийся костёр, столб и Сигельду.

И вдруг что-то изменилось. Сигельда, метавшаяся в цепях, вытянулась струной, словно ей надоело притворяться погибающей. Каким-то просторным и властным движением она выпростала из-за спины два огромных крыла.

«Ангел!..» — обомлел Рето, и ноги у него ослабели.

Сигельда мощно хлопнула крыльями, прогнав волну дыма во все стороны клуатра. Грубые цепи, которыми Сигельда была примотана к столбу, словно растянулись и провисли. Крылатая дева невесомо выскользнула из них и легко поднялась над ревущим побоищем в воздух.

Рассветное солнце озаряло верхние этажи Высокого замка, а на тёмном дне клуатра часто искрились перекрещивающиеся мечи — там шёл бой: поляки истребляли тевтонцев. Ульрих Червонка пустил своих головорезов следом за Торуньской хоругвью, как и приказала Сигельда. Продвигаясь по грудам окровавленных тел, табориты беспощадно добивали не только мизгирей, но и раненых поляков. Дрались уже везде: и в аркадах, и на лестницах, и в галереях.

Магистр Людвиг фон Эрлихсхаузен сумел собрать возле себя немногих рыцарей, что не потеряли присутствия духа. Они сомкнулись в неровное кольцо, обороняясь со всех сторон. Длинные рыцарские мечи вспарывали воздух, со смертоносно-

го кригсмессера магистра летели капли крови. Поляки и табориты наваливались отовсюду, но не в силах были прорвать линию тевтонцев. А железные морды топфгельмов не могли искажаться от страха.

— Воскресая в славе после смертной муки, кирие элейсон, мы идём к тебе! — из шлема, как из бочки, глухо и гулко запел магистр, и другие глухие голоса подхватили грозный рыцарский хорал.

Никто в клуатре не смотрел наверх — никто, кроме Рето. А над битвой в воздухе носилась крылатая тварь. Она летала по кругу вдоль галерей, хищно вглядываясь в сумрак за арками. Она взмывала в высоту, переворачивалась, камнем падала обратно и потом снова стремительно взмывала, но уже с каким-нибудь бьющимся человеком в руках. Рассмотрев пленника, тварь злобно кидала его вниз и опять ныряла за добычей. Демоница напоминала чайку, что охотится над прудом, выдёргивая из воды живую рыбу. Рето понял, что летучее чудовище кого-то ищет... Понял, что чудовище ищет его!

Рето боялся, но не демоницы. Боялся того мгновения, когда осознание своего греха дойдёт до самых глубин души. Когда он окажется нестерпим себе и ненавистен. Это хуже смерти. Так пускай же чудовище растерзает его!

— Я здесь! — закричал Рето из арки. — Я здесь!

Его отбросило к стене. Оконный проём мгновенно заполнила Сигельда с её жёсткими и растопыренными крыльями. Рето пожирал её глазами. Те же прекрасные черты, нежные и тонкие... Но раньше они дышали жизнью, а сейчас стали просто камнем — мёртвым, как мрамор, и подвижным, как ртуть.

Ну как же он поверил этой нежити?.. Ну как же обманулся?!

При виде Рето в лице Сигельды не мелькнуло ни тени чувства. Сигельда властно и грубо сгребла Рето, как свою вещь, и свирепо потащила по галерее, шурша крыльями по стенам и аркам, будто дерево шумело ветвями на ветру. Хватка у демоницы была, как у пыточных клещей. И вдруг Сигельда бросила Рето куда-то вперёд. Рето упал на четвереньки, не выронив меча, и поднял голову. В трёх шагах перед ним стоял молодой польский рыцарь.

— Вот он! — закричала Сигельда. — Убей его!

Рыцарь молчал. Стоял и смотрел на Рето. Он был бледен. Рето видел его тоскующий взгляд. Рыцарь не хотел служить демонице, но и не служить не мог. В этом мире людям принадлежат желания, а исполняет их дьявол.

Каетан не сводил глаз с поверженного тевтонца. Это не зверь, не рычащее чудовище. Мальчишка. Юный дурачок, наивно полюбивший беспощадного и коварного суккуба, что был поднят из могилы на кладбище Обезглавленных.

— Забери Лигуэт! — взревела Сигельда.

Каетан вздрогнул, будто очнулся, и словно бы тотчас начал растворяться. В облике его отразилось неимоверное облегчение. Взгляд поплыл, и Каетан, как оползающая опара, медленно опустился на колени. А сзади стоял Ульрих Червонка. Каетан тихо ткнулся в пол ничком. В спине у него торчал дюзак.

Червонка тяжело дышал и смотрел на Сигельду по-собачьи, с опасливой и заискивающей ухмылкой: так смотрит преданный, но глупый пёс, который притащил хозяину задушенную соседскую курицу и надеется на похвалу. Его, Червонку, ничуть не смущали крылья Сигельды: девка — ведьма, всё понятно, ведьмы с крыльями. Это не важно. Ведьма тоже баба, и баба огненная!

— Это ему ты обещала замок? — спросил Червонка почему-то шёпотом и указал на лежащего Каетана. — Всё, его больше нет! Теперь ты моя!

Одичалая рожа Червонки, заросшая кудлатой рыжей бородой, была как у нашкодившего мальчишки, уверенного, что его простят.

Ведьма заорала, и галерея сотряслась, и на кровле стронулась черепица.

— Дурак! Рыжий дурак!..

Сигельда кинулась на Червонку поперек Рето и поперек Каетана; крылья её гневно топорщились и тряслись, жёсткие перья царапали кирпичи. Сигельда схватила Червонку — рослого и крепкого — и в ярости подняла над собой, будто лёгкое соломенное чучело, голыми руками смяла, сломала и скомкала его, а затем швырнула в арочное окно, выбив кусок резной каменной решётки.

Отскочив назад, Сигельда склонилась над Каетаном.

— Не подыхай! — отчаянно потребовала она.

Она разорвала на Каетане кольчугу и одежду, выдернула и отбросила дюзак — тот вонзился в кирпичную кладку, — высунула длинный чёрный язык и принялась зализывать кровоточащую рану. Кровь исчезала, рана уменьшалась. Каетан со всхлипом вздохнул, возвращаясь к жизни.

Но и Рето вставал на ноги. Он сжимал Лигуэт. Он хотел убить демоницу.

Растопыренные шевелящиеся крылья мешали подобраться к Сигельде. Рето с усилием отодвинул одно крыло и рубанул мечом. И тотчас оба крыла — целое и укороченное — взвились под свод галереи. Сигельда пронзительно завизжала и мгновенно развернулась на Рето. От боли её лицо исказилось, вытягиваясь страшным рылом химеры. Бездонные

глаза пылали ненавистью, и в дымящейся пасти блистали клыки. Ужас пронзил Рето насквозь.

Он попятился и оглянулся — куда бежать?.. Однако за ним в галерее, оказывается, уже теснились табориты. Они тоже увидели крылатую химеру и теперь жались друг к другу, выставляя перед собой дюзаки и короткие копья городского боя. Рето был зажат между дьяволицей и врагами.

Сигельда ринулась на Рето. И Рето спиной вперёд прыгнул в окно.

Всё пропало в этой жизни — и Орден, и замок, и любовь. Но на краткий миг, избавляя от горечи, Рето окутала бестелесная благодать полёта, и только небо сияло над головой. А потом Рето упал в кучу трупов и ударился затылком о чей-то стальной доспех. Лигуэт выскочил у Рето из руки. Небо угасло.

Высокий замок громыхал, как телега, что неудержимо катится по склону. Табориты рассыпались по кельям и dormitorioям. Они убивали прячущихся слуг, ломали скамьи в зале Капитула, срывали гербовые щиты со стен собора, громили склады, в кухне засунули в печи поваров, а в реликварии проткнули копьём капеллана Этцеля. В клуатре же поляки ещё дрались с последними рыцарями, которыми командовал магистр Людвиг фон Эрлихсхаузен. Рыцари держали круговую оборону. И Рето, упав, оказался внутри этого круга.

Еле раскрыв глаза, сквозь муть он различил над собой магистра в шлеме-топфгельме. Людвиг фон Эрлихсхаузен опустилсь возле Рето на одно колено:

— Благодарю, что принёс его мне...

Обеими руками магистр поднял Лигуэт и благоговейно прижал к груди. Вокруг всё звенело, лязгало, стучало и вопило: сражение ещё не закончилось.

— Ты искупил свою вину, мой мальчик, — мягко добавил магистр.

Разбитый падением, Рето еле пошевелился. Он не хотел умирать.

— Спаси меня, брат Людвиг... — с трудом произнёс он.

— Не могу. Мы уходим в Кёнигсберг. Дай бог, чтобы враги пощадили тебя.

Магистр прощально погладил Рето по лицу и поднялся во весь рост.

— Отступаем к данцкеру! — закричал он уцелевшим воинам.

Во всех орденсбургах данцкер служил последним убежищем защитников. Могучая башня с единственным входом сама по себе была крепостью. Однако магистр фон Эрлихсхаузен не собирался запереться там и сидеть в осаде до гибели. Орден ещё не проиграл войну прусским городам. Да, Мариенбург падёт, как пали Данциг, Эльбинг, Торн и Кульм. На за Бальгой стоят другие замки Ордена, и Орден может возродиться. Главное — не прекращать борьбу.

Под командой магистра оставалась дюжина братьев. И магистр повёл их на прорыв. Поляки не смогли удержать немцев, этих бронированных зубров. Немцы прорубались сквозь поляков, как дровосеки сквозь взбесившийся лес. Вал из мертвецов пролегал через клуатр к лестнице на второй ярус, по ступеням лестницы запрыгали окровавленные головы. Потеряв половину товарищей, немцы захватили галерею, что вела к данцкеру. Но магистр стремился не в данцкер. Из галереи немцы перебрались на оборонную стену, добежали по ней до башни Дитриха и очутились на террасе перед часовней Святой Анны.

Им пришлось выбивать таборитов из часовни. Затем по указанию фон Эрлихсхаузена четыре последних рыцаря Мариенбурга сдвинули могильную плиту проклятого магистра Конрада фон Валленроде. Под плитой открылся спуск в подземный ход. Эту тайну и хранил Хубберт Роттенбахский. Ход тянулся за пределы городских стен. Рыцари сошли в могилу и задвинули плиту обратно. Они были спасены. Они вырвались из кровавой ловушки замка.

Там, в тёмном сводчатом тоннеле, магистр Людвиг фон Эрлихсхаузен и убил своих верных братьев ударом Лигуэта в сердце.

Старинная дорога от Мариенбурга до Кёнигсберга тянулась через леса и реки вдоль залива Фриш-Гаф. Путь занимал четыре дня. Ночлеги устраивали в замках Эльбинг, Фрауенбург и Бальга. Двести лет по этой дороге шли обозы и войска: сначала Орден воевал с Пруссией, потом с Литвой. Двести лет туда и обратно катились крытые телеги, скрипели колёса штейнбюксов и перьер — передвижных камнемётов, ветер трепал разноцветные баннеры на деревьях, ледяная балтийская крупка со звоном хлестала по рыцарским шлемам. Двести лет пуши побережья трепетали перед непобедимым тевтонским крестом. А теперь сам магистр крестоносцев пробирался по этой дороге к спасению.

Четыре рыцаря в мятых топфгельмах, разбрызгивая лужи, тяжело бежали по тележным колеям и держали на плечах носилки. В носилках находился Людвиг фон Эрлихсхаузен. Безостановочный бег рыцарей продолжался более суток; людям на такое не хватило бы сил — так могли только мёртвые тевто-

ны, созданные ударом Лигуэта. В прорезях шлемов багровели их угрюмые глаза. Мокрые герренмантели превратились в лохмотья, грязь залепила чёрные лапчатые кресты. Тевтоны со своей ношей стороной обогнули и Эльбинг, где мятежники разрушили замок Ордена, и Фрауенбург, где замок был сожжён. За лесами лежала Бальга. Её оборонял комтур Зигфрид фон Шварцбург.

Магистр не знал, что за ним по небу несётся погоня: хозяин суккуба по-прежнему желал вернуть себе Лигуэт. Сигельда летела за магистром скачками, неровными рывками; обеими руками она прижимала к своей груди Каетана. Ей было трудно. Наполовину обрубленное крыло словно промахивалось по воздуху, и Сигельда с грузом то и дело проваливалась с высоты в падение, однако всякий раз успевала исправить полёт. А Каетан уже ничего не боялся. Задыхаясь в объятиях суккуба, он смотрел на просторные тёмные леса, сквозь которые змеилась тонкая нить просеки, смотрел на гигантское зеркало залива вдаль, и в этом зеркале жидко отражалась убывающая луна. Если Сигельда уронит его, Каетана, как уронила Хубберта, то он, Каетан, даже не закричит.

Сигельда и её пленник не подозревали, что их самих тоже преследуют. По дороге на Бальгу от Мариенбурга спешил, спотыкаясь, юный армариус Рето фон Тиендорф. Время от времени он вглядывался в чёрно-синее ночное небо, отыскивая освещённого луной мотылька — химеру, в которую превратилась его возлюбленная. Если химера ещё в воздухе, то магистр ещё жив.

В Высоком замке Рето повезло: поляки не добивали раненых, а табориты увлеклись грабежом, и капитан Червонка, израненный и переломанный, уже

ником не командовал. По трупам Рето уполз в Средний замок, отлежался за Карваном, потом вывел из конюшни обозную лошадь и ускакал. В разорённом Мариенбурге ему больше не было места. Огромный дымящийся замок, весь в дырах разбитых окон, вывернутый наизнанку и выпотрошенный, попранный и осквернённый, уже никогда не будет твердыней гордого Ордена.

Рето направлялся в Кёнигсберг. Он надеялся нагнать магистра ещё в пути, чтобы защитить его от химеры, заслужить прощение или принять наказание. За Фрауенбургом лошадь пала, и дальше Рето потащился пешком.

А до Бальги оставалось уже совсем немного. Каетан сверху узнал речку и мост, через который когда-то тевтонцы не пропустили его к отцу. Сигельда, обессилев, скользнула к дороге, бросила Каетана в колею и рухнула поодаль. Каетан поднялся и подошёл к ней. Ветерок шевелил перья на крыльях суккуба. Каетан толкнул Сигельду ногой. Ведьма тотчас подскочила и зашипела.

— У нас нет времени на передышку, — безжалостно сказал Каетан.

— Ты слишком тяжёлый! — огрызнулась Сигельда. — Я полечу без тебя! Я вызову всю нечисть из болот, и она остановит анастифонов на мосту. А затем я вернусь за тобой, и ты заберёшь Лигуэт у мертвеца!

Сигельда встала, шатаясь, поковыляла, волоча крылья по грязи, наконец прыгнула вверх и взмыла над просекой.

До Каетана донёлся её крик:

— Смutki! Живойты! Кадуки! Щугры! Йомы! Цмоки! Все ко мне!..

Каетан остался на дороге один. Журчала талая вода в колеях, просторно и тихо шумели голые липы

и ясени. Из темноты весеннего леса плыли запахи прели, земли, набухшей от влаги, сырой коры и пьяных древесных соков. Луна еле озаряла поворот узкой дороги и старый тополь, упавший в куст бирючины.

— Подойди сюда, — вдруг услышал Каетан.

Он повертел головой. Что-то шевельнулось в лесу за кривой корягой.

— Не бойся... Я не мёртвый, как твоя гагула.

Каетан перелез через канаву на обочине и обошёл разлапистую валежину. На её толстом корневище сидел маленький морщинистый старичок в моховом колпаке — зиггон, лесной дедушка древних пруссов. Два года назад Каетан спас этого зиггона из-под копыт вармийского зубра.

— Ты жив! — улыбнулся Каетан.

Столько бедствий случилось с тех пор, столько смертей, столько ужаса и предательств, а дедушка зиггон всё так же тихо поливает священные деревья пуши волшебной водой из тайных родников.

— Ты спас меня, а я не отплатил, — вздохнул зиггон. — Я спрашивал Диевса, и он велел вернуть тебе мой долг. И я спасаю тебя. На мосту тебя убьют.

Каетан вдруг ощутил, что не может двинуться, будто и сам превратился в корягу. Он застыл, окованный колдовством зиггона. Он всё видел и слышал, но воли в нём было не больше, чем в придорожном кресте. А старичок сидел на коряге и чего-то ждал. И внезапно тёмный пустой лес будто очнулся, ожил. Тысячами тоненьких ручейков сквозь него потекли еле различимые странные звуки: шорох, шёпот, мышинный писк, вздохи, чавканье трясин, шлёпанье лап, утробное мычание, кряхтение, бульканье, щебет птиц и беличий цокот. Каетан понял, что это нечисть пуши выбирается из своих логовищ на зом суккуба.

А потом всё вокруг в один голос завывало, зарычало, затрещало, захрустело, захрипело, сорвалось на истошный визг. Это языческая нечисть набросилась на рыцарей-тевтонов. Там, на мосту, грянуло сражение — мечи против когтей, зубов, рогов, копыт, клювов и чешуйчатых хвостов; бестрепетные мёртвые воины против водяных чудищ, лесных тварей и болотного отродья. Но зиггон даже не вздрогнул. Призрачный вихрь бушевал и ревел только для Каетана.

Он затих так же внезапно, как и взвился, словно его спугнули. По дороге в свете луны шагал какой-то человек. Каетан сощурился, разглядывая его, и узнал: это мальчишка из Мариенбурга — тот, которого соблазнила Сигельда. Что он здесь делает? Как здесь оказался?.. Но околдованный Каетан не мог окликнуть злосчастного тевтонца, остановить его и прогнать с дороги.

Сигельда вынырнула из тьмы и понеслась над колеями, раскинув крылья. Она бесшумно летела к тевтонцу сзади, чтобы сразу схватить и унести, как сова хватает и уносит зайца. Она была уверена, что перед ней Каетан. А кто же ещё мог здесь быть?.. В бледном свете луны орденский армариус ничем не отличался от шляхтича — такой же грязный, оборванный и взлохмаченный. Сигельда сдёрнула Рето с дороги и скрылась в тёмном небе.

И вот тогда с рук и ног Каетана упало колдовское оцепенение.

Каетан измученно повалился на землю.

— Злая гагула забрала его вместо тебя, — пояснил зиггон. — За свою жизнь я отдал тебе твою. Мой долг уплачен.

Зиггон поднялся с корневища и поправил моховую шапку. В руке у него появилась палка-посох.

— Прощай, — сказал он и пошёл в лес.

Каетан остался у коряги. Он понял, что круг неумолимо замыкается. Его опять не пустили на проклятый мост, и вместо конца истории он оказался снова в начале. Значит, коловращение судьбы не прекратится уже никогда.

Только магистр знал, какой была эта битва. Только магистр и остался в живых. В зыбком свете луны белый мост чернел лужами крови и слизи. Всюду валялась дохлая нечисть — разрубленная, разорванная на куски, распластанная на части. Перепончатые крылья, чешуйчатые хвосты с гребнями, суставчатые лапы, звериные головы с рогами, вскрытые туши с рёбрами, клочья мяса и шкур, выдранные жабры и языки. С проломленной ограды свисали верёвки кишок. Но нечисть и мёртвая ещё не успокоилась: кривые когти скребли по плахам настила; дрожали обрывками жил оголённые сердца; собачья башка беззвучно разевала зубастую пасть, будто надеялась кого-то укусить; качаясь, переступал с ноги на ногу огромный паук. В мокрых грудях нежити можно было различить то обглоданный шлем-топфгельм, то лоскут белого плаща.

Магистр Людвиг фон Эрлихсхаузен, обессиленный, сидел, привалившись плечом к столбику ограды. Рядом блестел обломок его грозного кригсмессера. Последних врагов магистр убивал священным оружием Сатаны.

Сигельда бросила Рето на мост, сделала широкий круг над тёмной речкой и приземлилась у Рето за спиной.

— Бери Лигуэт! — властно крикнула она.

Рето уже понял, что Сигельда схватила его по ошибке. Настала её очередь ошибиться. Демоны не всеведущи. В долгой и горькой дороге от Мариён

бурга, перебирая события, обжигающие его совесть, Рето догадался о цели Сигельды. Конечно, это не гибель ничтожного армариуса и даже не захват замка. Цель — библейский меч. Похоже, ведьма должна была отдать Лигуэт тому польскому рыцарю, с которым Рето встретился в галерее. Но в галерее у ведьмы не вышло. И сейчас польский рыцарь где-то здесь, на дороге. А Сигельда во тьме спутала его с другим человеком — с ним, Рето фон Тиендорфом.

Рето склонился над магистром и осторожно отнял у него клинок.

— Потерпи, брат Людвиг, — прошептал он.

С мечом в руке он развернулся к Сигельде — и демоница отпрянула.

— Ты?! — ненавидяще выдохнула она.

— Я, — просто согласился Рето.

Хищное лицо демоницы вдруг разгладилось, и Рето увидел ту Сигельду, которую полюбил больше всего на свете. Глаза её наполнились слезами.

— Прости меня! — взмолилась Сигельда и опустилась на колени. — Моя душа в плену! Я грешница... но с тобой я вспоминала себя настоящую!..

Она протянула руки, взывая к милосердию Рето. Сейчас она казалась плачущим ангелом, прекрасным и белокрылым. Рето шагнул к ней.

— Я отдал тебе своих братьев, — сказал он. — Отдал всё и даже то, чего не имел... Для тебя я открыл ворота замка... А ты — дочь дьявола!

Сигельда закрыла лицо ладонями и безутешно зарыдала. Рето едва не всхлипнул от жалости. И этот краткий порыв чуть не сгубил его. Со звериным рычанием демоница метнулась к нему, распахнув огромную, как бочка, пасть: она хотела откусить руку с мечом. Рето успел податься назад и,

защищаясь, махнул Лигуэтом перед собой. Голова Сигельды исчезла с плеч. По длинной дуге она полетела с моста, и летела долго-долго и наконец бултыхнулась в речку. Безглавое тело постояло напротив Рето, шевеля руками, будто что-то отыскивало в пустоте, а потом бросилось бежать прочь от Рето в лес.

Рето понял, что в его судьбе уже никогда больше не будет радости.

Он подошёл к магистру, обхватил его и с трудом поднял на ноги.

— Нам надо идти в Бальгу, брат Людвиг, — сказал Рето. — Я помогу тебе... Опирайся на меня. Мы дойдём. Лигуэт у нас.

Магистр сделал неуверенный шаг. И тотчас вдали на дороге, словно Божья милость, высветились три всадника в белых герренмантелях с чёрными крестами. Это ехала разведка, посланная к мосту из Бальги.

А Каетан явился к реке, когда Рето и магистр были уже очень далеко. Содрогаясь, Каетан осторожно пробрался по мосту мимо куч дохлой нечисти. Он старался не наступать в чёрные лужи. Под настилом журчала вода, завиваясь у бревенчатых свай. Над головой Каетана что-то хлопнуло. Каетан поднял лицо к небу, уже синеему в предчувствии рассвета. В небе висела подтаявшая луна. Вокруг луны металась какая-то птица... Нет, не птица. Это был суккуб, но без головы и половины крыла. Он бессмысленно и заполошно носился в пустоте, будто его гонял ветер. Для суккуба всё закончилось.

Каетан тоже решил идти в Бальгу. А куда ему было деваться?

Он больше не спешил. Бальга встретила его пением петухов, мычанием коров на дойке и сонным

собачьим лаем. Над затихшим заливом расстился лёгкий туман, сквозь него сонная вода нежно отзеркаливала восход. Чистая и ясная заря окрасила багрянцем острые черепичные кровли орденского замка.

В корчме у витинга Сейко опохмелялись загулявшие вчера постояльцы. Каетан занял место у окна. Сейко принёс кувшин с хелем. Каетану почудилось, будто и не было двух последних лет его жизни. Вокруг всё то же самое, что он видел во снах: корчма, огонь в очаге, рыбаки и бродяги, хель, Бафомет...

— А я почему-то надеялся на тебя, — сказал Бафомет. — Но ты не справился.

— Инкуб и суккуб тоже не сумели, — возразил Каетан. — А я просто человек.

— Меня не разжалобить. — Бафомет спокойно налил хель себе в кружку.

— Ты и сам не исполнил, чего обещал. Орден не погиб.

— Да, с крестоносцами даже мне тяжело, — вздохнув, согласился Бафомет. — Поэтому я отпускаю тебя. Увы, ты бесполезен. Однако ты поклялся кровью, и отныне на твоей крови передо мной долг.

— Что это значит? — с опаской спросил Каетан.

— Твой род не прервётся в поколениях. Но всякий раз я буду оставлять только одного мальчика. Наследника долга. Наплодятся другие мальчишки — всех убью. Так будет до тех пор, пока вы, Клиховские, не вернёте мне Лигуэт.

Каетан помолчал, раздумывая и примеряясь к проклятию.

— Орден никогда не отдаст Лигуэт. Моих потомков ты погубишь зря.

— Ты не знаешь судеб Ордена, — усмехнулся Бафомет. — Посмотри в окно.

Каетан посмотрел в окошко, откуда видна была Бальга. Там происходило что-то страшное. Над замком клубились сизые тучи, а небо превратилось в багровое зарево. В тучах летели железные птицы. Они роняли железные яйца, и те взрывались, выдирая куски земли размером с дом. Залив кипел, в волнах мелькали чудовищные железные рыбы. По взрытой земле ползли огромные железные скорпионы, изрыгающие пламя. С надсадным воем в стены замка друг за другом били молнии, их метали тысячи длинных пушек «шарфметцен» — «метких девок». Бальга осатанело пылала со всех сторон; в дыму оседали, разваливаясь, бургфрид и данцкер, стены и башни, форбург и барбакан.

Каетан встряхнулся — и видение распалось. Бальга, как и прежде, стояла на берегу моря в лучах рассвета целая и невредимая.

— Что это было? — с ужасом спросил Каетан.

Но Бафомет исчез. На столе возле кувшина с хелем блестел маленький золотой гольдгульден — Сатана не пил за чужой счёт.

А в этот час в Бальге комтур Зигфрид фон Шварцбург и армариус Рето фон Тиендорф помогали магистру Людвигу фон Эрлихсхаузену сойти по узкой и крутой лесенке в подземную часовню под залом Конвента.

— Ты слишком слаб, брат Людвиг, — пытался остановить магистра комтур.

— Силы мне ещё хватит, — упрямо проворчал магистр.

На полу сводчатой часовни лежали надгробные плиты комтуров. Одна была сдвинута, и под ней в свете лампы чернела глубокая пустая могила.

— Четыре комтура Бальги стали магистрами, сказал фон Эрлихсхаузен. — Возможно, брат Зиг-

фрид, ты будешь пятым. Ты должен знать, что я сделаю.

Сердце Рето заколотилось так, что трудно стало дышать.

— На том мосту я слышал твой разговор с химерой. — Фон Эрлихсхаузен посмотрел Рето в глаза. — Ты открыл врагу ворота Мариенбурга... Это правда?

— Правда, брат Людвиг, — прошептал Рето.

— Ох, мой мальчик... Этот грех нельзя простить... Его надо искупить.

— Я готов к искуплению, — беззвучно ответил Рето.

Магистр тяжело молчал, раздумывая. Ангелы и демоны ждали его слов.

— Потеряв Мариенбург, можно потерять и весь Орден... Кёнигсбергу не заменить Мариенбург. И я боюсь, что кто-нибудь из братьев в трудный миг снова поднимет меч Сатаны, как поднял его Генрих фон Плауэн. Как поднял его я... Но люди не должны касаться Лигуэта. Поэтому он останется здесь, в Бальге. Под охраной. Под твоей охраной... Преклони колени, мой мальчик.

Рето встал на колени. Свет лампы шевелился на арках часовни.

— Ты изведаль искушение и больше ему не поддашься, — глухо продолжил магистр. — Ты возьмёшь священный меч и ляжешь в эту могилу. Мы закроем тебя плитой. Я не знаю, сколько лет тебе придётся ждать. Но твою волю не сокрушат даже целые века тишины и темноты. И Орден всегда будет помнить, что его святыню надёжно хранит последний тевтон. Да благословится жертва!

Магистр извлёк из складок одеяния Лигуэт.

— Амен! — опустил голову комтур.

— Амен! — твёрдо отозвался Рето.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Зигги прижимал Хельгу к стене, сдавливая горло — Ты шлюха! — в исступлении повторял он. Ты грязная подстилка!

Володя лежал на полу с разбитым затылком. Он был без сознания.

Ужас колотился в груди у Хельги, но больше, чем за себя, она боялась за Володю. Зигги добьёт его. Он не будет стрелять, чтобы не привлечь внимания русских — рядом с кирхой находится госпиталь, полный солдат, — он просто свернёт Вольди голову или ударит ножом. Поэтому пускай Зигги душит её, лишь бы не приближался к Вольди. Хельга инстинктивно хваталась за руку Зигги, но не вцеплялась ногтями ему в лицо. Да она и не умела драться.

— Я любил тебя, а ты снюхалась с русским!..

Ещё при первой встрече она поняла, что рассудок у Зигги помутился, и сейчас это стало очевидно. Катакомбы постепенно превращали его в безумца. Глаза у Зигги мертвенно белели в сумраке разрушенной кирхи. А у одержимых не так уж и много желаний: убить кого-нибудь, или убить себя, или перел

чем-нибудь преклониться. Не осознавая этого, Хельга угадала, что сказать.

— Нас там восемь человек, — шептал Зигги, жадно рассматривая её лицо, словно хотел откусить, — и ты будешь нашей новой потаскухой!

Хельга забилась, как птица.

— Я знаю... как вам... уйти из Пиллау... в Германию! — прохрипела она.

Зигги помолчал, соображая, и чуть ослабил руку.

— Как? — спросил он и потряхнул Хельгу.

— Пообещай, что не убьёшь русского, — просипела Хельга.

Зигги осклабился. Это означало, что он нарушит любое своё обещание. Хельге надо было увести его из кирхи, и увести далеко, чтобы он не вернулся.

— Забери меня к себе... где твои люди... Там я скажу.

— Я отрежу тебе пальцы, и ты скажешь прямо здесь! — ответил Зигги.

— Тебя не возьмут, если ты будешь меня пытаться...

— Никто не узнает про тебя! Я убью и тебя, и твоего любовника!

— Без меня из Пиллау не уйдут... В катакомбах мой дядя...

Зигги думал — медленно и тяжело, как животное. А потом сдвинулся в сторону и грубо толкнул Хельгу перед собой.

— В подвал! — приказал он.

Хельга попыталась оглянуться на Володю, но Зигги ударил её в спину.

Люк в подземелье находился под обломками, завалившими подвал кирхи.

Катакомбы казались бесконечными. Длинные тоннели; бетонные стены с мокрыми потёками и непонятными надписями; толстые кабели в изоляции и трубы с вентилями; под потолком — какие-то отду-

шины, забранные в решётки; короткие железные лесенки то вверх, то вниз; изредка — стальные двери или выходы из других тоннелей; на полу — доски, тряпки, лужи, брошенные ящики. Зигги шёл первым и освещал себе путь ручным фонариком. Хельга старалась не отставать. Порой Зигги равнодушно перешагивал через разлагающиеся трупы, и Хельга зажимала нос. Но думала она вовсе не об этих подземельях. Она думала о Вольди. Зигги идёт в глубину зловещего лабиринта, но Вольди очнётся и кинется в погоню. Он всё равно отыщет её, спасёт. Она верила, что Вольди её не бросит. Иначе Зигги прав, а Зигги не может быть правым.

Внезапно Зигги остановился и направил луч фонарика ей в лицо.

— Раздевайся, Хели, — глухо сказал он.

Хельга поняла, что его повреждённое сознание потеряло цель.

— Не надо, Зигги... — отступая, отчаянно попросила она. — Я тебе всё скажу!.. В катакомбах Пиллау скрывается господин Кох!

— Кто? — тупо переспросил Зигги.

— Наш гауляйтер! Дядюшка нужен ему как лодочник! Он поведёт корабль отсюда в Германию! Он возьмёт вас всех с собой! Я обещаю тебе!

Про корабль Хельга догадалась сама, без Володи и господина фон Дитца.

Зигги застыл, осмысляя услышанное. Что ему нужно? У него есть власть над своими бойцами и над жалким кадетом Максиком Фоглем, которых они все имели вместо женщины. Хельга заменили бы ему Максика, и не более того. А гауляйтер... Гауляйтер — это не катакомбы, а Германия. И счастье служения — если не фюреру, то его тени. Избавление от невыносимости себя самого.

— Где убежище гауляйтера?

— Где-то рядом с пристанью, — торопливо пояснила Хельга.

— Жди здесь, — скупое бросил Зигги и отвёл луч фонаря.

Он пошёл от Хельги прочь, потом свернул в какой-то боковой тоннель и растворился в темноте.

Целую вечность Хельга сидела на полу, привалившись к холодной и шершавой стене. Она не пыталась сбежать. Всё равно в темноте ей не найти дорогу. Душу её съедала невыносимая тоска.

Тоннель, в котором исчез Зигги, вдруг осветился, донеслись тихие голоса, и вскоре Хельга увидела бойцов «Вервольфа». Хельга смотрела на них как на оживших мертвецов. Землистые лица, впалые глаза, отросшие патлы, щетина, короткие сапоги из яловой кожи, грязная и рваная одежда — гражданская и военная. Старик в пальто и шляпе нёс на плече снайперскую винтовку; танкист в чёрной куртке с розовым кантом положил обе руки на автомат, что висел у него на животе; рослый бородатый солдат в глубокой каске жевал галету; два подростка из Гитлерюгенда тащили станковый пулемёт; жандарм в длинном мотоплаще курил сигарету; пожилой резервист в очках и с ранцем за спиной держал на изготовку карабин. Эти страшные люди смотрели на Хельгу без всякого выражения. Они и вправду были ожившими мертвецами.

— Вставай, идём! — приказал Зигги Хельге.

Опять потянулись коридоры и переходы. За четыре недели подземной жизни Зигги освоился в катакомбах, как крыса. «Вервольфовцы» шли за ним гуськом, шлёпали по лужам, порой спотыкались. Все переходы и казематы для Хельги были одинаковыми, но вскоре отряд выбрался в широкий тоннель.

нель с рельсами. Тоннель завершился просторным и низким помещением — видимо, железнодорожной станцией. Слабые лучи ручных фонариков выхватили из тьмы прямоугольные проёмы потерн в стенах и состав из грузовых платформ. Их было штук шесть. На двух крайних платформах громоздились приземистые и угрюмые танки с чёрно-белыми крестами на башнях.

Зигги обогнул состав. Длинная галерея, загибаясь, терялась во мраке. Хельга слышала только шорох шагов, плеск воды и тяжёлое дыхание людей.

Наконец отряд остановился. Путь преграждала бронестена — ворота с большой надписью «НАСТ». Их массивная рама была вмурована в бетон. В правой створке ворот имелась округлая корабельная дверь с глазком. В левой створке зияла щель для переговоров. Зигги принялся бить по двери рукоятку пистолета. Галерею заполнил грохот. Резервист в очках наклонился к щели.

Зигги бил и бил. Резервист слушал. «Вервольфовцы» молчали.

— Шаги, — сообщил резервист.

— Людерс, открывайте! — закричал Зигги.

Хельга вздрогнула, услышав свою фамилию.

— Людерс, мы группа «Вервольфа»! — кричал Зигги, глядя на ворота. — Мы можем взорвать проход, но хотим, чтобы вы нас приняли! Мы знаем, что у вас в бункере гауляйтер Кох! Впустите нас! С нами ваши племянница!

Зигги направил на Хельгу луч фонаря и нацелил на неё ствол пистолета.

За стальной преградой неохотно заскрипело тугое колесо кремальеры. Корабельная дверь в створке ворот медленно открылась внутрь.

Бородатый солдат с автоматом первым решительно переступил высокий порог-комингс. Потом порог переступил танкист. Потом старик с винтовкой. Потом жандарм. Потом и сам Зигги. Потом резервист подтолкнул Хельгу.

Она ничего не успела понять. За дверь в темноте её внезапно сгребли в объятия и крепко сжали. Она почувствовала запах табака и морской соли — это был родной запах дяди Грегора.

Гауляйтер Эрих Кох сидел на стуле в глубине бункера, а на коленях у него лежал автомат. Оборванные и грязные «вервольфовцы» выстроились у двери. Впереди стоял Зигги, а чуть в стороне — Хельга и Людерс.

— Кто вы такие? — спросил Кох. Он опасался этих людей.

— Обер-лейтенант цур зее Зигварт Киперт, — чётко представился Зигги. — Со мной моя группа «Вервольфа». Объект базирования — комплекс «ZIF». Прибыли в ваше распоряжение, господин гауляйтер.

Кох переложил автомат на стол, тяжело поднялся, изображая усталость, приблизился к «вервольфовцам» и прошёлся вдоль строя, вглядываясь в лица. Так делал фюрер. Дурни в мундирах считали, что фюрер видит их насквозь.

— Какие у вас результаты, обер-лейтенант?

— Мы не всегда можем проверить эффективность нашей деятельности, господин гауляйтер, потому что вынуждены укрываться по утрам. — Зигги поёдал Коха глазами. — Точно могу доложить о трёх уничтоженных солдатах противника и двух грузовиках, которые подорвались на наших минах.

«Хорошо, что эти идиоты ещё не наделали шума, за которым последовала бы русская облава на катакомбы», — подумал Кох, а вслух сказал:

— Победу приближают даже малые дела. Среди вас есть члены партии?

— Я сам, господин гауляйтер! — Зигги вытянулся.

— Я! Я! — отрапортовали танкист и жандарм.

— Я с тридцать пятого года! — добавил гражданский в очках.

Кох спрашивал о членах партии не из патриотизма. Он сразу сообразил, что вся эта вонючая толпа не влезет в его субмарину. Толпу надо сократить. Партийных проще будет послать на какое-нибудь задание, где русские их прикончат, а прочих лишних ему, гауляйтеру, придётся пристрелить самому.

Впрочем, больше всего Коха сейчас интересовала судьба адъютанта.

— Имеете ли вы какие-либо сведения о гауптштурмфюрере фон Дитце?

Хельга опередила Зигги с ответом:

— Он умер, господин гауляйтер.

Коха обдало холодом. Он развернулся к девушке и прищурился:

— Это ваша племянница, Людерс?

— Да, — кивнул Людерс и приобнял Хельгу, словно защищал её.

— Расскажите мне, фройляйн, — вежливо попросил Кох.

Фон Дитц был здесь единственным, о ком он, Эрих Кох, мог сожалеть.

— Господин фон Дитц пришёл за мной и попал в засаду к русским.

Хельга сама видела, как русские солдаты выносят из дровяного сарая во дворе труп фон Дитца. Потом Володя объяснил ей, как погиб фон Дитц.

Кох предчувствовал, что с Гуго стряслась беда, и всё-таки известие о его смерти произвело очень гнетущее впечатление. Разумеется, Гуго был важен не сам по себе, а как помощник в бегстве. Баловень судьбы и любимец женщин, аристократ, автогонщик и яхтсмен, вопреки своей удачливости адъютант закончил нелепо и внезапно. Для Коха его гибель стала грубым напоминанием, что собственная судьба тоже висит на тонкой ниточке.

— Господин гауляйтер, — влез Зигги, мстительно глянув на Хельгу, — эта девушка — любовница русского! Полагаю, она сама выдала фон Дитца!

— Чего мелешь, щенок?! — тотчас вскинулся Людерс.

— Спокойно! — прикрикнул Кох. — Говорите, фройляйн.

Хельга посмотрела гауляйтеру в глаза. После страха перед Зигги она уже ничего не боялась. И в гауляйтере, невысоком и коренастом, она не ощущала никакого величия. Эрих Кох был похож на обычного конторского служащего.

— Обер-лейтенант Киперт давно и безответно влюблён в меня. — Хельга не пощадила самолюбие Зигги. — Он вломился ко мне домой днём, чтобы увести к себе в катакомбы, и едва не попал в плен. Русские допросили меня и потом устроили засаду на лейтенанта Киперта. А в засаду угодил господин фон Дитц.

У Зигги перехватило дыхание, он побагровел от стыда и гнева.

— Испанские страсти, — мрачно буркнул Кох.

— Да, я обманулся, господин гауляйтер, — сдавленно признал Зигги. — Однако фройляйн Хельга действительно предала идеалы рейха! Я привёл её сюда, отбив у русского любовника!

— Ложь! — звонко ответила Хельга.

Все силы её души напряглись в готовности к сопротивлению.

Конечно, лгала она, а не Зигги, и лгала первый раз в жизни. Но лгать ей было легко, потому что по-настоящему никакой лжи не было. Рейха больше не существует, и его идеалов — тоже. А подлинная правда — там, где любовь и свобода. Значит, правда у Вольди, а не у Зигги. Да, она, Хельга, ни за что не выдаст своих чувств к русскому, ведь вокруг только враги и она сражается за себя одна против всех. Но Вольди придёт за ней, надо лишь продержаться.

Кох в раздражении оборвал неуместный спор:

— Сцену ревности отложим на другое время. Вы моряк, господин Киперт?

Зигги откашлялся в сторону.

— Да, господин гауляйтер. Я выпускник Школы подводников в Пиллау.

— Господа, оставьте меня с лейтенантом Кипертом наедине.

«Вервольфовцы», а за ними и Людерс с Хельгой вышли из бункера.

В длинном тоннеле «вервольфовцы» привычно опустили на пол, а Людерс отвёл Хельгу подальше, взял за плечо и строго посмотрел в глаза.

— Что за бред я услышал, Хели? — спросил он.

Хельга виновато улыбнулась и погладила дядю по колючей скуле.

Дядюшка был хорошим человеком, пусть и суровым, но добрым. Он ни разу ничем не обидел племянницу, он любил её — смущённо, нежно и неумело. Хельге стало очень жаль его. Он жил прошлым, которое никогда уже не вернётся. В этом прошлом над непобедимым рейхом реяло знамя со свасти

кой, а маленькая девочка Хели всегда держала дядю Грегора за руку.

— Зигги — злой и сумасшедший, — сказала Хельга. — Ты исчез, а он меня преследовал. Я боялась. Русские хотели поймать его, когда он снова вылезет из-под земли, поэтому меня сопровождал солдат. Я не сделала ничего плохого.

Всю правду она говорить не стала. Дядюшка не поймёт. Пока не поймёт.

Людерс опять обнял и прижал Хельгу к себе.

— А как ты, дядюшка?

— У господина гауляйтера здесь спрятана подводная лодка, — прошептал Людерс. — Меня вызвали, чтобы я вывел её из гавани. Мы покинем Пиллау, Хели. Обоснуемся в другом городе и продолжим борьбу с русскими.

«А Вольди?!» — чуть не вскрикнула Хельга.

Она ничего не успела возразить. Зигги Киперт вышел из бункера.

— Подождите! — приказал он своим людям и направился к Людерсам.

— Господин лоцман, — сухо обратился он, — гауляйтер просит вас принести ему то, что вы обещали вручить. Я провожу вас.

Вид у Зигги был непроницаемый.

Людерс распрямылся от волнения, выпустив Хельгу из объятий. Наконец-то гауляйтер внял зову истории! Принять меч магистра — значит выйти на бой!

— Следуйте за мной, лейтенант, — произнёс Людерс дрогнувшим голосом.

Он широко и решительно пошагал по тоннелю к складскому отсеку. Хельга поспешила за дядей. Зигги Киперт держал дистанцию.

Ящики с музейными экспонатами хранились в одном из пустующих технических помещений комплекса. Стальная дверь в отсек была заперта на простой засов. Людерс перекинул рычаг рубильника на распределительном щитке, включая свет, сдвинул засов и открыл дверь. Хельга увидела бетонную камеру и четыре зелёных ящика в углу. Людерс направился к ним.

— Хели, помоги мне, — приказал он, не желая просить Зигги.

Хельга ступила в камеру.

И тотчас стальная дверь у неё за спиной захлопнулась. Снаружи мягко шаркнул смазанный засов, а затем свет погас.

— Что такое? — в крошечной темноте изумился Людерс.

А Хельга всё поняла. Их заманили в ловушку как последних простаков.

— Дядя, мы в тюрьме, — тихо сказала она.

Володя очнулся на излёте ночи. Тёмное небо чуть багровело по краю, освещая изломанную линию стены и вогнутый клин полуразрушенного свода. Спина у Володи была мокрой от прошедшего дождя. Голова раскалывалась, Володя даже не решился прикоснуться к разбитому затылку. Он медленно сел, осторожно озираясь. Что случилось? Кто его ударил? Где Хельга?..

Если она мертва, то лежала бы рядом... Если жива, то почему бросила его?.. Её заставили уйти? Увели силой?.. Кто?.. Неужели Зигги?.. Понимание случившегося отозвалось новой вспышкой боли... Вероятно, Зигги прятался в руинах кирхи, когда Володя и Хельга укрылись здесь от дождя. Или где-то

под развалинами находится дыра в катакомбы: Зигги вылез наружу и напоролся на Хельгу и Володю. Дальше всё понятно. «Вервольфовец» расшиб сопернику башку и утащил возлюбленную за собой.

Володя отыскал спуск в подвал кирхи. В подвале царила кромешная тьма, валялись кирпичные глыбы, отовсюду торчали доски раздробленных скамеек и шкафов. Володе повезло: под руку ему попала какая-то книга, Евангелие или Катехизис; он принялся выдирать страницы и поджигать от зажигалки, чтобы хоть как-то осветить помещение. И вскоре нашёл расчищенный от обломков железный люк в бетонном полу. Люк был заперт изнутри. Володя ни на миг не усомнился, что люк — это путь в катакомбы. А Хели — она там, внизу.

Возле запертого люка Володя трезво и ясно осознал: он больше ничего не может сделать для Хели без помощи Жени Луданной.

Идти за Женой было рискованно: комендантский час ещё не закончился; если Володя попадётся патрулю, то угодит на гауптвахту и потеряет бесценное время. А напротив кирхи находился госпиталь. Володя перебежал дорогу и, увидев караул, поднял руки. Его охлопали по бокам и отправили на КПП.

— Лейтенант, срочно позвони в общежитие на Банштрассе! — потребовал Володя у командира. — Вызывай сюда ка-капитана Луданную из СМЕРШа!

Слово «СМЕРШ» обладало волшебной силой.

Уже через полчаса у главного входа в госпиталь остановился разъездной «виллис» комендатуры. За рулём зевал дядя Гриша. Володя ждал в приёмном покое, ему промыли и обработали рану на затылке, и медсестра наматывала бинт. При виде Жени дежурный врач поднялся и отдал честь.

— Что с Нечаевым? — сразу спросила Женя.

— Трещина в правой теменной кости, гематома, сотрясение мозга.

— Товарищ капитан, п-плевать! — отмахнулся Володя.

— В машину! — сухо приказала ему Женя.

Она волновалась за Володю всерьёз. В эту ночь она не смогла уснуть, лежала на роскошном кожаном диване и ругала себя последними словами: зачем отпустила Нечаева к немчику, за которым охотится «Вервольф»? Женя оделась и пошла на квартиру к Людерсам. Пусто. Женя явилась в комендатуру и расположилась в кабинете дежурного офицера: пила чай и делала вид, что рутинно исполняет свои обязанности. Она знала, что про ЧП в первую очередь докладывают в комендатуру. Туда и позвонили с КПП общежития.

— Судя по всему, немчика ты прохлопал, — насмешливо сказала Женя.

О сержанте Нечаеве она думала куда больше, чем следовало, и сейчас, успокоившись, корила себя за эту бабскую тревогу. Ей хотелось каким-нибудь образом принизить Володю, превратить его в обычного пехотного простака.

— Да, меня оглушили и ма-мальчишку уволокли, — согласился Володя. — Но я всё же отыскал вход в ка-катакомбы. Он в подвале разрушенной кирхи.

Мысли у Жени тотчас перескочили в привычную колею боевой задачи. Она опять ощутила ту жадность к жизни, которая ей так в себе нравилась.

— И е-ещё, — добавил Володя, изображая безразличие, — «вервольфовец», который меня ударил, говорил при мне, что но-ночью Кох уйдёт из катакомб.

Володя, конечно, врал: в кирхе он даже не увидел Зигги и ничего не знал о планах гауляйтера. Но Хельгу надо было выручать как можно скорее.

И только ложью Володя мог вынудить Женю действовать немедленно.

— А как гауляйтер собирается бежать из Пиллау?

— Людерс — лоцман. Наверное, у га-гауляйтера припасён катер.

— Товарищ капитан, — вдруг оглянулся водитель дядя Гриша, — простите, что лезу... Я ведь ненароком слышу... Извиняюсь, конечно...

— Дядя Гриша, ты меня злишь, — предупредила Женя. — Ну, выкладывай.

— У фрицев есть подводные лодки размером со «студер». Четыре таких мы тут на верфи нашли, а Второй Белорусский в Эльбинге сто шестьдесят штук взял. Про них «Красная звёздочка» даже фотокарточку печатала.

Женя замолчала, размышляя. «Виллис» потряхивало на ямах, заделанных кирпичом. Город тихо проступал из рассветной хмари розовеющими стенами и крышами домов. Душа у Володи была как отбитая, но Володя не давал волю тоске, иначе отчаяние доведёт его до ошибки, отвлечёт от цели.

Машина затормозила возле ворот бывшей Школы подводников.

— Итак, товарищ дядя Гриша... — многообещающе начала Женя.

— Роток на замок, ключик в воду! — по-детски ответил пожилой шофёр.

Женя открыла Володе свою комнату в общезитии.

— Отлежись, не мешайся мне, — нарочито грубо сказала она.

— Женя, сегодня мы до-должны обшарить катакомбы...

— Без тебя разберусь, Нечаев.

Женя оставила Володю у себя, а сама поднялась на третий этаж, где находилась комната Перебатова, — майора СМЕРШа тоже поселили отдельно.

Общежитие просыпалось. За дверями звенели будильники, раздавались мужские голоса. В коридоре навстречу Жене попадались командированные с полотенцами на плече и чайниками кипятка. Возле уборной толклась очередь.

Перебатов сидел на койке уже в брюках, но ещё в исподней рубашке.

— Чем обязан, Женька? — спросил он с опасливым удивлением.

Женя закурила, прошла мимо Перебатова и боком — насколько позволяла тесная юбка — пристроилась на подоконник, чтобы смотреть на майора сверху.

— У меня к тебе важный разговор.

— Тогда валяй с главного, — недовольно буркнул Перебатов.

— Хорошо. — Женя сбила пепел в консервную банку. — Дело в следующем, Коля. В катакомбах Пиллау прячется Эрих Кох.

— Который гауляйтер, что ли? — не поверил Перебатов.

— Да, — кивнула Женя. — И это абсолютно точно.

— Твою мать, Женька!.. — только и сказал Перебатов.

— Братъ его надо сегодня, — продолжила Женя. — Иначе он уйдёт в море. У него уже всё наготове. А у меня ничего нет. Сам знаешь, три профессора с фотоаппаратом. Мне нужна твоя опергруппа.

Перебатов криво усмехнулся:

— Как в койку, так сержантик, а как на захват — так «Коля, пособи»?

Этого Женя и боялась. Перебатов приревнует и откажет из обиды. И Женя ударила его ещё больнее, чтобы уж сразу всё прояснить:

— Знаю, как ты в управлении сыпал по всем углам, что я не гожусь для контрразведки. А если я привезу гауляйтера, тебе, Коля, будет совсем неловко. И даже если ты мне поможешь, я не позволю тебе присвоить мой успех, потому что хочу остаться в армии. Вот так, любимый.

Перебатов молчал. По его скулам поползли яблочно-красные пятна. Он достал из кармана галифе пачку немецкого «Империаума» и с силой стукнул по ладони, вышибая сигарету. Размял её, как простую «беломорину», и закурил.

— Что ответишь-то, Николай? — напомнила о себе Женя.

Перебатов посмотрел на неё с гневом и болью.

— Я хоть и дурак, но за сволочь ты меня не держи, — веско произнёс он. — Твой гауляйтер — фашистский главарь, его нельзя упустить. А ты, Женька, баба, и своими ребятами я буду командовать сам.

Женя отвернулась в окно, чтобы Перебатов не увидел её лица. Да, Коля — молодец. Преододел себя. Но почему она не испытывает благодарности? Что с Колей не так? Увы, для правильного решения ему приходилось делать над собой усилие. А вот Нечаев, похоже, просто не умеет поступать неправильно.

В ту войну, в Первую мировую, немцы не сдались только в Африке, и Людерс гордился, что был в числе непобеждённых. Всех уцелевших моряков крей-

сера «Кёнигсберг» наградили Железными крестами. Каждый год в день гибели крейсера они собирались в Берлине у Бранденбургских ворот. Людерс приезжал на эти встречи из Пиллау. Рядом с товарищами и капитаном фон Лоофом он чувствовал, что Германия сохранила своё достоинство.

В Берлине жила Урсула, младшая сестра, и Людерс навещал её, привозил деньги и продукты. Урсула бедствовала. Муж её бросил, и она растила дочку одна. Времена были тяжёлые. В двадцать девятом году Урсула сказала брату, что умирает от туберкулёза, и попросила устроить Хели в приют: Грегору, бессемейному моряку, она не доверяла. Грегор похоронил сестру, но не отдал маленькую племянницу в казённое учреждение — увёз к себе в Пиллау.

Ему помогали жёны солдат из «Стального шлема» — общества ветеранов: стряпали, стирали, приглядывали за девочкой, пока дядя сидел с друзьями в пивной и вспоминал былые сражения. Людерс вёл Хельгу с собой даже на собрания «Чёрного рейхсвера», тайной немецкой армии, и там Хельга впервые увидела боевое оружие в сильных и умелых руках, впервые почувствовала ожесточение этих суровых мужчин, униженных поражением отечества.

— Господин Кох — бывший солдат, — в темноте подземелья говорил Хельге Людерс. — Он не мог предать меня, ведь для нас обоих родина — важнее всего!

Людерс и Хельга сидели на полу, привалившись спинами к ящикам.

— Ты ошибся в господине гауляйтере, дядя, — ответила Хельга.

— Хели, ты говоришь так, потому что разочарована Германией. Я тебя понимаю. Я тоже был озлоблен на всех немцев, когда вернулся из Африки — а родина повержена! Да, сегодня русские в Берлине. Это большая неудача, но временная. Германия восстанет из пепла. Мы всё равно победим. — Хельга догадывалась, что дядя Грегор убеждает не её, а себя. — Нас разбили в Первой мировой, Хели, но потом мы зажигали огонь на Башне Бисмарка. Мы построили «Танненберг». Вспомни нашу поездку, Хели.

Мемориал «Танненберг» был воздвигнут возле города Алленштайн. Здесь маршал Пауль фон Гинденбург разгромил огромную русскую армию. Со всем неподалёку находилось поле, на котором пятьсот лет назад в роковой битве полегло в траву всё войско Тевтонского ордена. Победа Гинденбурга была воздаянием небес, знамением для нации, и рядом с другими монументами мемориала помещался скорбный камень магистра Ульриха фон Юнгингена.

Дядя Грегор привёз племянницу на торжественное открытие нового склепа Гинденбурга. Хельге в ту осень было девять лет. Мемориал потряс её своим страшным и древним величием. Посреди просторного луга она издали увидела клякастую корону «Танненберга», вздыбившую высоченные башни, будто культы-обрубки. Мемориал оказался гигантской рыцарской крепостью. Всё вокруг было мягко-протяжным, округлым, женственным — пологие холмы, кудрявые леса, пухлые кучевые облака, — и грубо-угловатая хищная громадина вспарывала живую и нежную плоть этого мира, словно иззубренная борона.

Хельга помнила стада автомобилей и повозок на подступах, невероятную толпу, багряные знамёна со свастиками, хлопающие на ветру, звон оркестра, грохот салюта, голоса ораторов. Помнила угрюмых каменных солдат в касках, застывших у входа в склеп. Праздник погребения, циклопические массы и объёмы — всё в «Танненберге» дышало неприимиримостью и жаждой войны.

Хельга любила другую Пруссию — с белыми парходами и променадями вдоль прибоя, с кронами вязов над черепичными крышами, с кондитерскими лавочками, с курантами на ратушах. Но сердце дяди Грегора отзывалось на мрачную мощь мемориала. Здесь Хельга впервые увидела дядюшку плачущим, когда он, сняв кепку, опустил голову перед гранитным львом на постаменте. А ей, девочке, больше понравился памятник павшим лошадям: кирпичная лохань-поилка с журчащим ручейком, а над ней — мраморная голова лошадки.

Людерс сейчас тоже думал о «Танненберге». Мемориал взорвали в конце января. Рухнули стены с аркадами и барельефами, рухнули каменные солдаты у входа в склеп Гинденбурга, рухнули башни — башня Восточной Пруссии, башня Знамён, башня Мировой войны... Только так гауляйтер мог уберечь «Танненберг» от поругания врагами: русские приближались, прорываясь к Эльбингу, Мариенбургу и Данцигу. У господина гауляйтера не было другого выхода. Но не было и колебаний. Может, Хели права?.. Может, для господина гауляйтера действительно не существует святынь? Ему не свято братство ветеранов, не свята Пруссия, не свят фюрер?.. И меч магистра тоже не свят?

Людерс перебирал в памяти поступки гауляйтера. Господин Кох по радио всегда говорил о тевтон-

ском духе немцев, а сам в тридцать третьем году не пожелал разместить свою резиденцию в Королевском замке Кёнигсберга, в твердыне магистров, — слишком уж там неуютно. А в тридцать девятом году он передал в рейхсгау гауляйтера Форстера город Мариенбург, столицу Ордена. Это были недобрые знаки, но он, Людерс, не оценил их правильно.

Господин Кох обещал защищать Пруссию до последнего удара сердца, но Пруссия пала, а сердце гауляйтера стучит, как прежде. Ещё в сорок четвёртом году господин Кох предложил особый способ обороны фронта: бетонные трубы, стоймя вкопанные в землю. Эту придумку прозвали «горшками Коха». Боец, сидящий в трубе, был неуязвим и мог из-под бронеколпака стрелять из пулемёта или противотанкового ружья, пока его не взорвут вместе с укрытием. Конечно, боец в «горшке» был смертником, но господин Кох не сомневался, что добровольцы выстроятся в очередь. А сам он ни в какой «горшок» не полез и покинул Кёнигсберг, едва только русские начали окружение. Господин Вагнер, крайсляйтер Кёнигсберга, погиб в подвале «Рабочего дома», сражаясь за свой город, а гауляйтер жив-здоров, хотя потерял свою страну.

По правде говоря, с мечом магистра тоже всё было нехорошо. Поначалу господин Кох просто увильнул от чести обладания, спихнув меч обратно Людерсу, а здесь, в бункере, у гауляйтера вырвались уничижительные слова: «Не пора ли прекратить игру в рыцарей?» Душу Людерса точили сомнения.

— Когда подводная лодка должна уйти из Пиллау? — спросила Хельга.

— С наступлением темноты. Русские почти не ходят ночью — боятся мин.

— Интересно, скоро ли закат?

— Часов у меня нет. Думаю, сейчас полдень.

— На закате они нас расстреляют.

— Не говори глупостей, Хели! — рассердился Людерс.

Хельга помолчала.

— Мы не нужны им, дядя, — убеждённо сказала она. — Зигги — подводник.

Людерс уже понял, что Эрих Кох решил заменить его Зигги Кипертом. В управлении «морской собакой» молодой лейтенант разбирался куда лучше старого лоцмана. Ясно, что Зигги будет слепо подчиняться гауляйтеру. И не станет досаждать требованиями принять меч и продолжить борьбу.

— Для всех на лодке не хватит места, — добавила Хельга.

— Можно сделать второй рейс.

— Зачем? Лишних людей проще расстрелять. И мы с тобой — лишние.

Людерс не знал, что возразить.

— Господин Кох считает, что я виновата в смерти господина фон Дитца. А Зигги считает меня изменницей. Я обречена, дядя Грегор. Перед выходом лодки Зигги надругается надо мной, а потом застрелит. Убей меня ты, дядя...

Ей было грустно-грустно, невыносимо грустно. Конечно, она боялась, но если не думать о смерти, то страх опускался куда-то в глубину души, на самое дно, и оставалась только тихая боль. Нет, милый Вольди не успеет найти свою Хели. Катакомбы слишком обширные. Что Вольди будет помнить о бедной племяннице лоцмана, пропавшей под землёй?.. Песню «Лили Марлен»?

Людерс то ли застонал, то ли зарычал. Гауляйтер Кох — трус и предатель! Он предал и Германию, и фюрера, и его, Грегора Людерса! Признать это бы

ло мучительно трудно, а если не признать, то Хели погибнет. Людерс задышался от горечи. Русские отняли у него родину, а гауляйтер украл надежду. Уцелела одна только Хели, его маленькая девочка, в которую он вложил всё, что любил.

— Мы попробуем бежать, Хели, — пообещал Людерс. — Киперт ещё придёт за мной, потому что ему нужно узнать про фарватеры гавани... И я нападу.

Людерс обнял Хельгу за плечи и прижал к себе. Хельга всхлипнула.

Людерс был прав: Зигги сообразил, что перед выходом в море ему нужно уточнить состояние фарватеров Военной гавани и пролива Зеетиф. Но Зигги, видимо, преисполнился важности и не пошёл за лоцманом сам, а отправил подчинённого — попавшего в его группу ефрейтора полевой жандармерии.

В камере включилась лампочка под потолком, звякнул засов, и железная дверь открылась. Жандарм отступил от проёма на шаг — на случай, если узники нападут, — и нацелил в камеру винтовку. Сейчас он был без кожаного мотоплаща и без горжета на цепи — за эти горжеты жандармов называли цепными псами. Но узники не напали. Старик лоцман лежал посреди камеры на полу, прижав левую руку к груди. Правая рука у него тоже была пустая. Девчонка сидела рядом. Она оглянулась на дверь, заслоняя ладошкой отвыкшие от света глаза.

— Что с ним? — спросил жандарм.

— У него больное сердце, — ответила девчонка.

— Отойди к стене, — распорядился жандарм.

Хельга послушно отползла к стене.

Жандарм осторожно вошёл и приблизился к старику, по-прежнему держа его на прицеле. Людерс тяжело дышал. Жандарм убрал винтовку за спину и опустился на одно колено, примеряясь, как ему поднять старого лоцмана. И в тот момент, когда жандарм наклонился, Людерс почти незаметным движением вытянул из-под себя ржавый меч магистра и коротким ударом вонзил лезвие жандарму в шею. Жандарм даже не вскрикнул, а лишь захрипел и повалился на Людерса, ткнувшись лбом ему в плечо. Кровь плеснула Людерсу на грудь. Старый лоцман с ненавистью столкнул жандарма в сторону.

Хельга смотрела на это молча. Она уже видела смерть. На улицах Пиллау люди погибали под бомбами и обвалами. Патрули полевой жандармерии напоказ обывателям вешали дезертиров и расстреливали мародёров.

— Всё! — бросил Хельге Людерс. — Мы уходим!

Жандарм ещё содрогался в агонии, из-под него растекалась лужа крови. Людерс вытер меч о мундир жандарма и сунул себе за ремень, вытащил у жандарма из кармана ручной фонарик, снял винтовку, проверил обойму и затем с трудом встал на ноги. Хельга только сейчас ощутила, сколько мужества было в её дядюшке, бывшем матросе крейсера «Кёнигсберг».

Они выскользнули в тоннель. Горели лампы в проволочных намордниках. Пахло сыростью и дизельным топливом. Путь налево вводил к техническим помещениям дока, складам и бункеру гауляйтера. Людерс пошагал направо — в сторону казарм, кантины и выхода из комплекса «НАСТ». Оттуда доносился какой-то металлический стук. Хельга почти бежала за дядей.

За поворотом два «вервольфовца» — это были мальчишки-пулемётчики из Гитлерюгенда — кувалдами ломали бетон, расширяя в стене узкую нишу, предназначенную для труб и кабелей. Рядом лежали ящики с надписями «Vorsicht! TNT!» — тротил. «Вервольфовцы» готовили тоннель к подрыву. Детонация взрывчатки в нише расколет плиту потолка и обрушит тоннель.

— Не двигаться! — рявкнул Людерс, нацелив винтовку.

Мальчишки замерли, опутив кувалды. На исхудавших грязных лицах не появилось никакого выражения. Эти мальчишки считали себя уже мёртвыми. Хельга знала, что одного из них — а может, и обоих — каждый день насиловали.

— Хели, автомат!

Хельга подобрала автомат, прислонённый к стене.

А что делать с «вервольфовцами»? Они же поднимут тревогу... В глазах у дяди Хельга увидела сомнение. Вязать — долго. Убить или хотя бы оглушить прикладом?.. Но это же почти дети!.. И стальные ворота уже совсем близко.

— На колени, руки за голову! — приказал Людерс.

Мальчишки покорно встали на колени и сцепили руки на затылке.

Бронестена находилась за изгибом тоннеля. Хельга и Людерс отступили до угла. Людерс пятился, держа мальчишек на прицеле.

— Открывай! — не оглядываясь, велел он Хельге.

Хельга побежала к воротам. Большие створки невозможно было сдвинуть — их намертво заклинили костылями, вколоченными в пазы опорной рамы. Хельга вцепилась в круглый маховик кремальеры

на малой двери. Но маховик закрутили с такой силой, что Хельга не смогла даже стронуть его.

— Дядя, мне силы не хватает! — отчаянно крикнула она.

— Тогда смени меня!

Хельга вернулась к дяде на угол. Мальчишки были на прежнем месте — на коленях и с задранными локтями. Хельга взяла автомат на изготовку. Стрелять она умела: на занятиях Юнгмедельбунда девочек учили военному делу.

Людерс бросился к стальной дверке и крепко схватился за маховик, будто за штурвал, но упрямая кремальера ему тоже не поддавалась. Видимо, осевой винт здесь затянули с помощью рычага. Людерс едва не зарычал от ярости. В качестве упора ему был нужен лом или какой-нибудь шкворень. Людерс посмотрел по сторонам — ничего! Он может использовать ствол винтовки... нет, винтовка ещё пригодится!.. Тогда — снова меч магистра!

Маховик представлял собой вогнутый диск с трубчатым ободом и тремя круглыми отверстиями. Людерс всадил рыцарский клинок в одно из отверстий — получилась рукоять. Людерс надавил на неё всем весом, и рычаг сработал: винт заскрипел на резьбе, посыпалась ржавчина, колесо туго повернулось. И потом сопротивление механизма исчезло как по волшебству: Людерс легко сделал пару оборотов. Дверь вздрогнула, освобождаясь, и Людерс приоткрыл её. Но теперь меч застрял в маховике. Мягкое древнее железо лезвия вмялось в сталь маховика. Меч надо было выбивать обратными ударами.

Высвободить его Людерс не успел.

Хельга чуть отвлеклась на громкий скрип кремальеры и не заметила, как мальчишки-«вервольфовцы» посмотрели друг на друга и дружно метну-

лись в разные стороны — прочь с линии огня. Один из мальчишек выдернул карабин, спрятанный за ящиками с тротилом, а у другого в кармане оказался пистолет — Людерс не обшарил этих гадёнышей. Гулко загрохотали выстрелы, и Хельгу полоснуло по бедру острой болью. Хельга тотчас ответила очередью из автомата и нырнула под защиту бетонного угла. Но по ноге у неё, обжигая, потекла кровь. Хельга почувствовала, как нога быстро немеет.

— Уходим, Хели! — крикнул Людерс, распахивая дверь настезь.

Хельга выглянула в тоннель и хлестнула второй очередью. Ей нужна была ещё пара секунд, чтобы осознать всё до конца. Её ранили. Она не сможет бежать. «Вервольфовцы» Зигги, конечно, услышали выстрелы. И в тоннелях за воротами погоня настигнет её с дядей уже через полчаса, не больше.

Людерс у двери безуспешно пытался вытащить меч из маховика. Он не увидел, что Хельга хромает. Хельга опёрлась о ворота.

— За дверью кто-то есть, — сказала она. — Дядя, посмотри...

— Там никого не может быть, Хели! — с досадой ответил Людерс и всё же высунулся из проёма двери в темноту.

Хельга обеими руками толкнула дядюшку, и тот, потеряв равновесие, полетел наружу. Хельга тотчас захлопнула дверь и решительно провернула мечом маховик кремальеры. Заперто! Дядюшка теперь был на свободе, а сама она осталась в комплексе «НАСТ» — наедине с «вервольфовцами».

Дверь глухо загудела от кулаков Людерса.

Хельга думала: если Вольди жив, он приведёт русских солдат в кирху «Мария Морская Звезда», ведь Вольди знает только один вход в катакомбы — в кирхе. А дядюшке катакомбы известны до послед-

него закоулка. Дядюшка проберётся по тоннелям в кирху, сдастся там русским и укажет им дорогу в убежище гауляйтера. Дорогу к ней, к Хельге. Русские ещё могут её спасти.

Держась за ворота, Хельга с трудом шагнула к переговорной щели.

— Дядюшка... — позвала она.

— Открой мне, дурочка! — заорал за воротами Людерс.

— Меня ранили, дядюшка... Мне не уйти... Беги в кирху «Мария Морская звезда». Там русские... Приведи их сюда... За мной...

Она почувствовала, как нога немеет, а по всему телу расплывается слабость. Она тихо сползла по створке ворот на бетонный пол. Стены, тоннель, тусклые лампы — всё распадалось в её глазах, разъезжалось. «Вольди, — подумала она, — забери меня из этих страшных подземелий... Спаси меня, мой солдат...»

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Клиховский ждал каких-нибудь известий от Володи, однако не дождался. Он отправился в Шведскую цитадель, но на КПП ему сказали, что товарища Луданной и литовцев сегодня нет. В комендатуре тоже ничего не знали о делах Луданной. Встревоженный, Клиховский пошагал к Школе подводников.

Постовой не пропустил его, потому что Луданная уже куда-то уехала, и вызвал вниз Пакарклиса. Вид у Повиласа был очень смущённый.

— Извините ради бога, Винцент, я забыл, как последний остолоп!.. — Пакарклис извлёк из внутреннего кармана пиджака сложенную записку. — Товарищ Нечаев просил отнести вам, а я заработался с новыми книгами...

Володя писал: «Господин Клиховский. Хельга у Киперта. Приходите в кирху на Зеештрассе. Там то, что мы искали».

Клиховский почти бежал по Хорст-Вессель-аллее. В уцелевших окнах домов сверкало солнце, мимо катились автомашины, на железной дороге, укрытой липами, время от времени стучали поезда. Клиховский издали увидел, что возле кирхи «Ма-

рия Морская Звезда» стоит бортовой грузовик «бюс-синг». Солдаты в зелёных касках переносили какие-то ящики. За работой наблюдал дежурный из комендатуры с повязкой на руке.

По кирпичному развалу Клиховский полез в кирху.

Он сразу узнал рослого и плечистого офицера, который на бронекатере приплывал в Лохштедт. Офицер распределял боеприпасы из ящиков: диски для автоматов, пулемётные цинки, диверсионные мины, гранаты и ракетницы. В стороне лежали баллоны для огнемёта. Солдаты деловито рассовывали боеприпасы по карманам, подсумкам и вещмешкам. Среди бойцов был Володя Нечаев. Капитан Луданная курила поодаль. Она оглянулась на Клиховского.

— Какого чёрта вы здесь? — недовольно спросила она.

Клиховский нервно встряхнулся. Русские готовились к штурму катакомб! Володя написал в записке: «Там то, что мы искали». А что искали русские? Не Лигуэт, конечно, а вход в подземелье! И сейчас они его нашли, но Луданная не сочла нужным пригласить с собой Клиховского!.. Клиховский задыхался от яростного негодования. Он ощущал себя собакой, которую равнодушные хозяева перед обедом бес-трепетно вышвырнули из жилья на улицу.

— Вы обещали известить меня! Взять с собой! бросил он Жене.

— Клиховский, заткнитесь или убирайтесь! — с досадой ответила Женья.

Этот поляк сделал своё дело и может провалиться. Его угрозы уже ничего не значат, потому что Женья сама сказала Перебатову о гауляйтере.

Клиховский свирепо вперился в Володю. Володя не слышал спора, но легко догадался, что Женья от-

странила Клиховского от участия в операции и взбешённый поляк готов на всё — готов выдать Жене Хельгу, если Володя не заступится и не поддержит его в желании проникнуть в катакомбы. Володя распрямылся, намереваясь вмешаться, но не успел. Из подвала закричали:

— Товарищ майор, немцы!

Солдаты посыпались по лестнице в подвал.

Лучи фонарей ярко освещали круглую стальную крышку в полу. Бойцы Перебатов намеревались взорвать запертый люк, но крышка внезапно сама шевельнулась и с лязгом толчками сдвинулась в сторону.

— Вылезай! — по-немецки приказал кто-то из бойцов.

Из тёмного провала появились ладони и вцепились в горловину колодца, потом всплыла седая голова. Это был Грегор Людерс, Володя узнал его. Бойцы сноровисто выдернули старика наружу. Людерс нехотя поднял руки. Бойцы обшарили его в поисках оружия. Людерс подчинялся, покачиваясь. Его худое, щетинистое лицо было бесстрастным, но в глазах угрюмо тлела ненависть.

— Ничего нет, даже ножа.

— Пускай остальные фрицы вылезают, — приказал Перебатов.

Боец, говоривший по-немецки, перевёл Людерсу слова командира.

— Я один, — глухо ответил Людерс.

Пербатов, ухмыльнувшись, достал гранату, выдернул чеку и бросил в люк. Бойцы поспешно отступили. В глубине люка грохнуло, вверх вылетел столб дыма и цементной пыли. Людерс даже не моргнул.

— Наверх старика, — распорядился Перебатов. — Луценко, охраняй дыру.

Людерс сощурился от косого света солнца, рассекающего кирху на части. Женя разглядывала старого лощмана с холодным интересом, будто чудище со дна морского. Столько говорили об этом человеке — и вот наконец-то он здесь собственной персоной. Людерс мрачно озирался. Клиховский подался вперёд. Женя кивнула старику на кирпичный обломок, пригодный, чтобы сидеть.

— Нам известно, кто вы, господин Людерс, — по-немецки сказала она.

Людерс молчал, а седая щетина на его скулах чуть шевелилась. Перебатов встал напротив, точно примерялся ударить немца. Языка майор не знал.

— Где находится Эрих Кох и каковы его планы?

— Господин гауляйтер в своём бункере, — с трудом проскрипел Людерс. — С ним семь человек из «Вервольфа». Сегодня ночью он покинет подземный док на малой субмарине. В море у него намечено randevu с каким-то судном.

Ответ Людерса звучал механически, как с грам пластины. Старик явно произносил то, что заготовил, и давно переборол все свои чувства.

— По какой причине вы ушли от гауляйтера?

— Господин Кох счёл изменниками меня и мою племянницу.

Сердце у Володи отчаянно забултыхалось, будто утопающее.

— Племянницу? — удивлённо переспросила Женя.

Она обернулась на Володю и насмешливо заметила по-русски:

— Ну ты даёшь, Нечаев! Мальчика от девочки не отличаешь!

Володя провёл непослушной рукой по забинтованному лбу. Чёрт, Женя поняла всё по-своему! Решила, что Володя просто олух. Она слишком увере

на в своём превосходстве, потому и не догадалась об истинном положении дел.

— Меня и мою племянницу арестовали, — продолжал Людерс. — Я бежал. Я хочу как можно скорее привести ваших солдат к бункеру господина Коха, чтобы спасти свою племянницу от расстрела.

Володя побледнел, лицо его заблестело от пота, а зелёные сержантские погоны с красными полосками вздрогнули, будто обрубки крыльев.

Женя полезла в планшет на поясе, достала тетрадь и карандаш.

— Начертите схему катакомб! — потребовала она.

Людерс взял карандаш в грубые пальцы, положил тетрадь на колени и принялся чертить прямоугольники и линии с переломами и отростками.

— Это станция. — Он написал в центре листа буквы «st». — Это — два отдельных комплекса. — Он написал «ZIF» и «HAST». — «HAST» расположен под горой Швальбенберг. Он включает в себя бункер гауляйтера и подземный док. Это галерея железной дороги от станции к Лохштедту. А это тоннель от галереи до кирхи. — Людерс нарисовал кружок и подписал «k». — Мы здесь.

— Спроси, какие препятствия, — посоветовал Жене Перебатов.

— Вот тут бронестена. — Людерс ткнул в линию кончиком карандаша.

Женя и Перебатов рассматривали схему Людерса.

— Значит, не зря ручные мины прихватили, — довольно хмыкнул майор.

А Клиховский ощутил себя бессильным и лишним. До него уже никому не было дела — ни победителям, ни побеждённым. Людерс открыл последнюю тайну — тайну Хельги, — и Клиховский потерял власть над русским сержантом. Дама из дефензивы

рвалась за гауляйтером, лоцман и сержант — за девушкой, а про Лигуэт все забыли. Орденский клейнод мерцал во тьме катакомб, словно бриллиант, только для Клиховского. Однако Клиховский не желал сдаваться.

Чертёж Людерса указывал ему новый путь к Лигуэту. Людерс планировал вывести русских на объект «HAST» через подземную станцию, но Клиховский мог выйти к ней через объект «ZIF»! Бельгиец Морис, узник форта Штиле, говорил, что на той станции сходятся все коммуникации Пиллау. А Пакарклис, отыскавший ложный склеп коменданта де ля Кава, сообщил, что видел люк с надписью «ZIF»! Без сомнения, это был один из входов в секретный комплекс!

Он, Клиховский, может проникнуть в подземелья через люк в склепе и затем из комплекса «ZIF» перейти на станцию; оттуда вслед за русскими он проберётся к бункеру Коха и складам, где стоят зелёные ящики с экспонатами доктора Хаберлянда! Клиховский попятился от солдат, обступивших Людерса и капитана Луданную. Душу Клиховского омывало чистое электричество.

Война затаилась в этих подземельях, как дождевая вода, что просочилась сквозь грунт и уже никуда отсюда не денется, не уйдёт ниже, будет стоять здесь вечно, мёртвая и холодная. Полтора десятка бойцов пробирались по бетонным тоннелям, то узким — еле двое разойдутся, — то пошире. В прыгающих пятнах и полосах света от ручных фонарей появлялись какие-то углы, трубы, железные поручни, ящики. Метались, дико переламываясь, длинные тени.

Володя надеялся, что изжил в себе войну; оказалось — нет. Когтистая птичья лапа вновь стиснула душу, и тело само собой привычно подчинилось: зрение и слух обострились, руки и ноги напряглись, спина согнулась, словно Володя, человек, вернулся в состояние дикого зверя. И глубинная связь с другими бойцами, возникшая ниоткуда, была ощущением своей стаи.

Володя знал: нет ничего хуже боёв в катакомбах. Приходится заваливать немцев трупам. В январе Володя участвовал в сражении за форт Понрат, а в апреле — в штурме форта «Король Фридрих I». Сначала эти полуподземные крепости обрабатывали артиллерией главного калибра; снаряды не могли пробить стены и своды под земляными насыпями, но при удачном выстреле защитники бункеров погибали от динамического удара. Потом укрепления поливали пылающей огнесмесью из мощных фугасных огнемётов. И только после этого штурмовые группы лезли в бойницы казематов и капониров.

Огнемёты были самым беспощадным и самым надёжным оружием для захвата подземелий. Огнемётчиков, попавших в плен, немцы казнили вместе с коммунистами и евреями. В отряде Перебатова тоже имелся огнемётчик. Он двигался третьим в колонне — сразу за разведчиками. На спине он нёс ранец с баллонами, а в руках держал ружьё-брандспойт, соединённое с баллонами толстым шлангом. Если встречался проход в какое-либо боковое помещение, разведчики быстро проскакивали опасное место, а огнемётчик из-под защиты стены бил во тьму горячей струёй, чтобы сразу поджарить возможную засаду. Проход вспыхивал ярким прямоугольником. Впрочем, засад на пути не было, и только один раз из бункера, охваченного пламенем, с отчаянным писком выкатилась россыпь маленьких огненных клубков — подождённые крысы.

В катакомбах невозможно было сохранить секретность — демаскировали фонари, и бойцы Перебатов, оперативники и солдаты боевого охранения, прекрасно знали, что в первом столкновении окажутся у немцев как на ладони. Это был неизбежный риск. Перебатов шёл в середине колонны, за ним — Женя и Людерс. Володю поставили в хвосте — перед арьергардом.

Володя не спорил, не доказывал свою опытность. Он чётко исполнял все команды, потому что только так мог ускорить общее дело. Он думал о Хельге, затерявшейся в бетонных лабиринтах. Для него не было сейчас ничего важнее Хельги. Он истово надеялся, что Хельга жива, что Зигги её не тронул. Володя видел впереди сутулую спину Людерса и боялся за старого лоцмана — их единственного проводника к объекту «НАСТ». Володя готовился при первой же опасности наброситься на Людерса и прижать к полу, чтобы не убили.

А Женя ни за кого не боялась и думала сейчас только о себе — какая она смелая, сильная и красивая. Женя упивалась собой и сожалела лишь о том, что бойцами командует Перебатов. Но триумф всё равно будет принадлежать ей, а не Коле. Женя хотела поступка, схватки, жёсткой и ослепительной победы.

Наконец из длинного и тесного тоннеля группа выбралась в широкую железнодорожную галерею. Дышать стало легче, хотя воздух всё равно был сырым и затхлым. Лучи фонарей улетали в глубь галереи, как световые шпаги, и перекрещивались. Вдоль рельсового пути тянулись цементные кюветы с водой на дне. Под потолком висели мёртвые лампы в сетчатых намордниках.

— Станция через четверть часа, — сказал Людерс.

Отряд сразу разделился на две части, правую и левую, как положено в условиях уличного боя.

В стенах галереи время от времени появлялись ниши — прямоугольные выемки с железными дверями в какие-то боковые проходы. Если дверь можно было открыть, огнемётчик стрелял в глубь коридора, и отряд некоторое время ждал, что будет. Но коридоры оказывались пустыми. Галерея плавно заворачивала. Под ногами тихо плескала вода. Позвякивала амуниция.

...Этих двоих ополченцев, конечно, отправили на смерть. Им не хватило опыта, и они начали чуть раньше, чем следовало. Над бойцами Перебатова на потолке вспыхнули лампы, тусклый свет словно оголил участок галереи, унылый и бетонный, и тотчас из темноты впереди ударил пулемёт. От стены к стене заметался грохот, защёлкали пули. Володя толкнул Людерса, обрушивая в кювет, и сам тоже упал в воду на дне канавы. Бойцы мгновенно повалились вдоль рельсового пути, и кто-то из них вскрикнул, раненый. Однако немцы стреляли немело — слишком долгими очередями и слишком высоко. По характерному взвизгу Володя опознал «косторез», пулемёт MG-42.

— Гаси люстры, прижимай их рикошетами! — крикнул Перебатов.

Туго забабахали винтовки, и лампы стали гаснуть одна за другой. А в дальний конец галереи с хлопками и шипением унеслись осветительные ракеты и заскакали в замкнутом пространстве, вычерчивая пылающие линии. Бойцы били из автоматов в потолок, чтобы пули отскакивали вниз — на засаду. Характер схватки разом переменялся — теперь уже русские принялись давить немцев огнём. Скинув вещмешки, бойцы поползли вперёд, к пулемётному гнезду; потом в пулемётчиков полетели две противотанковые гранаты — такие гранаты не давали

осколков. Взрывы сотрясли тоннель, и пулёмёт умолк.

Бойцы поднялись в полный рост и угрюмо направились к немцам. «Косторез» валялся на шпалах, задрал сошки. Старик, обмотанный пулёмётными лентами, был уже мёртв, а пожилой резервист в очках ещё дышал. Русский солдат опустил ствол автомата и дал короткую очередь. Людерс посмотрел на убитых ополченцев и с мрачным отчаянием подумал: да, Хели в беде, но он, Людерс, своим сердцем с этими несчастными соотечественниками, а не с русскими.

У русских погибли трое, а ещё двое были ранены. Их перевязали и оставили на месте боя — подберут на обратном пути.

Отряд двигался в прежнем порядке: левая группа, правая группа. Рельсы поблёскивали в свете фонариков. А в протяжной бетонной галерее словно бы всё никак не успокаивалось эхо недавней схватки. Тишина будто дрожала, как от рычания дрожит горло волка. Вдали, за изгибом пути, ворчался какой-то утробный хрип. И он делался всё громче и отчётливее. В нём уже можно было различить веский размашистый лягз и железное повизгивание.

— Стоять, славяне! — Перебатов приподнял каску над ухом, прислушиваясь.

Что-то пёрло из тьмы.

— Да какого ж хрена... — изумлённо пробормотал Перебатов.

Он достал ракетницу из кобуры и пальнул в глубь галереи. Ракета пышно разбилась вдали, выхватив из тьмы бронированное рыло. Перебатов и бойцы увидели ступенчатую грудь танка «панцер-три» в серых пятнах камуфляжа, корявые гусеницы под

крыльями, курсовой пулемёт в шаровой подвеске и стёсанную по скулам плоскую башню с выпуклой маской орудия. Танк, уже не скрываясь, врубил фару и выстрелил. Рёв чёрной волной пронёсся по галерее мимо бойцов, и сзади тотчас ударил возвратный грохот разрыва.

— Назад!.. — заорал Перебатов.

«Панцер» полез навстречу бойцам, будто исполинское насекомое. Здесь, в катакомбах, он был неуместен и невозможен, и бойцов обдало суеверным ужасом, точно к ним из бездны карабкался древний демон. Танк перегородил галерею во всю её ширину. Двигатель рокотал. Гребенчатые траки гусениц скользили на рельсах с пронзительным скрипом; танк трясло и мотало — он покачивал коротким стволом пушки и со скрежетом шаркал крыльями по стенам. Дымила пыль растёртого бетона. Смертоносный «панцер» накатился бы на солдат со всей своей скоростью и мощностью и раздавил бы всех всмятку, но ему то и дело приходилось притормаживать, чтобы немного развернуться в тесноте. Зато пулемёт хлестал очередями взахлёб.

Людерс понял, откуда здесь этот танк. Два таких чудовища дремали на платформах поезда, оставленного на станции. Среди людей Зигги был танкист; значит, «вервольфовцы» завели машину и двинулись на врага — на пальбу засады. Расчёт оказался верным: справиться с бронемашинной русским было не под силу. Русским — а вместе с ними и Людерсу — надо было бежать прочь, искать укрытие. Но Людерс оцепенел от гипнотического величия «панцера» — огнедышащего дракона, с которым сражался легендарный Зигфрид. Дракон, что прорывается сквозь подземную тьму, и есть бессмертный дух Германии!..

Володя рванул старика лоцмана за плечо: отступаем!

Бойцы Перебатова быстро пятились. Никто из них не мог предположить, что в катакомбах потребуется противотанковое ружьё. Орудие «панцера» молчало — сейчас оно было бесполезно, — а пулемёт гулко грохотал, подметая галерею: с высоты борта он простреливал всё пространство железной дороги. Бросить гранату у русских не было никакой возможности — пулемёт держал их на расстоянии. Галерею освещали бегучие вспышки огня: это пули искрились о бетон. Тени солдат мелькали во всполохах света. Солдаты кидались через рельсы от стены к стене, изо всех сил втискивались в плоские ниши запертых боковых коридоров и падали в кюветы, подсечённые или убитые.

Перебатов заметил, как Женя с вещмешком в руках гибко скользнула вперёд, ближе к танку, и влево — в неглубокую прямоугольную выемку со стальной дверью какого-то прохода. Прижавшись к двери, Женя торопливо вытаскивала из мешка большую конусообразную мину с рукоятью. Перебатов понял: Женя хочет подорвать танк. Пару таких трофейных боеприпасов бойцы захватили для взлома бронестены, о которой говорил Людерс. К броне заряд прикреплялся тремя магнитами на подошве. Перебатов метнулся к Жене.

— Дура, отдай мне! — рявкнул он, впихиваясь рядом с Женей.

Он бесцеремонно отобрал мину, перехватил удобнее и, толкая Женю локтем, выкрутил колпачок запала в рукояти. Танк рокотал уже совсем близко.

— Не бабское дело «панцеры» жечь!.. — ревниво пробормотал майор.

Громада танка заслонила проём ниши, обдав горячей вонью моторного масла и синтетического бензина. Перебатов подался вперёд, выдернул

шнур запала и ткнул заряд «панцеру» в борт под гусеницей — выше обрезиненных двойных катков, рядом с люком для эвакуации экипажа. Клацнули магниты. Мина осталась торчать на боковой броне танка, будто нелепая присоска.

Но танк отъехал только на метр и притормозил, выправляясь на рельсах.

Детонация трёхкилограммового кумулятивного заряда, конечно, убивала экипаж танка, но убивала и тех, кто оказался слишком близко. А «панцер» застрял на месте, и бежать из бетонной западни было некуда. Перебатов отчаянно ударил в железную дверь — заперто, сука, заперто! И тогда майор без колебаний повалил Женю и закрыл своим большим телом. И грянул взрыв.

Литовцы жили вместе в одной большой комнате. Комендант общежития из почтения к науке выделил им письменный стол. Пакарклис разложил перед собой картонную папку с рукописью Донелайтиса; он бережно переворачивал листы и рассматривал пожелтые строки сквозь увеличительное стекло.

Клиховский в расстёгнутом пальто опустился рядом на стул.

— В старинных бумагах есть чарующая магия, — признался Пакарклис, взволнованно блестя очками. — Я могу сидеть так часами.

Но Клиховский не мог сидеть часами. Он торопился.

— Повилас, у меня к вам отчаянная просьба, — сказал он. — Вам известно, что я ищу Лигуэт. И я наконец выяснил, в каком бункере он хранится.

— Рад за вас, Винцент, — искренне ответил Пакарклис.

— Радоваться рано. Русские начали зачистку катакомб. И меня на эту операцию не взяли. Словом, Повилас, мне нужен ваш пропуск в Шведскую цитадель. Через склеп де ля Кава, который вы обнаружили, я смогу попасть в подземелья и без санкции русских.

Пакарклис распрямился, внимательно глядя на Клиховского.

— Винцент, я не дам вам свой пропуск. — Пакарклис произнёс это вежливо-строго, будто говорил с капризным ребёнком. — Причина не в том, что нельзя передавать документы, а в том, что в катакомбах скрывается «Вервольф». Вас убьют. Я забочусь о вас как друг, ведь вы спасли мне жизнь. Вы заберёте свой Лигуэт позже, когда военные завершат свои дела. Будьте терпеливее.

Клиховский смотрел на литовца как на врага. Пакарклис не понимал ситуации. Гауляйтер может сбежать от облавы на субмарине, прихватив с собой и Лигуэт. При обороне «вервольфовцы» могут взорвать что-нибудь и завалить склад с ящиками доктора Хаберлянда. Наконец, сами русские могут передумать и присвоить историческую реликвию как трофей.

— Я могу переубедить вас, Повилас? — сухо спросил Клиховский.

— Это исключено.

Клиховский вышел из комнаты Пакарклиса, но далеко не ушёл. Он встал в конце коридора у окна, не теряя дверь литовцев из вида. Изредка в коридоре появлялись жильцы — солдаты и офицеры. Время текло невыносимо тягостно. Клиховский ждал. За открытым окном чирикали птицы, слышались голоса прохожих, кваканье автомобильных клаксонов, гудки кораблей в проливе. С лестницы вывернул Юозас

Юргинис, коллега Пакарклиса; он направился по коридору к своей комнате, не обратив внимания на человека возле окна.

И наконец Клиховский дождался. Пакарклис ещё аккуратно прикрывал дверь, а Клиховский уже скользнул за угол на лестницу. Пакарклис не спеша, по-профессорски степенно прошествовал мимо лестницы к уборной. За спиной литовца Клиховский бросился в его комнату.

Юргинис сидел на койке и подкачивал примус на тумбочке, на конфорке примуса стоял закопчённый эмалированный чайник.

Юргинис улыбнулся:

— Здравствуйте, Винцент. Товарищ Пакарклис отлучился на минуту...

— Ничего, — ответил Клиховский.

Он шагнул к столу, на котором лежала рукопись Донелайтиса, захлопнул картонную папку с листами, быстро сунул её себе на грудь под пальто и тотчас отступил обратно к двери. Юргинис ничего не успел сообразить.

— Передайте Повиласу, что мы встретимся на мосту Гинденбурга. Без всякого промедления. Или его рукопись полетит в канал.

Клиховский выскочил из комнаты.

Щурясь на солнце, он прогуливался вдоль чугунной ограды моста. Через проезжую часть тянулись тени фонарных столбов. На канале плавучий кран ЭПРОНа поднимал затонувшую баржу: тарактел движок, лязгали цепи, что-то кричали такелажники. Над пришвартованным сторожевиком носились чайки.

Пакарклис почти задыхался от быстрой ходьбы. Кашляя, он вытащил из внутреннего кармана пиджака сложенный листок пропуска и молча протянул

Клиховскому. Клиховский проверил пропуск и достал папку с рукописью.

— Вы действительно могли бросить её в канал? — спросил Пакарклис.

— Лучше не думать о том, на что ты способен, — ответил Клиховский.

Он не собирался оправдываться. Он вообще не испытывал вины.

— Вы не учёный, а варвар, — сказал Пакарклис.

Клиховский пожал плечами, развернулся и зашагал прочь.

Через минуту он был уже у ворот Шведской цитадели. Молодой матрос в форменке, тельняшке и бескозырке очень внимательно прочитал и пропуск, и командировочное удостоверение, и временное удостоверение личности на имя Пауля Бадштубера, оформленное Луданной в комендатуре.

— Немец? — с презрением спросил матрос. — А где остальные учёные?

Клиховский с трудом подбирал русские слова:

— Я сейчас один. Всем другая работа. Мне малый срок. Взять себе фонарь.

— Иди, — дозволил матрос. — Фонарь в каптёрке выдадут.

...Из разрушенного трансепта кирпичи всё так же торчал хвост русского самолёта. Клиховский прошёл под ним, как под огромным распятием. Пустые окна храма. Пролом в стене. В нартексе — знакомая лестница в подвал. В подвале — треснувшие арочные своды и груды обломков. Смерд разложения. Освещающая себе путь, Клиховский карабкался по кирпичным глыбам и вскоре увидел частично расчищенное пространство и плоскую горловину колодца.

Высокие ступени круто вели вниз. Узкий лаз заканчивался в подземной часовне — в усыпальнице

коменданта де ля Кава. Клиховский обвёл помещение фонарём. Склеп повторял часовню Святой Анны в замке Мальборка, гробницу магистров: такой же звёздчатый свод с нервюрами и готические проёмы окон, только наглухо закрытые кирпичной кладкой. Похоже, Пьер де ля Кав воображал себя магистром, хотя его склеп был вдвое меньше часовни.

А пол в склепе оказался новым — бетонным. В него вмуровали стальную раму. На крышке люка было написано «ZIF-2». Этим проходом в подземный комплекс «ZIF» и воспользовался фон Дитц при первом визите к Людерсам. Клиховский поднял крышку. Короткая шахта и стальные скобы.

Клиховский шёл по узкому бетонному тоннелю. Лужи конденсата, холод, тишина и ощущение смерти. Клиховский думал о фон Дитце и Мариенбурге пятнадцатого века. Фон Дитц — это Хубберт Роттенбахский. А проход «ZIF-2» начинается в ложном склепе Пьера де ля Кава, как тайный лаз из Мариенбурга начинался в ложной могиле проклятого магистра Валленроде. Вряд ли немцы, строившие комплекс «ZIF», подозревали о таком удивительном совпадении. События и явления двух эпох были зарифмованы историей, а не людьми. Тут действовала более мощная сила, нежели жалкий человеческий замысел.

Яснее всего эта сила проявлялась под землёй, потому что под землёй не существует времени. Здесь вечность. Здесь мир мёртвых, ибо живым человек бывает лишь на краткий срок, а мёртвым — уже навсегда. Здесь одержимые из «Вервольфа» превращаются в бесстрашных анастифонов. И здесь стираются случайные черты, обнажая главное, оставляя суть. Вечность не ведает разницы

между Хуббертом и фон Дитцем: они — одно и то же. Он, Винцент Клиховский, и его предок Каетан здесь тоже едины. Здесь Эрих Кох — магистр. Девочка Хельга — суккуб. Капитан Луданная — Ульрих Червонка. А русский солдат Володя, конечно, армариус Рето фон Тиендорф, полюбивший демона.

Спасая Сигельду от казни, Рето открыл ворота замка врагам и Каетану. Но почему Каетан не забрал Лигуэт у влюблённого Рето? Потому что помешал Червонка, а Рето прозрел и передал Лигуэт магистру.

Что же происходит у него, у Винцента? Володя, подобно Рето, спасая Хельгу, открыл русским дверь в катакомбы — отыскал проход в кирхе «Мария Морская Звезда». А Женя помешала Винценту, как Червонка помешал Каетану. Но Винцент переиграл Женю: пробрался через другую кирху, через ложный склеп коменданта де ля Кава. И что его ожидает под землёй?

Если история жаждет замкнуть кольцо, то в катакомбах у Володи должно что-то случится с Хельгой. Володя должен увидеть её другими глазами, как Рето увидел Сигельду дьяволицей, и должен отдать меч Эриху Коху, как Рето отдал меч магистру. Наверное, Грегор Людерс и Зигги Киперт нужны истории как раз для этого поворота. С их помощью история вернётся на свой роковой круг, и род Клиховских опять лишится Лигуэта. Но нет! Червонка остановил Каетана, однако Женя всё же не сумела остановить Винцента! И не сумеет, потому что Винцент разгадал секрет истории и не ошибётся, как его предок.

Клиховский шагал по тоннелю и не сомневался, что сегодня он победит. Он разорвёт цепь предопределённости и добудет Лигуэт.

Два бойца подняли Женю на борт подбитого танка и помогли пробраться мимо башни, и Володя принял её внизу. Женя уже не отвергала помощь: ей и вправду было плохо. Из носа и ушей у неё текла кровь, а ноги подгибались — её крепко контузило, хотя, конечно, основную силу ударной волны принял на себя Перебатов. Володя усадил Женю спиной к танковым тракам и посветил фонарём наверх. Боец на танке глянул на товарища, спустившегося в нишу к Перебатову, и молча скрестил руки: майор погиб.

После бойни, устроенной «панцером», уцелели только трое бойцов. Ещё четверо были ранены, один смертельно. В тоннеле пахло выхлопами эрзац-бензина и кислятиной взрывчатки. Танковая фара по-прежнему ярко освещала рельсы, уходящие во тьму галереи. На рельсах лежали убитые. Володя сейчас ничего не чувствовал — ни злости, ни страха, ни сострадания. Так бывает, когда бой не закончен, а только затих на время: враги меняют позиции и собираются с силами. Опасность вроде миновала, но душа солдата не ожила. Солдату надо примеряться, куда двигаться дальше. Война-то продолжается.

На танке бойцы лязгали крышками люков.

— В машине три трупа, — сообщили сверху.

— Женя, ты как? — спросил Володя. — Го-голова работает?

— В ушах звенит, — обессиленно прошептала Женя.

— Нас четверо, а с гауляйтером в лучшем с-случае двое. Надо поспешить. Ты сможешь идти или пе-передашь командование?

Женя снова разлепила окровавленные губы.

— Плевать на гауляйтера, — выдохнула она.

Володя догадался, что Женя надломилась. Ей теперь ничего не нужно.

— Там Хельга, — напомнил Володя. — Я должен её выручить.

— Хельга?.. — непонимающе повторила Женя.

Она уже забыла о немецкой девчонке на объекте «НАСТ». Немка для неё была всего лишь расходным материалом, не имеющим особой цены.

— Я люблю эту девушку, — честно сказал Володя. — Я здесь ра-ради неё.

Володя знал, что суть войны — правда. Там, на улицах Пиллау, воцарился мир. Можно было гулять, искать трофеи, хитрить и выгадывать удовольствия. Такова мирная жизнь. А в катакомбах — война. Когда на тебя прёт «панцер», врать уже некогда. Да и незачем. И хамоватый, глуповатый майор Перебатов своим телом заслоняет любимую женщину от взрыва. А правильный и чуткий сержант Нечаев уходит от нелюбимой прочь, и её горе ему безразлично.

Женя ещё не могла до конца переосмыслить свои отношения с Володей, но главное уже поняла. Нечаев её не любил. Нет, Володя не использовал её — он молча позволил ей самой обмануть себя. И теперь Коля Перебатов убит. В этом виновато её самодовольство, а не коварство Нечаева. Но простить Володе собственную ошибку Женя была не в силах. В её взгляде прорезалась чистая ненависть — словно боль, когда отпустил наркоз.

— Операция отменяется, — еле слышно произнесла Женя.

Она хотела, чтобы Нечаеву стало хуже, чем ей. И Володя принял её запрет без возражений. Он понимал, как душу у Жени обжигает оскорблённое са-

молюбие. Понимал, как корчится её совесть от вины за гибель Перебатова.

— Ты прости, что так вы-вышло с тобой. — Володя погладил Женю по лицу. — Я пойду один и бе-без приказа. Иначе я не могу.

А в это время в другом конце катакомб Зигги Киперт рукоястью пистолета стучал в стальную дверь кантины, столовой для гарнизона комплекса «НАСТ».

— Хели! — настойчиво звал Зигги. — Хели, это я!

Хельга не отвечала. Может, не слышала? Нет, должна была слышать. Час назад на такое же обращение она откликнулась выстрелом по двери изнутри.

Эта девочка изумила их всех. Раненая, она осталась в комплексе «НАСТ», чтобы прикрыть дядюшку... Зигги не присутствовал при том бое — господин гауляйтер запретил ему рисковать, — но «вервольфовцы», побежавшие на грохот пальбы, потом рассказали, что девчонка Людерса, припадая на ногу, медленно и грозно шла по середине тоннеля, сама худенькая, но с большим автоматом в тонких руках, и бешено лупила перед собой очередями, не позволяя никому даже высунуться из-за угла. Несчастный Максик Фогль, их катакомбная шлюшка, валялся на полу, простреленный, и кричал, и девчонка безжалостно прикончила его пулей. Она была как валькирия — волосы дыбом, и в глазах смерть. Она решила продать свою жизнь подороже. Но ей подвернулась кантина. Девчонка шагнула в блок, захлопнула дверь и задвинула засов.

Конечно, дверь можно было выбить гранатой. Но зачем? Пускай девчонка сидит в кантине, она никому не мешает. Своих бойцов Зигги отправил на подземную станцию. Если старый Людерс притащит русских, бойцы заведут танк, скатят его с железнодорожной платформы и вступят в схватку. Зигги не

сказал бойцам, что на «морской собаке» имеется только четыре места, поэтому чем меньше «вервольфовцев» вернётся на причал, тем будет лучше. Зигги чувствовал себя суровым генералом Лоренцем, который командует дивизией «Великая Германия», погибающей в окружении под стенами замка Бальга.

— Хели! — снова позвал Зигги. — Русские не спасут тебя. Они сюда не войдут, потому что скоро я обрушу тоннель. Ты сама видела, он заминирован.

Гауляйтер уже разместился в лодке и по своему золотому «Лонжину» следил, когда над Пиллау сгустится тьма, чтобы субмарина погрузилась под воду и ускользнула в гавань. Едва бойцы «Вервольфа» покинули комплекс «HAST», гауляйтер поинтересовался, не следует ли прямо сейчас уничтожить тоннель, уходящий к станции. Завал — более надёжная защита, чем бронестена. А «вервольфовцы» господину Коху были не нужны, они — только обуза. Но Зигги нравилось держать гауляйтера в напряжении, и он ответил, что пока повременит — оставит товарищам хотя бы маленький шанс на эвакуацию. Для верности Зигги даже снял ключ, замыкавший клеммы взрывателя на проводе. Провод соединял дизель-генератор и электродетонаторы в ящиках с тротилом.

— Хели, я возьму тебя на борт, — уговаривал Зигги у двери кантины. — Подумай. Я ещё приду к тебе перед отплытием.

А Хельга лежала в кantine на бетонном полу и уже даже не плакала. Она перемотала простреленную ногу полотенцем с кухни, но от потери крови то и дело впадала в забытье. К словам Зигги за дверью она не прислушивалась. Пусть Зигги обещает что угодно — она ждёт Вольди. Вольди её оты-

щет. Он прорвётся к ней даже с того света, как солдат из песни «Лили Марлен».

И Володя прорывался.

Он не знал, в какой момент потерял Людерса. Вроде старик был рядом, когда уцелевшие солдаты полезли на мёртвый «панцер», а потом куда-то тихо исчез. Скорее всего, он отправился в логово Коха в одиночку. Что ж, теперь он мог надеяться на успех. А ждать русских — это слишком долго.

Володя почти бежал, оступаясь на шпалах. Луч фонаря прыгал по стенам с трубами и кабелями, по плитам потолка с лампами в сетчатых намордниках, а потом вдруг растворился в более обширном пространстве. Володя успел увидеть торец бортовой железнодорожной платформы и опущенную аппарель — мостик, чтобы танк съехал на рельсы, и тотчас от вагона ударил автомат.

Володя мгновенно упал в кювет, выключив фонарь. Кто стрелял? Зигги или его последний боец?.. Однако по звуку Володя определил советский автомат ППС. Значит, стрелял Людерс. Он забрал оружие у кого-то из убитых солдат Перебатова. Но почему Людерс стреляет по русскому?!

Володя пополз по кювету вдоль рельсов, держа в памяти расположение вагона, аппарели и перрона, и вскоре добрался до парных стальных колёс. Он закатился под днище вагона и замер. Людерс топтался на перроне в темноте и ещё дважды отступал короткими очередями в глубину тоннеля.

Надо было пристрелить мерзавца, и всё, но ведь его любила Хели... Володя бесшумно вылез на перрон за спиной Людерса, поднялся на ноги и врезал кулаком старику в бок. Людерс охнул, выронив автомат, и согнулся. Володя грубо развернул лоцмана и полыхнул ему в лицо фонариком.

— Что вы делаете, Людерс?! — злобно спросил он. — На чьей вы с-стороне?!

На щетинистом лице Людерса блестели крупные старческие слёзы.

— Вас послали за мной?.. — проскрипел старик.

Володя подумал, что у лоцмана сдали нервы: он решил, что русские отказались от плана захватить гауляйтера и Хельга обречена. В общем, так и было. Но Людерс испугался, что русские отрядили бойца за ним в погоню.

— Я иду не за вами, старый вы ду-дурень! — сказал Володя. — Я иду за Хельгой! Либо вы со мной заодно, либо я вас убью! Ведите меня!

Володя посветил фонарём вдоль перрона. Он разглядел тающий во мраке товарный состав и горбатую пятнистую громаду второго «панцера». Война в катакомбах ещё не закончилась.

Клиховский с натугой передвинул засов по вязкой смазке, и железная дверь распахнулась сама собой, с другой стороны на неё давил приваленный мертвец. Он упал навзничь под ноги Клиховского, и Клиховский, посветив фонарём, узнал майора Перебатова, хотя лицо у майора было залито кровью.

Дальше путь был перегорожен танком с рваной дырой в борту.

Клиховский перебрался через танк. Фара ещё горела. На рельсах лежали трупы. Клиховский осмотрел убитых и почувствовал беззвучное ожесточение отгремевшего здесь боя между людьми и стальным чудищем. Что ж, русские проломил оборону бойцов «Вервольфа». А Людерса или Володи среди покойников не было. Значит, они ушли вперёд. Всё правильно. Всё по плану.

Людерс и Володя в это время подходили к бронестене. Яркий луч фонаря выхватил широкую надпись «HAST» на воротах. Людерс толкнул небольшую корабельную дверь в правой створке. Дверь, скрипнув, открылась. Никто из «вервольфовцев», ушедших навстречу русским, не вернулся обратно на объект, чтобы запереть эту дверь за собой. Людерс первым переступил порог.

Володю удивило, что старый лоцман вдруг вцепился в какую-то ржавую железяку, торчащую из маховика кремальеры, и принялся дёргать её.

— Бросьте, Лю-людерс! — недовольно сказал Володя.

Он не опознал в железяке старинный меч. Он вообще напрочь забыл о мече Сатаны и Винченце Клиховском с его страстями и проклятиями.

Людерс не отвечал и не прекращал дёргать железяку. Володя тоже взялся за неё и рванул на себя, а потом ещё раз и ещё. Наконец железяка выскочила из зажима. Людерс забрал её и бережно всунул за ремень под куртку.

Тоннель комплекса «HAST» был освещён жёлтыми и тусклыми лампами, но Володе казалось, что он выбрался из гиблых пещер на солнечный полдень. Володя щурился и озирался. Вот оно, логово гауляйтера. Никакого мрачного величия. Обычный подвал. Бетон, лужи, трубы, кабели и гнетущая тишина. А Людерс угрюмо косился на Володю и примерялся вонзить ему в спину меч.

Старый лоцман неотступно думал о погибшем танке.

Те «вервольфовцы» в танке — подлинные немцы. Бесстрашные львы Танненберга. Истинным их оружием была непобедимость Германии, а танк словно бы овеществил её, превратив силу человеческого духа в могучую бронемашину. Танк сражался в под-

земелье подобно крейсеру «Кёнигсберг» в дельте реки Руфиджи. А он, матрос Людерс, дезертировал с корабля. Что с ним стряслось? Он струсил? Постарел? Поглупел? Или разуверился?..

Нет, он ошибся. Господину гауляйтеру некогда было разбираться, и он просто арестовал дядюшку и племянницу. Хели испугалась — девчонка же, а Людерс будто заразился её страхом. Он бежал. Он привёл русских в убежище гауляйтера. Он бесконечно виноват. Величие танка в катакомбах открыло ему глаза. Там, на тёмной станции, он плакал от горечи, от невыносимости своего преступления. Германия — она ведь не с большевистскими оккупантами. Она — с несгибаемыми бойцами «Вервольфа». С упрямым гауляйтером, который не сдаётся даже сейчас. Но где же тот храбрый матрос с крейсера «Кёнигсберг»? Он отрёкся от своего командира. От капитана. От магистра. Будь он проклят!

За поворотом Людерс и Володя увидели на полу убитого мальчишку из Гитлерюгенда. «Вервольфовцы» никуда не унесли его, лишь аккуратно убрали с дороги. В выемке стены над мальчишкой громоздился штабель из ящиков с тротилом. Тонкий провод тянулся по тоннелю за угол — в генераторный отсек.

— Хельга! — закричал Володя.

Он потерял её только сутки назад, всего только сутки, но будто бы миновала уже тысяча лет, и он прошёл уже тысячу вёрст, и чем дальше была Хели, тем становилась ближе ему и дорожке. Зигги забрал её грубо и внезапно, и для Володи тотчас включилось какое-то неудержимое движение жизни, точно выбили стопоры из-под колёс. Разлука решительно и быстро довершала то, к чему близость вела так пугливо и медленно: Володя чувствовал, что его душа и душа Хели, разделённые расстоянием и бето-

ном, тихо и неумолимо прорастают друг в друга, словно травы переплетаются корнями.

— Хельга! — снова крикнул Володя.

Где-то за углом протяжно заскрипели дверные петли.

У Хельги не хватило сил, чтобы откликнуться, но она сумела вытянуть рукоятку засова. Володя отбросил дверь и упал рядом с Хельгой на колени. Его каска, брэнча, покатились по бетонному полу тёмной кантины. Володя сгрёб Хельгу — лёгкую, будто из ниточек и паутинок, — и молча прижал к себе. Она опять была прячущимся зверёнышем. А он опять её нашёл.

— Я так ждала тебя, любимый Вольди... — прошелестела Хельга.

Володя содрогнулся. Хели словно бы зыбко мерцала, почти не существуя в этом мире. Мир был переполнен дивными богатствами — восходы, корабли, дети, облака, лошади, песни, куранты на старых башнях и запах дороги после дождя, — но ничего из этого Хели уже не достанется. Володе хотелось взвыть от ненависти и нежности, а Хели бледно улыбалась. Её счастье было хрупким и прозрачным, как первый лёд, и всё-таки было счастьем: оба её любимых человека прорвались за ней в подземелье! Значит, всё хорошо.

Людерс смотрел, как тонкие пальцы Хели цепляются за плечи русского солдата, точно за край обрыва над тёмной и страшной рекой, и не верил своим глазам, но всё было ошеломительно очевидно: его ненаглядная Хели, чистая и светлая девочка, полюбила русского!.. Варвара! Врага!

Когда она успела? Неужели за краткое время его отсутствия? Возможно ли такое?! Людерс ничего не знал про любовь. Он же моряк. Его женщины были

из портовых борделей. Людерс жалел этих несчастных потаскушек и воспитывал Хели правильно: честь дороже, чем жизнь, и своё сердце женщина отдаёт только домашнему очагу, достойному мужу или Отечеству. Что же наделала его глупая Хели? Она ведь помнила уроки дядюшки!

Или же всё проще: она, конечно, помнила, но пренебрегла и долгом, и совестью! Дядя её избаловал, и она уступила соблазну. Предала Германию и фюрера. Предала тех немцев, что не согласились жить под властью врагов, сражались с русскими или бежали от них. Выходит, обер-лейтенант Киперт не лгал. Хели снюхалась с русским солдатом, и тот убил фон Дитца! А господин гауляйтер был прав, когда арестовал Людерсов. Но Хели погубила и дядюшку: обманула его, чтобы спастись, и вынудила предать господина гауляйтера!.. Хели, Хели, Хели!.. Ну как ты могла?! Ты сама себя обрекла!

Оружия у Людерса не было: этот русский отобрал у него автомат ещё на станции. Однако автомат был у Хельги. Он валялся на полу поодаль — в темноте. Людерс шагнул к оружию. Пока онемевшая душа ещё звенит, будто колокол, пока не пробудились сомнения, надо одной очередью прошить этих двоих, и пусть вместе провалятся из кантины в преисподнюю, где для них уже сложен костёр. Тяжесть автомата словно убеждала в правоте решения.

Очередь заколотилась по кантине сумасшедшим грохотом, но дугой ушла вбок: это русский вдруг очутился рядом — из ниоткуда, как дьявол, ударил по автомату и вцепился Людерсу в горло. Людерс выронил автомат, пытаясь отодрать лапы врага. Русский давил и давил; Людерс хрипел, задыхаясь; потом русский почему-то разжал хватку и отшвыр-

нул старика. Людерс полетел на пол. Он не сомневался, что русский его добьёт.

А русский подхватил Хельгу на руки.

— Потерпи, любимая... — шептал он. — Я тебя в-вынесу...

С Хельгой на руках он качнулся к выходу из кантины и исчез. Он ничего не сказал Людерсу, будто Людерса больше не существовало.

Кашляя, Людерс на четвереньках пополз вслед за русским.

Пустой тоннель. Тусклые лампы. Бетонные стены. Трубы.

Людерс не желал, чтобы эти двое выжили. Они должны заплатить. За что? За всё. За поруганную веру старого лоцмана. За разрушенную Германию. За те мечты о величии, с которыми немцы вздымали свои знамёна. За унижения. За взорванный Танненберг. За горящий Кёнигсберг. За торпедированные суда. За беженцев, топтавших друг друга. За убитого фюрера. За город Пиллау.

Людерс поднял с пола провод — тот тянулся за угол и дальше, к ящикам с тротилом, что были заложены в стену тоннеля перед стальными воротами. Перебирая руками, Людерс подтащил пластмассовую коробочку взрывателя. Дрожащими пальцами открыл крышку. Вот две медные клеммы. Но ключа на них нет. Что ж, замкнуть цепь можно не только ключом.

Людерс выволок из-под ремня меч магистра. Святое железо тевтонцев, помощи! Людерс сунул лезвие между клеммами.

А Володя, пошатываясь, упрямо шёл по тоннелю подземного комплекса «НАСТ» и держал на руках умирающую Хельгу. Володя твёрдо знал, что не промедлит ни секунды, выбьет все двери, ломает

все стены, всё преодолает, не устанет, не поддастся отчаянию. Он сильнее танка. Он донесёт любимую до госпиталя, и её спасут. Там, наверху, люди, которые умеют совершать невозможное. Люди, которые победили в невероятной войне. Там свои.

Чудовищный взрыв сотряс бункеры, отсеки, склады, казармы и кантину. Заминированный участок тоннеля на неуловимое мгновение превратился в пылающее адское пекло и затем схлопнулся мёртвой тьмой. Смертоносная ударная волна расшилась о повороты катакомб, но трескучий долгий грохот закувыркался по длинным переходам, будто катились угловатые глыбы. Вслед за грохотом, жадно поглощая пространство, попёрла непроглядная туча пыли, белёсо вскипающая изнутри; она налетела как буря и затопила всё вокруг.

Людерс раздавленно распластался на полу у порога кантины. На него сыпались прах и мусор, словно пепел из крематория.

Взрыв в недрах комплекса почувствовал и Винцент Клиховский. Стены и пол под его ногами колыхнулись, и Клиховский еле сохранил равновесие. Откуда-то поплыл тяжкий утробный гул. Клиховский как раз приближался к бронестене. Он бросился вперёд и распахнул корабельную дверь. Из проёма полезла густая мгла. Прикрыв лицо платком, Клиховский переступил порог и погрузился в удушающий земляной туман. Через полсотни шагов путь ему намертво преградил огромный завал из обломков бетона, прошитых прутьями арматуры, вперемешку с ленивыми потоками древнего морского песка.

Клиховский остановился. Душа его окаменела от безысходной горечи. Он понял, что все невероятные усилия оказались напрасными. Путь к Лигуэту

утрачен для него навсегда. Отныне Лигуэт замурован в подземельях нацистов, как он был замурован в склепе замка Бальга. Значит, история всё-таки сумела замкнуть себя в кольцо. Значит, он, Винцент Клиховский, повторил ошибку своего предка. Но в чём заключалась эта ошибка? Что было сделано не так?!

Взрыв отозвался и в доке. Вода широко плеснула на бетонный пирс, и субмарина зыбко закачалась, как поплавок, туго толкаясь стальным бортом в обрезиненные кранцы. Гауляйтер выронил хронометр и в испуге схватился за что попало — за обод дифференциальной цистерны. Стрелки циферблатов на приборной доске прыгали по шкалам. Брякал о трубу повешенный на вентиль бинокль. Зигги вскинулся, готовый захлопнуть крышку люка над головой.

— Что это было? — побледнев, спросил Кох.

— Думаю, сдетонировала взрывчатка... Кто-то обрушил тоннель.

— Возвращаются ваши бойцы?

— Я посмотрю, господин гауляйтер.

— Посмотрите, и надо отплывать! — В голосе Коха звучала паника.

Зигги вывинтился из тесной рубки и выбрался на корпус субмарины. В помещении дока клубилась пыльная дымка — она выползала из технических потерн. Гауляйтер был прав: пора скорее убираться отсюда. Зигги принялся торопливо распутывать узел и вытаскивать из швартовочного рыма толстый трос, который удерживал судно у причальной стенки. И вдруг в мутном сумраке на пирсе появился человек. Зигги тревожно распрямылся, расстёгивая кобуру на ремне. Человек двигался медленно и косо-боко. Зигги не сразу сумел узнать его. Это был Грегор Людерс — весь в грязи, как горнорабочий.

Он поднял над собой какой-то длинный предмет и сипло выкрикнул:

— Подождите меня!.. Со мной меч магистра!

Зигги не стал ни стрелять, ни ждать. Он заскочил на рубку, ногами вперёд быстро протиснулся сквозь люк обратно в субмарину и свалился в своё кресло.

— На пирсе Людерс, господин Кох, — сообщил он. — У него какой-то меч.

Господин Кох завинтил пробку на фляжке с коньяком.

— Чушь! — раздражённо отрезал он. — К дьяволу Людерса!

Зигги понимающе усмехнулся, потянулся наверх и плотно захлопнул люк с плексигласовым куполом. Пускай старый дурак подохнет в этих катакомбах. А Хельгу, в общем, жалко. Не успел попользоваться... Но не бежать же за ней.

Людерс увидел, как вдоль выпуклых боков субмарины забурила грязная пена: лодка заполняла балластные ёмкости, вода выдавливала воздух. Тёмные волны захлестнули покатый корпус, потом округлый башмак рубки с пузырьём прозрачного купола, и последней исчезла стойка перископа. «Морская собака» погрузилась бесследно, только бурые разводья шевелились под кранцами.

Людерс застыл на причале. Он один. Он потерял свою страну. Он убил свою любовь. Он сам сошёл в могилу. А магистр принёс его в жертву. Грегор Людерс, старый лоцман из Пиллау, в этом подземелье был заточён навеки. Он стал хранителем святыни Тевтонского ордена — меча по имени Лигуэт.

ЭПИЛОГ

Старый сухогруз «Святой Адальберт» вышел около семнадцати тридцати в сопровождении тральщика. В трюмах размещалось трофейное оборудование для верфей, а на палубу в Пиллау посадили шесть сотен интернированных поляков. Охраняли их три красноармейца, хотя охрана вовсе не требовалась: поляки возвращались домой, в Польшу. Утром «Святой Адальберт» должен был пришвартоваться в порту Готтенхафен — в польской Гдыне.

Клиховский постелил под себя пальто и полулежал возле фальшборта. Судно казалось неподвижным, хотя сквозь вырезы шпигатов Клиховский видел гребни бегущих под бортом волн. Ветер растеребил по небу облака, словно мягкую кудель на мелкие клочья, и закат подсвечивал их вишнёвым огнём. Тонкая стрела подъёмного крана чуть покачивалась и поскрипывала. Люди на палубе лениво переговаривались, делились снедью, спали, штопали одежду, играли в карты, курили. Переливчато звучала губная гармошка.

Гдыня — это совсем рядом с Данцигом. Что ждёт его, Клиховского, в родном городе? По слухам, Дан-

циг жестоко пострадал в уличных боях. Жива ли Марутка, его Рыся? Живы ли Берчик, Людвичек и Чарусь, ради которых он, Клиховский, полез в бункеры Пиллау? Может, жена и дети давно погибли, и все усилия найти Лигуэт изначально были бессмысленны?.. Клиховский не изводил себя предчувствиями беды, как не мучил и сожалениями о сделанном. Что было, то было. Как будет, так будет. А он просто принимает судьбу.

Прошлое было таким же неизвестным, как и будущее. Капитан Луданная не снизошла до разговора. Конечно, Клиховский понял, что отряд Луданной напоролся в катакомбах на танк, потерял командира и отступил. Но куда пропал Володя? Куда подевались Людерсы? А гауляйтер? Он сбежал в своей подводной лодке или погиб? И кто подорвал тоннель? И главное, почему всё получилось именно так?.. Клиховский смирился, что никогда не услышит ответов на свои вопросы. Стихия истории своё движение не объясняет.

Он задремал.

И сквозь одну реальность зыбко проступила другая, которая, возможно, располагалась где-то на полпути к истине. Клиховский узнал свой Гданьск — или, если угодно, Данциг. Небо над ним в густом дыму; из дыма вываливаются русские бомбардировщики, проносятся над черепичными крышами и улетают обратно в тёмный дым. Взбаламученная и замусоренная Мотлава, из которой торчат мачты и трубы затопленных судов, взметаются водяные столбы от упавших бомб. На одном берегу реки тесный строй фигурных домов разорван провалами разрушений, а в тех зданиях, что ещё стоят, выбиты окна и обломаны фронтоны. На другом берегу пылают старинные высоченные амбары-шпайхеры.

Сдвоенная башня Журава лишилась бревенчатого клюва и зоба: доброму чудищу выжгли его ганзейское лицо. И всё вокруг в полном беззвучии. Точнее, в тишине играет пластинка на патефоне: «Лили Марлен», а что ещё?.. А посреди этой гекатомбы — летнее кафе под полотняным навесом, и он, Винцент Клиховский, сидит за столиком с кружкой хеля, а напротив — профессор Козловский, и официант в белой рубашке и с чёрной бабочкой ставит перед дядей Леосем другую кружку с хелем. И в своём странном сне Винцент уже всё знает о событиях, произошедших в катакомбах Пиллау.

— А ведь ты был одним из лучших студентов, Вицек, — с печалью говорит дядя Леось. — Тебе всё было дано. Почему же ты провалил экзамен?

— Я не понимаю! — отвечает Клиховский. — Я не понимаю!..

— Да, ты ничего не понимаешь, — кивает дядя Леось. — Начнём с того, что ты забыл важного героя из этого сюжета. Зиггона.

— Зиггона? — изумляется Клиховский.

— Каетан спас его от зубра, а зиггон потом задержал Каетана и тем самым не позволил забрать Лигуэт у магистра или Рето, когда эти немцы обессилели на мосту. А ты в Лохштедте стащил с мины того литовца — Пакарклиса. И он тоже задержал тебя, не отдавая пропуск в Шведскую цитадель.

— Разве пара часов промедления что-то изменила бы?

— Безусловно, Вицек. Ты бы сразу отнял меч у Людерса — ещё на входе в комплекс «НАСТ». И Людерс не убил бы этих несчастных молодых людей. Ему нечем было бы замкнуть контакты на взрывателе.

— Людерс — это Рето фон Тиендорф? Да?

— Увы, да, — соглашается Козловский. — Ты искал подобие не в том, в чём следовало. Какая разница, молод он или стар? Он всё равно любил суккуба — Хельгу. Их обоих бросили в темницу. Чтобы спасти суккуба, Людерс бежал и Лигуэтом открыл врагам дверь в убежище. Тут всё очевидно, Вицек.

Клиховскому кажется, что его хлещут по лицу.

— А кем же являлся русский солдат? — глухо спрашивает он.

Круглые очки Козловского блестят отсветом горящих шпайхеров.

— Ты забыл, что такое любовь, Вицек. Русский солдат и немецкая девушка полюбили друг друга. Они действовали заодно. Вдвоём они и стали суккубом.

Клиховский молчит, поражённый.

— Ты помнил о двойственной природе суккуба, — продолжает Козловский, — и решил, что девочка, переодевшаяся мальчиком, и есть суккуб. Вицек, она поменяла одежду, а не природу. Сигельда была с армариусом Рето, как Хельга — с дядюшкой, а Сигельд — с Каетаном, как русский солдат — с тобой. Червонка воспылал страстью к Сигельде, как русская контрразведчица — к солдату Володе. Это всё происходило перед твоими глазами. Ты видел, но не понимал. Сигельда и Сигельд — одно существо. Солдат и его девушка тоже едины, они слиты нераздельно своей любовью!.. Вицек, кто из нас двоих человек?

— А ты уже не человек, дядя Леось? — зло говорит Клиховский.

— Я предатель, — беспощадно усмехается Козловский. — И я давно мёртв. Для тебя я — Бафомет. Ты должен был почуять это ещё при первой встрече.

Клиховский стискивает кулаки.

— Но ты ничего не почуял, Вицек. Ты обманул мои надежды. Ты подвёл своих сыновей. Ты погубил смелого юношу и славную девушку.

— Как я мог распознать этих двоих?! — не выдерживает обвинений Винцент. — Суккуб — демон, а эти двое — обычные мальчишка и девчонка!

— Учись видеть суть! — жёстко отвечает Козловский. — Люди и демоны — только сюжеты! Меч Людερса — просто железяка! Анастифонты — фанатики! Твоё проклятие — твоя глупость, а не мой умысел! Дело не в чудесах!

Пластинка доигрывает до конца. Не беспокоя гостей, официант аккуратно подкручивает ручку патефона и снова включает ту же песню.

...Клиховский на миг очнулся и сообразил, что лежит на палубе «Святого Адальберта» и спит, а «Лили Марлен» звучит вовсе не из патефона в кафе под Журавом, её выдувает из губной гармошки какой-то пассажир, сидящий на крышке трюма, и потрепанные люди вокруг тихонько подпевают, как умеют:

— Под тем столбом фонарным

Шептал я о любви.

Сбегал я из казармы

К тебе, моя Лили.

Ты только позови меня, моя Лили Марлен...

...И опять — кафе, опять — погибающий под бомбёжкой Данциг, горящие шпайхеры, краснокирпичная громада Журава и дядя Леось в круглых очках.

— Мы вечно обречены на бедствия? — спрашивает Клиховский.

— Творец у нас у всех — Он. — Бафомет указывает пальцем в дымное небо с пикирующими бомбардировщиками. — А я только Его подражатель. Поэтому в первый раз — от Него, а я лишь повторяю, и не более.

Клиховский закрыл лицо ладонями.

— Я не знаю, добро или зло творит Тот, Кого я не хочу называть, — говорит Бафомет. — Но повторение — всегда зло. Я же дьявол. Когда вы идёте вперёд, идёте к Нему. Когда назад — ко мне. А направление есть мера вашего разума. И ты оказался глупым, мой друг, и привёл всех в прошлое. Но тебя мне не жалко. А вот тех двоих, солдата и его девушку, жалко. Даже мне — дьяволу.

И в кафе под Журавом крутилась пластинка на патефоне, и девушка пела вечную песню своего умолкшего солдата:

— Пускай убит я где-то

В неведомой дали.

Сбегу я с того света,

К тебе, моя Лили.

Ты только позови меня, моя Лили Марлен.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая.....	3
Глава вторая.....	30
Глава третья.....	50
Глава четвёртая.....	76
Глава пятая.....	100
Глава шестая.....	126
Глава седьмая.....	152
Глава восьмая.....	173
Глава девятая.....	196
Глава десятая.....	222
Глава одиннадцатая.....	248
Глава двенадцатая.....	274
Глава тринадцатая.....	296
Глава четырнадцатая.....	318
Глава пятнадцатая.....	345
Эпилог.....	377

Литературно-художественное издание

Алексей Иванов
Тени тевтонов

Генеральный директор издательства *С. М. Макаренков*

Художественный редактор *Андрей Сауков*

Шеф-редактор *Павел Костюк*

Ведущий редактор *Кристина Коноплева*

Продюсер *Юлия Зайцева*

Дизайнер обложки *Ольга Закис*

Компьютерная верстка: *Татьяна Мосолова*

Корректор *Алевтина Пароева*

Подписано в печать 08.12.2020 г.

Формат 60х90/16. Гарнитура «Giga Sans». Усл. печ. л. 24,0

Тираж 30 000 экз.

Заказ № А-3391.

Адрес электронной почты: info@ripol.ru

Сайт в Интернете: www.ripol.ru

Издательство «РИПОЛ классик» в соцсетях:

vk.com/ripolclassic

www.facebook.com/ripolclassic

www.instagram.com/ripolclassic

Редакция художественной литературы:

vk.com/ripol_fiction

www.instagram.com/ripol_fiction

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»

109147, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 23

Отпечатано в типографии филиала АО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

E-mail: idelpress@mail.ru

1457 год.

Враги штурмуют замок Мариенбург –
столицу Тевтонского ордена.
Тевтонский магистр бежит в Пруссию.

1945 год.

Советская армия штурмует прусский город
Пиллау. И теперь от врага бежит
нацистский гауляйтер.

Что общего между этими событиями?

Их объединяет древняя тайна крестоносцев –
тайна Лигуэта, меча Сатаны.

*«Да, пьесы оказались на разных языках,
и драматурги не ведали друг о друге, но
символ, порождающий действие, всегда
выстраивал свой неизменный родовой
сюжет: если роза – то любовь,
если меч – то война».*

**И повторение истории –
всегда путь к Сатане.**

 storytel original

ISBN 978-5-386-13977-3

9 785386 139773

Слушайте аудиовersion романа
и еще 115 000 аудиокниг в Storytel.
При регистрации по ссылке 30 дней
бесплатно!

РИПОД
КЛАССИК